

Тихон Стрелков

ПРИЗРАЧНАЯ

НОГА

Тихон Стрелков
Призрачная нога

«Издательские решения»

Стрелков Т.

Призрачная нога / Т. Стрелков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508648-8

Смолл Уиткинс ненавидел делать то, что получалось у него лучше всего — убивать, и сколько себя помнил, мечтал свалить из родного дома. И такой шанс ему выпал. Волей случая он встретился с принцессой Флорой, потерявшей по дороге своих стражей, и согласился проводить ее домой. Это решение навсегда изменило его жизнь. Он отправился в путь за свободой и возможностями и даже не представлял, что судьба запихнет его в другой мир и отнимет ногу для того, чтобы потом вернуть ее и снова отнять.

ISBN 978-5-00-508648-8

© Стрелков Т.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1. Туманная Долина	6
ГЛАВА 2. Путники	14
ГЛАВА 3. Тряска	25
ГЛАВА 4. Просьба принцессы	32
ГЛАВА 5. Тетушка Балгани	43
ГЛАВА 6. Черная Лощина	53
ГЛАВА 7. Рабы Маньерто	59
ГЛАВА 8. Возвращение домой	67
ГЛАВА 9. Город на горном плато	70
ГЛАВА 10. Старшая сестра	75
ГЛАВА 11. Я буду прыгать	79
ГЛАВА 12. Безликий король	84
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Призрачная нога

Тихон Стрелков

© Тихон Стрелков, 2019

ISBN 978-5-0050-8648-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1. Туманная Долина

Смолл Уиткинс пригнулся, проскочил под норвящей отпилить голову острой травинкой и дернул носилки на себя. Тело, накрытое брезентом, скользнуло вперед, и жесткая голова ударилась ему в копчик.

— Эй, какие корни тебя тащат? — рявкнул Билл Флинтон, резко остановившись. Брус едва не выскочил из потных рук Смолла. — Не у всех ноги длиннее костылей. Шагай размеренно, понял?

«Да заткнись ты!» — подумал Смолл.

Он бы охотнее зарядил Биллу в челюсть. Но тот ему платил, а работодателя нужно уважать — хотя бы для виду — иначе рискуешь остаться ни с чем.

— Понял, — слабо отозвался Смолл.

— А теперь пошли! — подтолкнул Билл. — Следующий цветок наш. Я тебе рассказывал, как на прошлое перо повстречался...

Солнце висело прямо над тропинкой, и высокая изгородь из острой, выше Смолла, травы нисколько не спасала от зноя. Смолл вполуха слушал коротышку и, щурясь, крутил головой, выискивая следы травяного метателя: пупырышки на толстых стеблях, взрыхленные норки и червей. Ему давно нужно было пополнить запасы кислоты.

Тропинка расширялась, и вскоре Смолл с Биллом вышли на поляну. Она прогалиной выступала в частокле травы, прогалиной, на которой росла Вечная календула. Смолл вскинул голову, поглядел на домик наверху. Двухэтажный, каменный, с любопытной пристройкой к чердаку, огороженной черной решеткой. Чтобы построить такой дом на цветке, одного серебра будет явно недостаточно, нужны связи с каменоломней, фондорийскими строителями, а также разрешение местных смотрителей.

— Здесь покладем! — Билл остановился в тени, отбрасываемой оранжевыми лепестками календулы.

«Положим», — поправил про себя Смолл, и они опустили носилки. Смолл размял затекшие плечи, оттянул ворот прилипшей к телу льняной рубахи и подул: горячее дыхание совсем не освежило. Отвязал от рюкзака лопату и протянул Биллу. Тот пил из бурдюка и поперхнулся от возмущения.

— Копай первым! — проскрипел он, зачесывая мокрыми ладонями сальные черные лохмы, и облизнул пухлые выцветшие губы. — В прошлый раз я гораздо больше выкопал.

Смолл резко выдохнул носом, вцепился в деревянный черенок и пошел к колючему стволу Вечной календулы. Билл не хуже его знал, что самое сложное — выкопать по колено. Дальше почва станет мягче, и загребай, сколько хочешь. Он вдавил металлический штык в сухую землю, вскопал и краем глаза заметил, как Билл довольно потянулся.

«Чертов лентяй! — подумал Смолл, но тут же себе напомнил: — В конечном счете, побеждает тот, кто умеет терпеть, когда нужно», — и принялся за работу.

Смолл уже по пояс ушел под землю, решив, что сам быстрее выкопает, когда услышал мелодичное насвистывание. Близко. Бежать смысла не было.

— Билл, — шикнул он, ровно настолько громко, чтобы услышал только прилегший в тени работодатель. — Смотритель!

Билл вскочил, точно земля под ним вмиг превратилась в лаву, и побежал к Смоллу с самым важным видом. Трава слева заколыхалась, и спустя мгновение на поляну вывалился грузный смотритель. Смолл понимал, что они с Биллом не в лучшем положении, но не мог

оставить без внимания мастерство, с которым... Квортин Флюкс — Смолл, наконец, разглядел лицо стража порядка — преодолел живую изгородь. Ведь одно неловкое движение там, в траве, и ты останешься без руки, ноги или того хуже — помрешь.

– Так... — проговорил Билл, очевидно решивший сыграть в дурачка и притвориться, словно так увлекся работой, что не заметил гостя, — тебе стоит пройти вот тут и тут...

– О, могильщики! — пробасил Квортин, упер волосатые руки в бока. — Себе яму копаете или мне?

Билл захохотал, как ненормальный.

– Что вы, что вы... — пролепетал он. — Мы помогаем... э-э... бедной семье с пользой похоронить их покойную бабку. Ее дряхлое тело станет пищей корням, и продлит жизнь прелестному Вечному цветку.

Смолл вскинул брови. Он не слышал прежде от Билла слов вроде «прелестному». На Квортина реплики могильщиков не произвели впечатления.

– Да ну? — сказал он. — Сегодня никто не предупреждал нас о похоронах бабки.

– Мы не успели, — бросил Смолл, оперевшись на лопату. Он догадывался, что отмазываться бесполезно, но все же решил попробовать. — Земля здесь чертовски сухая, как видите, нам бы успеть до захода...

– А ты, Уиткинс, молчи! — перебил Квортин. — Артур не обрадуется, если прознает, чем ты занимаешься.

«Не обрадуется», — согласился про себя Смолл, а вслух сказал:

– Он знает уже, — и постарался не отводить взгляда от выпученных, как у рыбы, карих глаз смотрящего. — Ворчал первое время, говорил, что разочаровался во мне, но сейчас свыкся. Работа есть работа.

– Серебро и не такое с людьми делает, — поддержал Билл и обнажил зубы, коричневатые после недавнего перекуса сладким корешком. — Что-то мне подсказывает, смотрящий, что удача сегодня на вашей стороне.

– Найти в яме серебро не каждый день можешь, — Квортин поправил шляпу. Сильнее дурачкой, в форме пышной ромашки, шляпы Смоллу в смотрящих не нравилась только алчность. Он читал указ смотрящим, подписанный фондорийским королем, в нем трижды повторялись строки: «Клянитесь быть честными и охранять справедливость. И если ваша совесть хоть раз преклонится перед чужими богатствами — клянитесь немедля сжечь шляпу». Похорошему их с Биллом должны наказать, но, к счастью для Смолла, указы подписываются не для того, чтобы им следовали, а для того, чтобы они просто были. — Сколько вы хапаете за дело?

– Десять, — без заминки ответил Билл. — Иногда пятнадцать.

– Ты за кого меня принимаешь, могильщик? — прорычал страж порядка.

– Тридцать.

– Так... Еще один неверный ответ, и удача отвернется от меня и плюнет в вас.

– Это ведь хорошо, — усмехнулся Смолл. Он не сомневался, что смотрящий просто набиивает себе цену. Дело времени, когда Билл якобы проколется и скажет: пятьдесят серебряных. До семидесяти, думал Смолл, он не дойдет. Уж на это ему хватит ума.

Но Билл, видимо, не читал игры:

– Сто, — взволнованно выпалил он. — Нам дают сто серебряных.

– Что? — теперь вскинулся Смолл. — Ты говорил семьдесят.

– Говорил, — сознался Билл. — Понимаешь, мне...

– Я хочу пятьдесят, — потребовал смотрящий.

– А не жирно ли? — Смолл получал тридцатку за половину дня тяжелой работы, а этот шляпочник просит почти в два раза больше за молчание.

– Уже шестьдесят. Еще раз пасть откроешь, и будет семьдесят.

– Не слушайте его, он юнец... совсем не соображает, что говорит! — Билл загородил собой разгневанного Смолла, достал из рюкзака звякающий мешочек и протянул Квортину. — Мне кажется, вы что-то уронили.

– Так и есть, — смотритель сунул взятку в карман широких песочных брюк. — А теперь я хочу свои шестьдесят монет!

Билл побледнел, а Смолл потянулся за луком, который повесил на коричневую колючку Вечной календулы. Ему нужно пару мгновений, Квортин не успеет увернуться.

– Да расслабьтесь, вы, — хохотнул Квортин, — нет у меня на вас ни времени, ни настроения. И, Уиткинс, Артуру я все-таки скажу, имей в виду. Обязательно скажу.

Он пошел прочь и вскоре скрылся за густой травой. Смолл цокнул и повернулся к Биллу. Коротышка попятился и поспешно вылез из ямы.

– Чего ты так зыркаешь? — проскрипел он, пытаясь вернуть своему голосу силу.

– Ты мне должен сто серебряных, — ответил Смолл.

– Ничего я тебе...

– Слушай, Билл, шляпочник меня расстроил. У меня до сих пор руки чешутся: натянуть тетиву. Ты мне найдешь сотню, найдешь, не сомневаюсь, как докопаем, проверим, что у тебя с собой есть, правда? Иначе я затолкаю тебе вот это черенок в зад, насажу на колючку и буду стрелять. Мишень из тебя небольшая, но ты же знаешь, я не промахнусь.

Билл сглотнул, но, надо отдать ему должное, страха не выказал.

– Будет правильно отдать тебе заработанные монеты, — кивнул он.

– Конечно! — Смолл продолжил копать.

Солнце, бившее до этого в лоб Смоллу, теперь обжигало его волосатый затылок. Билл сидел на краю ямы, свесив ноги, и махал перед собой листом Вечного терновника, как огромным веером. Смолл предплечьем вытер мокрый лоб и выдохнул:

– Этого должно хватить, — сказал он. От запаха сырой земли его уже тошнило. — Тащи носилки!

Билл заколебался, словно по привычке захотел перекинуть работенку на Смолла, но потом все же неохотно затрусил к носилкам. Смолл перевел взгляд с толстого, как две бочки, колючего стебля Вечного цветка на ровную стенку ямы спереди и закрыл глаза, слыша, как бухает сердце в груди. Подбираясь к корням так близко, он всегда вспоминал рассказы матери о покинувших мир могильщиках и шептал сам себе, что ни за что не станет следующим.

– Снова молитвы читаешь? — Билл приволок носилки и уложил их на краю ямы.

– Какой от них толк? — Смолл заметил, что тело старухи съехало в сторону. — Не мог аккуратнее тащить?

– Труп не дела до аккуратности.

– Мы наверняка этого не знаем, — Смолл пожал широкими плечами. — Как ее звали?

– Тебе какое дело? Старуха и за морем старуха. Когда я предлагал тебе работу, что говорил? Меньше вопросов, больше дела. Было такое?

– Было, — согласился он. — Но и ты говорил, что платят тебе семьдесят. Было такое?

Билл скрестил жилистые загорелые руки.

– Теренина Словер, — сказал он. — Больше ни слова.

Смолл кивнул, присел на колени и приложил палец к соленым губам, а ухо — к сырой земле. Жужжание жучка, кружащего по яме, мешало сосредоточиться. Смолл зажал второе ухо и перестал дышать. Билл притих, и он услышал этот противный слабый звук, который ни с чем не перепутает. Словно маленькие языки извивались во рту. У него по спине побежали мурашки.

Он глянул на Билла: тот сдернул материю с тела Теренины. Смолл увидел бледное брыластое лицо старухи и светло-розовый след на ее водянистой шее.

– Что это? — прошептал Смолл, ему стало дурно. — Билл, что это? Как она умерла?

– Забудь, твое дело хоронить!

– Это ты ее задушил?

– Никто ее не душил, — прошипел Билл. — Мы договорились – без вопросов!

– Как она умерла? — повторил Смолл и поднял лопату.

– Повесилась она, вот что. Доволен?

Смолл опустил лопату. Он не тот, кто должен ее судить, каждый волен жить — как сумеет, и умереть — как захочет. Смолл мягко взял Теренину Словер на руки и опустил в яму, уложив у своих ног. Билл подал ему квадратную дощечку, размером с небольшое окошко, и мачете. Мачете Смолл воткнул в землю, чтобы быстро вытащить, если потребуется, а дощечку прислонил к ноге.

«Теренина Словер, ты покинула мир в поисках лучшей жизни, и ты ее найдешь, — проговорил Смолл про себя. — Твоя смерть не напрасна, — сейчас ему сложно было даже мысленно произносить эти слова, — твое тело на долгие годы продлит жизнь Вечному цветку, который сберегает жизни других людей. Прощай!».

Смолл изо всех сил ударил лопатой, пробив насквозь стенку ямы спереди. Быстро дернул черенок назад и саданул острием еще раз и еще, вырезав в земле отверстие, в которое сам бы он не пролез. Билл распахнул рубаху, загородил собой прямые лучи солнца, и Смолл отскочил назад, выхватив из почвы мачете.

Из отверстия в стенке ямы выглянул маленький, напоминающий червячка, корешок и повилал туда-сюда кончиком, словно убеждаясь, что опасного солнца нет, после чего двинулся прямо к ногам старухи, за ним поползли дюжина корешков — один толще другого. Самый крупный не уступал в толщине ширине мачете. Смолл не шевелился, сердце у него сотрясало грудную клетку. Корни, добравшись до старухи, резво принялись, как жгуты, обвиваться вокруг ее костлявого тела. Смолл знал, если подождать, они буквально разорвут Теренину на части, а потому подал сигнал Биллу.

Билл отошел в сторонку, и лучик солнца полоснул правую посиневшую руку женщины. Корешки тотчас потащили добычу в отверстие. Не двинулся в беспроглядную темень только самый крупный корень, он незаметно для Смолла прополз под старухой и сейчас стремительно приближался к нему. Парень бесшумно отскочил вправо, и в тот же миг корень Вечной календулы стрелой метнулся в него. Смолл реагировал инстинктивно — выставил перед собой дощечку, как щит. Корень пробил дощечку и наверняка продырявил бы голову Смоллу, если бы он не ухитрился увернуться.

– Руби! — закричал Билл.

Смолл ударил мачете. Страшный визг обрушился на поляну. Кончик корня упал на землю, из обрубленной части хлынула фиолетовая кровь. Билл больше не преграждал путь солнцу. Оставшиеся корешки с визгом неслись обратно в отверстие, к нему же, скользя по земле, полз и самый крупный — раненый.

Смолл дождался, пока останется в яме один, и бросился дощечкой закрывать отверстие. Билл сверху сыпал землю, а он работал лопатой. Его била крупная дрожь. Сегодня он мог умереть по-настоящему. Впервые за время работы могильщиком Смолл видел, чтобы корень проигнорировал труп. Он боялся, что это мерзкое создание вернется, вновь пробьет деревянную заплатку, попытается убить его, и потому работал даже усерднее обычного.

Когда дощечка полностью скрылась под землей, Смолл немного успокоился.

– Я охотиться пойду, — сказал он Биллу, борясь с дрожью в голосе. — Дальше закапывай сам.

Билл, к удивлению Смолла, не стал спорить. Коротышка вытащил из рюкзака мешочек и бросил ему, со словами:

– Тут восемьдесят. Оставшиеся семьдесят получишь на днях.

В Туманной Долине не было математических академий, но Смолл считал неплохо. Билл зачем-то накидывал ему десять монет. Смолл пожал плечами — ему же хуже — схватил рюкзак, прицепил к нему зонт и с луком в руке зашагал прочь.

– Эй, Смолл! — окликнул его Билл. — Со следующего раза будешь брать половину.

Смолл не обернулся, не уверенный, что следующий раз вообще будет.

Обычно выманить жука-секача — дело простое. Достаточно отыскать широкую норку и разбросать возле нее мелко порубленную траву. Секач учует лакомство, решит, что это проделки самки, и поспежит выбраться наружу. Тут-то на него и набросится притаившийся охотник.

Смолл сидел, прислонившись спиной к прохладному одревесневающему стеблю Вечной руты, и ковырял луком сухую землю. То ли он не слишком заботливо порезал траву, то ли жук в норке уже приходовал другую самку, никто не торопился показываться. Солнце медленно клонилось к горизонту, времени у Смолла оставалось все меньше, но он не хотел возвращаться домой ни с чем. Отец этого не поймет. Начнет издеваться и хохотать. «У тебя был целый день, — скажет он, — и ты не поймал жука? Какой же из тебя охотник?». Смоллу придется полночи выслушивать ругательства вперемешку с наставлениями. Нет, лучше он подождет.

От тяжелого аромата руты у Смолла кружилась голова. Ему не верилось, что он еще вчера с удовольствием пил настойку из сухих соцветий этого растения. Быть не может, чтобы, засохнув, что-то так сильно изменяло запах. Он поднял голову и увидел, как стайка летающих рыбешек резвится вокруг белых цветков Вечной мыльнянки, собранных в изящные полузонттики.

«Может, сочков хотя бы наловить?» — подумал Смолл и вздрогнул, услышав позади шебаршение. Попытаться высунуть голову и посмотреть, кто там — самое глупое, что может случиться с охотником. Смолл тихо, спиной скользя по стеблю руты, поднялся на ноги и затаил дыхание.

Шебаршение стихло. Слышно было только хлопанье тонких крыльев сочков, сталкивающихся у цветков руты. Держа лук со стрелой наготове, Смолл не шевелился. Толщины стебля немного не хватало, и краешки его плеч выглядывали по сторонам живого столба. Кто бы сзади ни прятался, любое движение выдаст Смолла. Если уже не выдало...

Смолл увидел, как в десяти двойных шагах напротив него из норки выглянули тоненькие коричневатые веточки и заколебались на усилившемся ветру. Веточки удлинлись, и вскоре показалась мордочка с черными глазами и острыми, точно фондорийские клинки, жвалами. За стеблем руты раздалось «КЛАЦ-КЛАЦ», и Смолл бешено заорал, бросаясь вперед. Он осознавал, как рискует, но другого пути вернуться домой с лапами секача не было. С двумя жуками не справиться. Нужно разделять.

Секач, едва показавший туловище с белыми наростами, испугался крика и скрылся под землей. Смолл перепрыгнул через норку и помчался по извилистой тропинке дальше. Он слышал неотстающее клацанье за спиной и частый топот шести шустрых лап. Незакрепленный рюкзак бил ему по спине, словно подгоняя, а деревянная ручка зонта то и дело отвешивала подзатыльники. Крик наверняка привлек к тому месту всех, кого только мог, и Смолл, петлявший по тропинкам, надеялся не столкнуться с ними. В груди у него уже кололо, а ноги с каждым шагом становились все тяжелее. Он заметил табличку, притороченную к столбцу, на ней большими буквами было вырезано «Лужа», и свернул влево.

Впереди заблестело озеро, и Смолл побежал еще быстрее. Перемахнул через бревно, споткнулся о выступающий из земли косяк, но удержался на тяжелых ногах. Древко лука скользило в потной ладони. Добравшись до песка, он скинул с плеч рюкзак и резко обернулся. В то же мгновение секач, размером с безногую пони, бросился на него. Смолл дернулся в сторону, но сапоги скользнули по песку, и он упал. Над головой пролетело светлое брюшко, и Смолл, перекатившись, вскочил на ноги.

Жук сердито клацнул жвалами. Его коричневый панцирь, состоящий, словно из двух округлых котелков, сверкал на солнце. Смолл вытер ладонь о брючину, смахивая песок, затем двумя пальцами вытащил из колчана за спиной новую стрелу, легко вставил в лук и прицелился. Секач застыл, шевеля лапами в песке. Смолл никогда не понимал эту их особенность. Попались вы в засаду охотнику — так боритесь, бросайтесь, кусайтесь, толкайтесь; если струсили — бегите, но не сдавайтесь. Зачем сдаваться? Зачем ждать?

Он знал, что рано или поздно жук атакует, и не решался стрелять раньше. Секач полз на зов самки, следуя инстинкту размножения, а когда Смолл напугал самку, самец не полез за ней в норку, он помчался наказывать обидчика. Иногда Смоллу казалось, что в этих неразумных созданиях благородства куда больше, чем во многих разумных людях.

Жук клацнул жвалами и, загребая лапками песок, бросился на Смолла. Панцирь секача не пробить, сколько не пробуй, от головы стрела скорее отскочит, чем нет, а потому есть лишь рот и мягкая шейка над головой. Смолл выбрал первую мишень и отпустил тугую тетиву. Стрела попала в цель. Жука передернуло, он резко сменил траекторию, пробежал еще немного, после чего замертво повалился в песок.

У Смолла по телу побежали мурашки.

Он понял, что секач перед смертью, словно бы осознал, что его ждет, и попытался в последний раз вернуться к самке.

Смолл отшвырнул лук и побрел к озеру. Ноги увязали в песке. Руки болтались вдоль туловища. Он зашел по колено в воду и со всего маху пнул. По озеру поползла рябь. Он пнул еще раз и еще. Соленые брызги летели ему в лицо, сапоги наполнялись водой, мокла одежда. Но Смолл не прекращал. Ему хотелось намочнуть, хотелось, чтобы глаза жгло, хотелось делать все то, чего мертвый жук уже никогда не сможет сделать.

«Почему чертов секач в самый последний момент свернул? — не понимал Смолл. Он ненавидел дичь, которая показывала хотя бы зачатки разума. Ее убийство пробуждало в нем чувство вины, тягучее и разъедающее. — Почему даже не попытался, умирая, клацнуть меня жвалами, а помчался к самке?».

«Смертельно раненные насекомые опасны вдвойне, — учил его отец. — Они безжалостны и ни перед чем не остановятся, чтобы разорвать тебя на части». Но где была эта безжалостность, когда секач, получив стрелу в пасть, пронесся мимо Смолла? Он предпочел приблизиться на несколько шажочков к самке, а не вцепиться жвалами в охотника. Жук выбрал любовь. Смолл знал, что скажет на это отец:

«Секач не любовь выбрал, а попытался утащить подальше свой прочный зад. Не выдумывай, будто у этих есть разум и чувства. Они как годовалые дети — дай им есть, пить и спать. А кто помешает, так они разревутся. Но ревут все по-разному. Одни вопят, что есть сил, другие пытаются убить».

«Реветь и убивать — совсем разные вещи», — думал Смолл. Он охотился с детства и научился справляться с чувством жалости к дичи. Что поделать: либо ты, либо тебя. Суровый закон жизни: выживает сильнейший. Иногда Смоллу нравилось вгонять стрелу в глотку дымчатому змею или рубить лапы укусившему его муравью. Но тогда звери или насекомые нападали на него сами, а он просто защищал свою жизнь. Они не отступали в последний момент, как это сделал жук.

– Ничего, — прошептал Смолл. — Скоро мне уже никогда не придется убивать насекомых. Осталось накопить...

Смолл резко замер, заметив в воде розоватые пузырьки. Они, похожие на жемчуг, кружили и лопались у его ног. Он наклонился, сунул руку в озеро и попытался схватить парочку шариков. Тщетно. С тем же успехом можно попытаться повиснуть на облаках. И все же причудливые пузырьки заинтриговали Смолла. Он двинулся по их следу, надеясь отыскать источник. Быстро оказался по пояс в воде и уже начал расстегивать рубаху, когда услышал рог.

С самого высокого цветка в Туманной Долине предупреждали о скором приближении тумана.

Мысли о пузырьках и жуке вылетели из головы Смолла. Он бросился рассекать руками, точно веслами, воду и выбираться на берег. Возле мертвого секача резвились зубастые рыбы-падальщики.

– Пошли прочь! — рявкнул Смолл, размахивая руками. Рыбешки взвились в небо. Он выхватил из-за пазухи нож, присел на корточки и, морщась, срубил шесть тоненьких лапок. Завернул их в желтую ткань и перевернул жука. Брюшное мясо секача кислое и сухое, его и насильно мало кто ест, но внутренности – другое дело. Смолл замахнулся было, но передумал и спрятал нож.

В небе над трупом кружили падальщики. Смолл, щурясь, поглядел на них, затем — на жука и, поджав губы, мотнул головой. Он не даст рыбам терзать тельце секача. Смолл ухватился за выемку в панцире и потащил насекомое к воде. Кровавые обрубки облепила надоедливая мошкара. Пару раз Смолла неприятно укусили за шею, но он не обратил внимания. Ему словно нужно было заделать в плотине дырку, из-за которой на долину вот-вот может обрушиться потоп.

Жук отказывался тонуть. Сколько Смолл не давил на него, сколько не садился на него верхом — секач непременно всплывал. Над водой щелкали заостренными зубами красноглазые падальщики. Смолл не собирался им уступать. Он решил, что если проделает отверстие в светлом брюхе, то жук наполнится водой и пойдет ко дну, и бросился к берегу за ножом.

Но тут второй раз протрубили в рог. Смолл вскинул голову. Небо затесняли взявшиеся будто бы из ниоткуда густые облака. Солнце, так и не успевшее спрятаться за горизонтом, скрылось за молочной завесой.

Над Туманной Долиной повисли сумерки.

Терять время еще — значит пропасть.

Смолл через плечо глянул на жука, чье почковидное тело, подгоняемое ветром, несло к центру озера. «Падальщики все-таки получают свое», — подумал Смолл и прошептал:

– Прости, — после чего вылетел на берег, схватил вещи и, задыхаясь, помчался по узкой тропинке домой.

В сапогах чавкало. Уставшие ноги едва отрывались от земли. Смолл по привычке сворачивал в правильном месте: сил не осталось думать. Он одновременно нарушал три главных правила охотника. Ступал не с пятки на носок, а полной стопой; дышал не тихо носом, а громко ртом; не прислушивался, не принюхивался, не смотрел в оба, а просто гнал, что позволяют бедра. Попадись ему сейчас на пути секач, или муравей, или дымчатый змей — легче добычи для дичи и не придумаешь.

Сумрак стужался. Смолл макушкой чувствовал, как опускаются густые облака. Его подгоняла мысль, что если он не успеет вернуться домой, станет очередным пропавшим.

Впереди показалось вырубленное поле. По непонятным причинам острая трава на нем была вчетверо короче обычной острой травы и пахла хвоей. Смолл воспарял духом. Он точно выбрался из живого плена и теперь бежал, пусть и на тяжелых ногах, но свободный. И теперь видел Вечную космею. Родной цветок, прыгнув с которого, любой бы поломал себе ноги, рос прямо за вырубленным полем. Прямой колючий стебелек, толщиной в два шага Смолла,

малиновые лепестки и деревянный дом, прикрепленный тремя металлическими штырями к пестику. За космеей Уиткинсов по всей долине были разбросаны остальные Вечные цветки со своими домами. В одних уже вовсю светились маленькие, напоминающие издали звезды, огоньки, в других же, казалось, и не замечают приближающейся ночи.

Смолл миновал поле и согнулся под космеей, собирая силы для крика.

– Мам! — позвал он, задыхаясь. — Скидывай веревку!

В ярком окошке мелькнул силуэт отца. Со скрипом отворилась дверь, и на крыльце показалась Марта Уиткинс.

– Артур, скорее! — взволнованно крикнула она.

В третий раз протрубили в рог, и Смолл резко обернулся. За вырубленным полем облака уже спустилась, превратившись в туман, и теперь ползли к цветку Уиткинсов, подобно громадной волне, поглощая все на своем пути. Ни жужжания насекомых, ни шелеста травы, ни ветра — Смолл слышал лишь свое тяжелое дыхание да ощущал гулкие удары сердца в груди. А потом раздался вой, отдаленный и пугающий. Кому бы он ни принадлежал, Смолл бы все отдал — лишь бы не встретиться с ним.

– Хватайся! — услышал он низкий голос отца, и сверху полетела веревка.

Смолл ухватился правой рукой за первый узелок веревки, подпрыгнул и начал подниматься. Каждые полметра он нащупывал новый узелок и изо всех сил тянул себя вверх. Туман тем временем приближался, а вместе с ним и вой.

– Ну же! — крикнул Артур. — Поднажми!

Смолл с помощью отца вскарабкался на крыльцо дома, и все вокруг погрузилось в густой туман.

– Веревка, — пропыхтел Смолл.

– Знаю! — Артур вцепился в веревку и потянул на себя. Тщетно. Попробовал еще раз — то же самое. Смолл с недоумением глядел на отца. Уж чего-чего, а силы старшему Уиткинсу было не занимать.

– Чего ты там возишься? — крикнула Марта мужу. — Туман испортит ужин!

– К веревке кто-то прицепился, — прошептал Артур, — и, кажется, он лезет вверх.

Смолла передернуло, он никогда не видел отца таким растерянным. Артур глядел вниз и не шевелился. Веревка тряслась у него в руках. Из тумана доносилось тихое отрывистое дыхание.

– Отец! — испугался Смолл.

Слова сына привели Артура в чувство. Он вытащил из ножен изогнутый кинжал и одним движением перерезал веревку. Но за мгновение до этого он разглядел нечто, о котором тут же решил никому не говорить. По веревке карабкался пропавший год назад Фил Нельсон, у него были бездонно-белые, как туман, глаза.

ГЛАВА 2. Путники

Этой ночью Артур не мог заснуть. Из головы не выходили пустые белые глаза Фила. «Он мог просто ослепнуть, а ты, как последний трус, наложил в штаны и перерезал веревку, — упрекал себя Артур и тут же добавлял: — Но, корни меня подери, он странно лез по веревке. Лез легко, словно лез не вверх, а вперед. И за ним был кто-то еще. Возможно даже не один».

Тихое ровное дыхание Марты, лежащей рядом, обычно успокаивало и расслабляло Артура, но сейчас лишь напоминало о дыхании, доносившемся из тумана, шипящем и отрывистом. Еще недавно мысль — спуститься ночью с цветка — вызывала у Артура пьянящий азарт. «Стану первым, кто вернется обратно, — думал он, — вот же, все удивятся, когда я расскажу им правду о том, что прячется в ночи». Но сейчас он уже не был уверен, что готов или хочет узнать эту правду.

Пока Артур боролся со своими страхами и сомнениями, его сын крепко спал в мансарде. Столкновения на земле с живыми корнями и секачом полностью выбили его из сил. Ни стук в окно ночных летающих рыб, ни жужжание комаров, ни писк светящихся жуков в банке, стоящей на тумбочке перед кроватью, — ничто не могло помешать сну.

Смоллу виделось, как он, повзрослевший, отправился в путешествие. Прямоком через вырубленное поле, хвойный лес, громадный Фонсовый каньон, подземную деревню и Валерград, он, наконец, достиг Фондорийского Древа, чья верхушка покачивалась выше облаков. Могучий ствол диаметром тысяча двойных шагов, стальные ворота и сотни вооруженных лучников. Затем, Смолл, он сам не понял как, оказался на самой верхушке Древа, на краю узкой смотровой площадки, огороженной низкими перилами. Из-за чудовищных порывов ветра там приходилось горбиться, чтобы удержаться на ногах. Рядом с ним стоял отец, весь покрытый перьями. Отец кивнул, сказал «Кар-карр» и толкнул Смолла. Смолл споткнулся о перила и полетел вниз головой...

Сон оборвался.

Смолл резко сел, огляделся, понял, что это был всего лишь сон и зевнул. Справа от него светящиеся жуки в бешеном танце носились по банке. Он еще раз зевнул и потер глаза. За окном по-прежнему господствовал непроницаемый туман. В закрытую форточку стучали летающие рыбы, над ухом жужжал комар. Смолл отмахнулся от кровососа и встал. Холодный деревянный пол обжег стопы. Бедрa отозвались болью. Смоллу захотелось вернуться в постель и укрыться теплым одеялом, но он переборол себя и оделся.

Поднимаясь по лестнице на крышу, Смолл невольно поглядел на отошедшую от стены дощечку и сжал кулаки. Вчера, пока он убегал от секача, убегал ради мяса для семьи, отец вскрыл один из его тайников и забрал все сто пятьдесят серебряных монет...

— Как ты мог? — вскричал Смолл, обнаружив пропажу. — Это мои сбережения!

— Если уж на то пошло, ты живешь в моем доме, — спокойно ответил Артур. — Но я не выгоняю тебя, говоря, что это мое. Мы одна семья, из личных вещей у нас могут быть только зонт, оружие да одежда. Все остальное общее. Я не прячу от матери деньги, она не прячет их от меня, так почему можешь прятать ты?

— Я их заработал, сам, — твердо сказал Смолл. — В свое свободное время. Пока остальные занимались ерундой.

— Кого ты имеешь в виду?

— Не важно, — отмахнулся Смолл. — Просто верни мне их.

— Не могу, — Артур развел руками и взглядом указал на зонт, стоявшей в углу прихожей. Рукоятка из плотного дерева на нем аж поблескивала.

— Ты купил ЕГО? — Смоллу, словно ударили под дых.

— Ты видел, какой у матери старый зонт? — вскинулся Артур. — Того гляди развалится. Вот я и купил ей новый.

— Так ты взял деньги Смолла без спроса? — возмутилась Марта. Она до этого возилась в мансарде и только что спустилась. — Не договорился с ним?

— Дорогая, не встревай.

— Мы его завтра же продадим, Смолл, не переживай, — сказала она непреклонным тоном и строго посмотрела на Артура: — Как тебе...

— Мам, не надо, отец спросил у меня, и я разрешил, — соврал Смолл. Он не хотел, чтобы мама расстраивалась. — У тебя ужасной зонт был. Отец посоветовался со мной. Мы вместе решили сделать тебе приятно. Правда, я настаивал на малиновом цвете, а отец взял перламутровый. Но тебе ведь и он нравится, правда? — Смолл попытался улыбнуться.

— Конечно-конечно, он просто чудесный. — Марта так и сияла. Смолл удивлялся порой с какой легкостью мать могла поверить в наспех придуманное объяснение. Отец часто этим пользовался. — А теперь давайте к столу.

Марта отошла к печке за порцией жареного мяса, и Смолл шепнул отцу:

— Зонт стоит сто монет, верни мне оставшиеся пятьдесят.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — Артур пожал плечами. — Дорогая, тебе помочь?

— Да, достань из шкафа банку с морсом. И корни святыя, сними ты уже свои сапоги, все мне тут запачкаешь!

Смолл опустил взгляд и увидел на ногах отца новые кожаные сапоги.

— Шорник сказал их нужно разносить, — ответил Артур и через плечо подмигнул сыну.

«Надо было во сне первым толкнуть отца», — подумал Смолл, усевшись на крыше, возле трубы. Дым отпугивал летающих созданий и согревал.

Смолл любил сидеть здесь сразу после сна, дышать свежим воздухом, слушать легкое потрескивание дров в дымоходе и наблюдать за тем, как серая плотная дымка, оседая, слоняется под цветками. Наверху же с приближением рассвета туман рассеивался и походил на воздушные облака, которые не могли сокрыть от Смолла звездное небо. Он каждый день глядел на него. В Фондории год исчислялся по созвездию павлина. На протяжении сорока четырех дней на небе медленно — звезда за звездой — вырисовывалось перо, состоявшее из четырех звезд. После того, как все восемь перьев павлина ярко вспыхивали на небе, созвездие гасло, что означало конец одного года и начало другого.

Смолл достал из кармана сладкий корень, откусил кусок и зачавкал. Он не думал ни о чем кроме мести. Представлял, как выливает ведро с ледяной водой отцу на сонное лицо или как мочится в его новенькие кожаные сапоги. Его сейчас злила и мать. Почему она так слепа? Почему не замечает всего, что вытворяет отец? Ведь это не первый случай. Артур превосходный охотник, лучший в Туманной Долине, но в последнее время он только и делает, что отдыхает. Продает мясо, раздобытое Смоллом, и половину полученных денег сплавляет в таверне за игрой в камни. Ладно азартные игры, у каждого свои дурости в голове, но воровство... Смолл смирился с тем, что обеспечивает семью сам, но смириться с тем, что у него крадут, он не сможет.

Полторы тысячи монет, столько Смоллу надо, чтобы начать новую жизнь. С детства он стал замечать, что ему не нравится слишком много всего вокруг. Алчные смотрители, дома разврата, дорогие школы и слабо развитая медицина. На смотрителей нет управы, Фондория только на бумаге контролирует их. В дома разврата попадают девчонки всех лет, лишившиеся семьи, у них нет другого шанса выжить. Жители Туманной Долины столь же безграмотны, сколь и бедны. Один день в частной школе обойдется семье дороже, чем два десятка плотных завтраков, обедов и ужинов. А что говорить о медицине? На памяти Смолла ни один человек в Туманной Долине не пережил и пятый десяток лет. В поселении нет лекарей, есть лишь те,

кто мнит себя ими. Иногда и они могут помочь, но чаще всего любая мало-мальски опасная болезнь здесь — серьезная угроза для жизни.

Но все можно изменить. По крайней мере, Смолл в это стал верить, прочитав рассказ о королевском летуне, спасшем родную деревню от бедности. Он поступил в Академию Королевских Летунов и дослужился до высокого звания. А где высокое звание, там и деньги, и влияние. Земля в его родной деревне была сухой, на ней не приживались растения, она отпугивала животных. Ни охоты, ни земледелия — как выжить? Он нашел решение. Переместил деревню под землю и провел ходы к горе с железной рудой. У людей появилась важная работа. Они начали обменивать железо и драгоценные металлы на еду, которой и под землей оказалось не так уж и мало: кроты, бениальские черви, жуки. С тех пор подземная деревня — процветающее поселение.

Смолл мечтал пойти по стопам того человека. Два года назад он повстречался со стариком, чье лицо было испещрено черными шрамами. Старик сказал ему, что для поступления в академию нужно всего полторы тысячи серебряных монет и что найти деньги самая простая часть становления летуном. Смолл загорелся желанием и с тех пор копил монеты. До того, как отец вскрыл его тайник, ему оставалось накопить триста пятьдесят серебряных. Смолл рассчитывал добрать монеты до конца следующего пера. Но теперь ему не хватает пятьсот, и придется ждать дольше.

Когда до рассвета оставалось совсем немного, проснулась Марта. Она села за стол и с расческой в одной руке, зеркальцем — в другой, стала прихорашиваться. Следом с кровати встал и Артур, хмурый и задумчивый. Он через одну пуговицу застегнул рубашку из плотной ткани, а штаны и вовсе надел задом наперед.

– Дорогой, что-то случилось? — обеспокоилась Марта. Не часто ей доводилось видеть мужа таким рассеянным.

– Мне сегодня не спалось что-то, — буркнул Артур и потер пальцами веки. — Наверное... хотя хрен его. С кем не бывает.

Обычно по утрам Уиткинсы отдавались любовным утехам, но сегодня Артур и не взглянул на обнаженное тело жены. Он, одевшись, поднялся на чердак и закричал во весь голос:

– А ну слезай оттуда!

Смолл, услышав голос Артура, демонстративно хлопнул люком, ведущим из чердака на крышу. Он зря надеялся, что у отца есть хотя бы толика совести, которая подскажет ему, что сегодня не стоит цепляться к Смоллу.

– Ты меня не слышал? — Раздались гулкие шаги по лестнице, скрипнул люк, и показалась голова Артура. Морщинистый лоб, горбатый нос и широко посаженные глаза под кустистыми бровями. — Лезь в дом! Сейчас же!

– А то что? — огрызнулся Смолл. — Снова стащишь у меня деньги?

– В дом! — повторил отец. — Не заставляй меня применять силу. Если вымахал, думаешь, не надеру тебе зад? Видно давно ты не получал подзатыльники...

– Как и ты!

– Что ты сказал? — прогремел Артур. Из люка выглянули широкие плечи, затем торс. — А ну повтори!

– Ты давно...

– Эй, вы там! — закричала Марта. — Чего разорались с утра? А ну слезли с крыши! Оба! Еще один крик услышу, и завтракать будете разговорами, а вместо обеда займетесь уборкой. Ясно?

Смолл скрипнул зубами. Частичка его желала, чтобы отец поднялся на крышу, чтобы попытался схватить или даже толкнуть его. Тогда он будет защищаться. Вряд ли у Смолла получится одолеть Артура, но шанс, оставить на наглom лице пару лиловых поцелуев, искал.

– Ты слышал мать. — Отец пожал плечами.

Смолл дождался, как спуститься отец, и слез сам.

За завтраком все молчали. Ни привычных шуток от Артура. Ни безумных идей от Смолла. Ничего. Смолл ковырял ложкой в тарелке, суп из лапок секача никогда не вызывал у него большего отвращения. Артур ел, как в последний раз, — разжевывал хрящи, обгладывал кости, залпом выпивал бульон. Марта не переставала удивляться:

– Ты точно в порядке? Уже третья тарелка!

– Мужчины должны есть много, меня этому еще отец учил.

– Отчего же ты раньше так много не ел?

– М-мм, вкуснотища, — почавкал Артур, уклоняясь от ответа. — Можешь подложить мне еще кусочек лапки?

Марта рассмеялась.

– Этот будет последний.

Семейная традиция — не вставать из-за стола раньше главы семьи — прилично раздражала Смолла. Почему он должен смотреть на то, как чавкает отец? Что за дурость? Больше того он видел, как Артур тянет время, наверняка нарочно, чтобы позлить его. И мать этого не замечала. Снова. Смолл стянул из жестяной миски в центре стола несколько острых корешков и затолкал в рот.

«Пусть огонь съестной сожжет гнев», — подумал он.

– Смолл, что ты делаешь? — испугалась Марта. — Нельзя же их есть просто так, на пустой живот.

Глаза у Смолла заслезились, его передернуло. Красный, как крупный прыщ у него на шее, Смолл прильнул к протянутому матерью стакану с водой. Пламя во рту потушила сладковатая прохлада. Он прокашлялся, поглядел на медленно покусывающего лапку секача отца и понял, что гнев никуда не делся.

Артур доел, вытер рубахой жир с уголков рта и, не замечая недовольного выражения лица Марты, заговорил:

– Отныне, ты, — он показал пальцем на сына, — будешь возвращаться домой до первого рога. Ясно?

– Нет, — горячо возразил Смолл. — Мне далеко за двенадцать...

– Но ведешь ты себя, как ребенок!

– Дорогой... — вмешалась Марта.

– Не перебивай меня! — бросил он жене. — Смолл, твоя вчерашняя выходка могла стоить нам жизнью!

Смолл вскинул брови.

– Какая именно? Та, что я потребовал у тебя пятьдесят монет, которые ты стащил у меня, и купил себе сапоги? — На мгновение у Смолла промелькнула мысль, что отец уже знает о его работе могильщиком, но он тут же загнал ее куда подальше. Если бы Артур знал и об этом, был бы скандал.

– Нет, ты вернулся слишком поздно.

– Так сапоги это не подарок шорника? — нахмурилась Марта.

– Да и что в этом такого? — не понял Смолл. — Поздно и поздно.

– Да то, что вчера к нам в дом могли забраться из тумана!

– Сапоги не подарок шорника? — громче повторила Марта, начиная терять терпение.

– «Забраться из тумана»? Кто? Да, по веревке кто-то лез вверх... ну и что с того? Будто такого и раньше не бывало. В прошлом году, когда ты вернулся с охоты, было то же самое. Мы отрубили веревку и все. Что изменилось сейчас?

– Многое! — выпалил Артур. Он понимал, что, не говоря всей правды, объяснить решение не сможет, но также знал, что поступает правильно и защищает Смолла. — Когда-нибудь ты поймешь. А сейчас, ты должен возвращаться домой до первого рога.

– Многого хочешь...

– Да замолчите вы! — закричала Марта. — Оба! Что с вами такое? Со вчерашнего дня цапаетесь, как два самца секача! Мне это надоело. Завязывайте. Если, Артур, ты купил сапоги на деньги Смолла — отдай их обратно шорнику и верни деньги сыну. А ты, Смолл, прекрати перечить отцу! Если отец говорит, что надо возвращаться до первого рога, на то есть причина. Он взрослый человек и знает, что для тебя будет лучше. К тому же, — добавила она мягче, — мне будет спокойнее, если ты будешь приходить раньше. Я так волнуюсь, когда ты задержишься. И у меня сердце болит, когда вы ругаетесь, так что, пожалуйста, не кричите больше друг на друга.

«Удар ниже пояса, — подумал Смолл. — Она ведь знает, что я ее слишком люблю».

– Ладно, — согласился он и так, как отец встал из-за стола, поспешил наверх к себе в комнату.

Туман медленно рассеивался. Светлело. Смолл через чердачное окошко наблюдал за Макнейром из домика напротив. Он — во всеоружии — глядел в небо. Зонт в его руке раскачивался, рюкзак плотно сидел на спине. Макнейр был кузнецом и наверняка собирался отправиться в подземную деревню к приятелю, поставляющему ему железную руду. Пару раз Смолл ходил с ним, там ему и выковали кинжал из двух сплавов: стали и серебра. Смолл не любил холодное оружие, но подаренный клинок берег.

Еще недавно чистое небо заполнили тяжелые тучи, обещавшие скорый дождь. И Смолла это радовало: не придется охотиться. Дожди в Туманную Долину приходили не часто, но приносили с собой потопы. Острая трава на четверть уходила под воду, и наземные твари разбегались, кто куда. Часами напролет с неба лилась пахнущая сиренью вода. Этот феномен местные жители и не пытались объяснить. «Бывает, — говорили они, — что что-то в мире устроено так, а не иначе. И никак наоборот. Это, несомненно, один из тех случаев».

Когда от тумана не осталось и следа, на самом высоком цветке протрубили рог. Путь на землю был открыт. Не многие осмеливались покидать дома в дождливые дни, но Макнейра уж точно нельзя было отнести ко многим. Кузнец уже летел, раскрыв зонт, с цветка на землю, и Смолл, видя его вдохновляющий полет, не собирался отставать. Он рванул по лестнице вниз, едва не сшиб мать, но вовремя увернулся. Присел на корточки в прихожей и стал завязывать шнурки на сапогах. Раздался гром. Смолл краем глаза заметил ярко-желтые вспышки в небе за окном и услышал, как забарабанил дождь по крыше.

– Фрэнк был прав, — хмуро пробормотал Артур.

– Он вообще редко ошибается. Насчет погоды, — добавила Марта.

– Ты снова про это? Если он не хочет обзавестись женой, кто его насильно заставит?

– Ну, — Марта подошла к мужу и нежно положила руки ему на плечи. — Например, кто-то из его близких друзей...

– Завязывай, — улыбнулся Артур и посмотрел на Смолла. — Ты куда собрался?

– Гулять.

– Забери Монти заодно.

– Дорогой, я хотела попросить тебя об этом, — сказала Марта, улыбувшись. Ее глаза цвета влажного каштана заблестели. — Монти будет рад провести с тобой немного времени.

Монти Уиткинс был младшим братом Смолла. Кучерявенький, полненький любитель повеселиться с друзьями — он был чуть ли не полной противоположностью брата, предпочи-

тавшего проводить время в одиночестве. Когда отец звал Монти на охоту, он вечно ссылался на какие-то болячки. «Я бы с радостью, отец, — говорил он, — если бы не нога. Ну, я это... вчера, когда спускался с космеи, подвернул. Теперь вот толком ходить не могу». Удивительно, но подобные отговорки у него срабатывали с завидной регулярностью. И получилось так, что к тринадцати годам Монти ни разу не побывал на охоте.

Вчера Монти отправился ночевать к своему другу Арнольду, чей домик стоял на Вечной ромашке в самом конце долины возле пруда. Там он собирался, втайне от родителей, впервые в жизни выпить эля. Смолл прекрасно это знал, а потому, услышав имя брата, скорчил недовольную гримасу. Он не понимал, как можно так бесполезно растрачивать свою жизнь.

Смолл незаметно для отца и матери поднялся наверх, постаравшись не наследить. Ему почти это удалось. Там он стянул с себя холщовую безрукавку и тряпичную рубашу, повесил рюкзак на спину и распахнул круглое окошко. Затем с разбегу стрелой проскочил в оконную раму и раскрыл зонт — вещь, без которой не представить себе жизнь в Туманной Долине. Воздухонепроницаемая паутина летающего паука, натянутая на каркас зонта, выплавленный из самых легких металлов, помогала прыгунам становиться почти невесомыми. Она позволяла людям плавно спускаться с высоченных цветков на землю без особого вреда для здоровья.

— О-оу! — воскликнул Смолл, пролетая над окнами родителей. Мать крикнул ему что-то вслед, но из-за шума дождя слов он разобрал. — Буду осторожен!

Толстые водяные стрелы толкали зонт, а вместе с ним и Смолла вниз. Ни о каком плавном спуске и речи ни шло. Смолл просто падал, падал не так быстро, как если бы не держал зонт, но и не так медленно, как обычно. Приземлившись, он почувствовал, как по позвонку пробежалась неприятная вибрация, и быстро сложил зонт, не зная точно, как поведет себя паутина, если ее долго держать под таким напором. Снова прогремел гром. Дождь все усиливался. Теперь вода лилась с неба сплошным потоком, таким плотным, что дышать можно было, лишь прикрыв рот ладонями и отгородив ими небольшое пространство для воздуха. Волосы за несколько мгновений превратились в непослушную тряпку. Смолл, дрожа, сунул зонт в рюкзак и побежал. Он знал, где можно укрыться даже в такую непогоду. В трехстах двойных шагах от космеи Уиткинсов, возвышался Вечный терновник, чьи листья росли так плотно друг к дружке, что создавали подобие крыши.

Когда Смолл добрался до терновника, вода угрожала щиколоткам. Он помнил рассказы шорника про то, как важно носить хорошую обувь из кожи и резины. «Молния, — говорил шорник, — не часто, но бьет в землю. А если там всюду вода, удар молнии расплзется по ней и ударит любого, кто будет стоять в воде. Любого, кто будет стоять в воде, и носить плохие сапоги».

Смолл не очень-то верил шорнику, тот любил приукрашивать, но взбираясь по скользкому стволу терновника, он с долей облегчения для себя обнаружил, что носки его не намочили.

— Так-то лучше, — пропыхтел Смолл, усевшись на жесткое и неудобное, но сухое местечко. Крупные капли дождя стучали по толстым салатным листьям над макушкой. Изредка гремел гром. Смоллу нравилось слушать музыку природы, нравилось вдыхать влажный аромат сирени, нравилось изучать узоры на стеблях и листьях терновника. Красиво. Свежо. И безмятежно спокойно. Убедившись, что никакие шальные капли не намочат его, он бережно достал из рюкзака потрепанную книгу и с головой ушел в чтение.

Где-то в пятидесяти двойных шагах от терновника по лужам шлепала необычно одетая троица. Посередине шла невысокая худенькая девушка в платье цвета хаки с ажурной пелериной. Ее каштановые волосы были сцеплены золотой заколкой, на шеи висел пятиугольный медальон с опалом в центре. Спереди и сзади от нее в ногу шагали двое мужчин в коричневых кожаных доспехах — один высокий и тонкий, как бревно, другой приземистый, но пугающе широкий. Они держали над головой девушки водонепроницаемое полотно.

– Что-то не нравится мне все это... — хныкала девушка. — Вода все прибывает и прибывает. Откуда ее столько на небе? Полы платья страшно намочили, полотно толком не спасает... Нам стоило послушаться того старика и остановиться в трактире.

– Помните, что произошло, когда мы поверили табличке? — спросил высокий.

Девушку опустила голову: хотелось бы ей не помнить.

– Мы поверили табличке, — сказала она едва слышно и добавила увереннее и громче: — Не человеку. Что нам теперь: никому не доверять?

– Здесь — никому, но скоро мы снова будем дома.

– Да, скоро, — уныло согласилась она. — Хотелось бы мне, чтобы весь обратный путь к Древу оказался дурным сном, чтобы я открыла глаза уже дома. И все те, кто... были живы.

– Мне бы тоже этого хотелось, — кивнул высокий, тяжело вздохнув. — Принцесса Флора, давайте остановимся в одном из здешних домов и переждем дождь?

– Ты видишь здесь дома? — Флоре не нравилось, когда люди задавали глупые вопросы. — Я нет. Очевидно, что это ненаселенное место.

– Но на карте это место...

– Не говори ерунды, Генри. Ты и сам знаешь, как часто картографы лажают.

Флора сказала слово, за которое няня, несомненно, отругала бы ее, и покраснела.

– Так что никаких остановок! — заключила она.

Два пера Флора гостевала во дворце Лорда Оайама, проводя большую часть времени с его старшим сыном Винижером, от которого она была без ума, и лишь два дня назад отправилась домой в сопровождении фондорийской стражи. После комфортных хором, где принцессу мыли чужие руки, одевали известные на всю Фондорию мастера, а повара буквально исполняли ее любую кулинарную прихоть, любое место, пусть даже лучшее во встречающихся на пути поселениях, напоминало ей сараи да конюшни. Вонь, сырость, грязь — три верных друга Флоры в дороге. Они были повсюду. И Флору еще угораздило надеть платье. Да, она хотела напоследок очаровать Винижера, но сейчас ясно понимала, что это того не стоило. Ледяной ветер пронизывал до мурашек, и мокрое платье уж точно никак не могло этому помешать.

Когда троица проходила мимо высокого зеленого кустарника, Флора случайно наступила на лист под водой и со всего маху шлепнулась в лужу. Брызги полетели во все стороны: окатили стражников и напоили принцессу.

– Как же меня это бесит! — сплевывая воду, закричала Флора. Генри наклонился и протянул ей огромную ладонь, но она отмахнулась. Попыталась подняться сама и снова шлепнулась в лужу — лицом вниз, после чего в истерике забарабанила по воде. — Холод! Вода! Может еще и молния ударит?!

Звонкий девичий голосок разлетелся по округе. Смолл оторвался от книги, глянул вниз и захохотал. Девушка сидела в луже, отмахивалась от протянутых рук и проклинала весь мир.

– Осторожно! — крикнул Смолл. — Молния ведь и услышать может!

Принцесса вздрогнула и тут же угомонилась. От одной мысли, что кто-то кроме Генри и Маура мог увидеть ее такой, ей стало стыдно. Она спокойно поднялась, велела стражникам убрать прямоугольную полотно, вскинула голову, но увидела лишь огромные зеленые листья.

– Кто тут? — спросила она. — Покажись!

– Я могучий кустарник, — пробасил Смолл, — расту тут не одну сотню лет!

– Слезай оттуда! — Генри незаметно обогнул толстый ствол кустарника и нашел глазами Смолла. — Слезай, немедленно!

– А то что? Попробуешь залезть ко мне наверх? Я готов на это посмотреть.

Стражник вытащил из-за спины лук, но его остановила Флора:

– Генри, не стоит.

– Она дело говорит, Генри, не стоит!

– Я Флора Фондрорийская, дочь Грегори...

– А я Владыка Вильгельмский сын Лорда Итакисяк, — весело перебил Смолл.

Флора старалась оставаться невозмутимой. Она подошла к Генри и разглядела по пояс раздетого, длинноволосого юношу, который, свесив ноги, сидел на ветке высоко над землей и улыбался во весь рот.

– Ты не знаешь, где тут ближайший населенный пункт? — Принцесса старалась говорить легко и непринужденно, сохраняя достоинство, что было не просто сделать в мокром грязном платье.

Смолл сунул книжку в рюкзак, после чего ловко спрыгнул на лист снизу и уже по нему скользнул на землю, обрызгав стражников, загородивших девушку. Он заметил на коричневых доспехах стражников вытесненную золотом эмблему лабриса — регалию Фондории и вскинул брови.

– Это твои телохранители? — Он слышал, что у королевских летунов зеленые доспехи, но все равно по дуге обошел мужчин, выискивая на их плечах знаки — лук полумесяцем с натянутой стрелой.

– Стражи, — поправила Флора. — Так ты знаешь, где тут ближайшее поселение?

Она впервые видела накаченного мужчину без рубашки и долго не отводила взгляд от его тела, словно вылепленного из глины умелым скульптором. Смоллу польстило, что его так открыто разглядывают. К тому же девушка показалась ему очень красивой, и то, что она была в мокром платье, а ее волосы висели, как старая тряпка, которой Марта мыла полы, ничуть не помогало скрыть красоты. Большие глаза цвета влажного изумруда, такие яркие, точно изнутри их подсвечивали летающие жучки, пухлые невинно приоткрытые губы и кожа, на вид сказочно гладкая, Смолл одновременно и хотел ее коснуться, и боялся не нарочно оставить на ней царапины.

Он заметил, что Флора дрожит, и вытащил из рюкзака хлопчатую рубашку.

– Надень, — сказал он, бросив рубашку девушке. — Наши домики стоят неподалеку. Я покажу.

Смолл молча обогнул стражу и рукой поманил за собой. Он шел без зонта, капли поутихшего дождя стекали по его мокрому телу. Принцессе показалось, что юноша дразнит ее: «Смотри, как я могу! — словно говорил он. — А ты, трусишка, и дальше прячься». Флора надела рубашку и вылезла из-под непромокаемого материала, который несли стражи над ее головой.

– Принцесса! — воскликнул Генри.

– Все в порядке, — заверила его Флора и поравнялась со Смоллом. Зубы у нее стучали от холода, изо рта шел пар.

– Но... — начал Генри.

– Я сказала: все в порядке! — рассердилась Флора и, чувствуя, что краснеет, потупила взгляд. — Вечно они докучают мне своей заботой.

– Так ты, правда, принцесса? — спросил Смолл. Он краем глаза глянул на плотно облегающее под рубахой мокрое платье девушки и различил очертание сосков, затем, смутившись, отвернулся.

– Да. Я Флора Фондорийская дочь Грего...

– Давай без этих никому ненужных речей! — бросил Смолл. — Никогда не понимал, зачем так длинно представляться, если можно просто сказать имя и семью, которой ты принадлежишь. А то в книгах порой целые абзацы занимает эта никому неинтересная показуха. Я Диана Фольберт третья дочь Гедемина Фольберта Четвертого сына... Гадость! Просто гадость!

– Не культурно перебивать девушку, — упрекнула его Флора.

– Да клал я на это твое «не культурно». Если кто-то говорит то, что тебе не нравится — смело перебивай!

– Следи за словами! Ты разговариваешь с принцессой! — возмутился Генри.

– А я думал с кактусом. Спасибо, что напомнил, здоровяк.

– У меня есть имя, — оскорбился Генри. — Генри Ф...

– Не трать впустую воздух, я все равно не запомню.

Молчаливый стражник, Маур, тихо хмыкнул.

– Как тебя зовут? — спросила Флора.

– Смолл. Смолл Уиткинс. Что вы здесь забыли? В Туманной Долине, — добавил он на всякий случай.

Тем временем дождь ослабевал. Ветер теплел, рыбешки вылезали из своих укрытий. Смолл с удивлением заметил покачивающихся на ветке сирени трех канюков. Птиц в Туманной Долине водилось не много: канюки, орлы, ястребы, галки и вороны становились легкой добычей дымчатых змеев. В редкий день человек мог увидеть одну птицу, а чтоб сразу три и одной породы — так вообще дело сверхъестественное. Смолл улыбнулся Флоре, кивнув на мяукающих пташек, но она неожиданно отвернулась, и он нахмурился.

– Мы проходим, здесь, — ответила Флора, рассматривая все что угодно, кроме лица Смолла. Он ее смущал, так неприкрыто улыбаться девушке — дурной тон. — Я возвращаюсь домой, Генри и Маур меня провожают.

– Только двое?

– Что «двое»?

– Двое стражей? Почему так мало?

– Их было больше, — быстро вставила Флора.

– «Было»?

– Не важно, — с печалью в голосе сказала Флора. — Перестань задавать вопросы.

– А книги не врут, оказывается, — вздохнул Смолл. — Принцессы — не разговорчивые существа. — Он нарочно сделал акцент на последнее слово, рассчитывая спровоцировать Флору на беседу, — не часто приходится иметь дело с королевской семьей, нельзя упускать такой случай, — но девушка промолчала.

Смолл пожал плечами и повел молчаливую троицу дальше по заранее выбранному самому длинному пути до поселения.

Скоро закончился дождь. Занавес туч развеялся, выпустив на голубую сцену солнце. Над острой травой резвились рыбешки, слишком легкие для того, чтобы летать в дождь, слишком голодные, чтобы терпеть теперь. Смолл не обращал на них внимания. Он шлепал по лужам так быстро, что Флора едва за ним поспевала, хотя жаловаться на этот счет она и не думала. Она жалела, что попросила парня не задавать ей вопросы и терпеливо ждала, когда он заговорит снова. Тогда-то она покажет ему, какая она разговорчивая, покажет, как эти книжные стереотипы врут. Только ему надо спросить ее еще раз, неважно о чем, главное спросить. Пару раз Флора перебарывала себя, интересовалась: «Долго ли осталось идти?», но Смолл то ли не замечал намеков, то ли не хотел замечать и отвечал односложно или вовсе достаивал ее лишь коротким кивком. Наконец, спереди вырос гриб в два с половиной раза выше Генри; Смолл свернул по тропинке влево, обогнул вьющийся вокруг травы сорняк и остановился.

– Вот мы и пришли. — Они стояли на покато холме, отсюда открывался восхитительный вид на Долину. В частоколе блестящей на солнце травы, лабиринтом разрезанной тропинками, выделялись проплешины, из которых выступали Вечные цветки — космеи, календулы, ромашки, руты. На цветках ютились домики: одни из сосны, другие из дуба, третьи из камня.

Смолл помахал кому-то рукой.

– Ладно, — бросил он, — дальше вы сами.

– Постой! — не выдержала Флора. Ей казалось неправильным, что он может так просто взять и уйти. — На каком цветке живешь ты?

Смолл почесал мокрый волосатый затылок.

– Вон, на той малиновой космее, прямо перед вырубленным полем, — ответил он, показывая рукой. — А что?

Принцесса ответила прежде, чем успела подумать:

– Я хочу остановиться в твоём домике.

Парень замаялся. Это прозвучало, как предложение создать семью. «Я хочу остаться в твоём доме» — так говорили местные женщины, признаваясь мужчине в своих чувствах. До Смолла не сразу дошло, что третьим словом было остановиться, а не остаться.

– Почему ты молчишь? — с вызовом спросила Флора.

– Хм. А что я должен сказать? — небрежно ответил Смолл, надеясь, что его голос не выдаёт смущения.

– То, что ты любезно примешь меня у себя.

– Значит, я должен соврать? — Смолл вскинул брови.

– Ты разговариваешь с принцессой! — напомнил Генри.

– Ты разговариваешь с принцессой, — передразнил Смолл, прошепелявив. — Мне кажется или ты других слов попросту не знаешь? То, что она очень красивая, не говорит о том, что я должен выполнять любую её прихоть!

Стражник потянулся к ножнам. Для него Смолл был простым дикарем, от которого можно ожидать чего угодно. Порозовевшая принцесса, предчувствуя открытое столкновение, поспешно схватила юношу за руку.

– Прошу, не надо! — сказала она тоненьким голоском. — Генри, ты тоже остынь!

– Но принцесса...

– Я сказала, остынь! Сейчас же!

Видя, что стражник успокаивается, она продолжила:

– Смолл, я хочу остановиться в твоём домике, потому что никого здесь больше не знаю. Я, признаться, не знала и о существовании этого места, — она замолчала, понимая, что говорит лишнее. — Ты примешь меня у себя в доме?

«Ей надо работать попрошайкой, — подумал Смолл. — Невозможно отказать».

– Я живу не один, — сказал он, прочистив горло. — Нужно спросить у родителей.

Пухлые губы принцессы тронула полуулыбка.

– Уверена, они не будут против.

– Эм-м... может, ты отпустишь мою руку?

Флора опустила изумрудные глаза, увидела, какую глупость совершила, и поспешно отдернула холодную руку.

– Прости... — Внутри принцессы все сжалось от одной только мысли, что она держала за руку по пояс раздетого мужчину. «Вдруг он решит, что я девушка легкого поведения? — думала она. — Как же мне теперь смотреть ему в глаза?».

– Флора, пойдем, — сказал Смолл.

Ему было странно называть её по имени, но он этого желал всем сердцем. Сейчас он чувствовал себя доблестным рыцарем, пришедшим на выручку беззащитной принцессе. И пока они пробирались к космее Уиткинсов, Смолл то и дело громко здоровался со всеми, кого только видел, хотя раньше этого никогда не делал. Ему хотелось показать Флоре, какой он известный в Туманной Долине и хотелось показать всем в Туманной Долине, какие интересные у него друзья.

Солнце неспешно ползло к горизонту, когда путники, миновав десяток цветков, очутились под домиком Смолла.

– Издали цветок не кажется таким высоким, — заметила Флора.

– Глаза — последнее чему следует доверять в незнакомых землях, — сказал Смолл, чуть понизив голос, — так говорил Сэр Дарджер.

– Никогда не слышала ни о каком Дарджере...

– Сэре Дарджере! — спешно поправил Смолл.

– Я как принцесса могу себе позволить не называть сэра Дарджера сэром.

– Его зовут Сэр! — рассмеялся Смолл, — он из семейства Дарджеров.

– Мог бы сразу сказать, — приподняв подбородок и отвернув голову в сторону, сказала принцесса.

Стражники переглянулись и хмыкнули.

– Смолл? — Марта Уиткинс высунулась из окна и от изумления приоткрыла рот. — Это... это твои друзья?

Никогда прежде ее сын не приводил в гости друзей, а тут двое хорошо одетых мужчин и удивительно красивая девушка.

– Здравствуйте, я принцесса Флора Фондорийская дочь... — принцесса взглянула на Смолл и решила не продолжать. — Ваш сын любезно предложил мне на время остановиться в вашем домике. Не будите ли вы против, если я проведу эту ночь у вас, подсохну, наберусь сил и завтра утром выдвинусь снова в пути.

– К-конечно! — воскликнула Марта. — Для нас это будет большой честью. Вот только боюсь, что всех троих мы не сможем разместить. Домик небольшой, едва вчетвером помещаемся.

– Это не проблема. Мы переждем ночь возле этого цветка. — Генри почтительно и грациозно, для его комплекции, поклонился.

– Об этом и речи не может идти! — возразила Марта. — По ночам... по ночам...

– По ночам приходит туман, — закончил Смолл, — а вместе с ним и твари.

– Создания тумана, — поправила Марта. — Смолл! Не выражайся в присутствии принцессы!

– Это все байки и суеверия. Единственная проблема, которую реально создает туман — это плохая видимость! — сказал Генри. Он был полностью спокоен, в отличие от его напарника. В глазах Маура читалось беспокойство, и Генри, заметив это, побледнел. Он знал, что некогда Маур охранял ворота нижнего яруса Фондорийского Древа, и знал, что именно после службы он перестал говорить.

– Это не байки! — Из острой травы вышел Артур Уиткинс. Он тяжело дышал, но говорил разборчиво: — Это не байки, господа. За те тридцать пять лет, что я здесь живу, никому... никому не удалось вернуться из тумана. А вчера... — он осекся, понимая, что чуть не взболтнул лишнего.

– Что вчера?

Ответил Смолл:

– Вчера я поздно вернулся домой. Едва поднялся на цветок, как все вокруг погрузилось в туман. Веревка, по которой я лез, все еще оставалась внизу. Когда отец попытался ее поднять, он почувствовал, как по ней кто-то взбирается вверх. Кто-то очень тяжелый. А дальше...

– Что было дальше? — спросила принцесса. Зрачки у нее расширились.

– Отец перерезал веревку, и мы сели ужинать.

– И все? — Генри обратился к Артуру: — Вам не удалось рассмотреть того, кто лез по веревке?

Артур медлил с ответом. Эмблемы Фондории на доспехах мужчин внушали доверие. Быть может, думал Артур, если я расскажу им правду, они что-нибудь предпримут, достучатся до короля, и он пошлет в Туманную Долину отряд, который зачистит туман, и больше не нужно будет волноваться.

– Удалось, — наконец решился он. — По веревке лез пропавший год назад сосед, Фил Нельсон... Он лез вверх, но лез с поразительной легкостью. Нечеловеческой, я бы сказал. У него были пустые, белые, точно туман, глаза. И за ним лез кто-то еще, возможно даже не один.

ГЛАВА 3. Тряска

Когда протрубили в рог, оповещающий о приближении тумана, Флора с двумя стражниками уже грелись в домике Уиткинсов. Марта накрыла стол, но есть никто, по-видимому, не собирался. Генри, смотрел в небольшое окошко, беспокойно поглаживая седую бородку, а его товарищ по службе неподвижно сидел напротив пламени в печи.

— Артур, ваши предки жили здесь с самого основания поселения? — спросила принцесса, не довольная молчанием. Внутреннее обустройство дома совсем не отдавало стариной — дерево свежее, стекла на окнах чистые, без трещин. При подъеме вверх Флора также обратила внимание на стебель цветка. Могучий, значительно шире солдатского шага и совершенно прямой. Она видела всего с десяток Вечных цветков в Долине, пока их вел Смолл, но у каждого цветка стебель был под наклоном.

— Нет, — Артур покачал головой. — Мои предки построили этот дом лет пятьдесят-шестьдесят назад. До этого мы скитались по свету. Пустыни, горные хребты и влажные низменности — Уиткинсы побывали чуть ли не везде.

— А почему они решили остановиться именно тут? — поинтересовалась Флора, и Смолл затаил дыхание. Его отец особо не любил говорить о прошлом. Если бы Артура спросил Смолл, ждать ответа не приходилось бы, но раз вопрос задала принцесса...

— Не знаю наверняка. Я спрашивал это у своего отца, но в ответ он лишь молча кивал, как бы говоря, что вопрос хороший. Иногда, принцесса, мне кажется, что он и сам не знал, почему выбрал именно Туманную Долину. — Артур залпом опустошил кружку вишневого морса.

Смолл разочарованно выдохнул: ничего нового он не услышал.

— А вам нравится здесь жить? — неожиданно спросила Флора. Она быстро согревалась под шерстяным пледом. После уличного холода в деревянном домике было так тепло и уютно. И совсем не похоже на сарай или конюшню.

— Еще бы, — бодро ответил Артур.

— Это очень красивое и доброе место, — подтвердила Марта своим ласковым голосом. — У нас тут есть этот дом, любимая работа и самое главное — мы сами. Ведь не условия жизни делают место любимым и желанным, а люди, с которыми ты проводишь время. Вы согласны со мной?

Флора быстро кивнула. Она, в первую очередь, надеялась услышать ответ Смолла, но тот задумчиво молчал. «И это он упрекал меня, что я не разговорчивая?» — про себя возмущалась принцесса. Смолл сидел напротив, и пару раз девушка якобы случайно задевала его ноги под столом, но он словно и не замечал касаний. Флора привыкла к тому, что мужчины борются за ее внимание, а не наоборот, и решила больше не давать Смоллу шанса заговорить с собой. Но пару мгновений спустя передумала и окликнула его взволнованным голосом:

— Смолл... А тебе здесь нравится?

Юноша поднял на принцессу темно-ореховые глаза, такие темные, что в полумраке они казались почти черными, и улыбнулся.

— Как может не нравиться столь удивительное место?..

— Но...

— Но я не хочу оставаться тут навсегда, — Смолл пожал плечами. — Иногда, чтобы что-то изменить, нужно отдалиться от этого чего-то и посмотреть со стороны.

— Что ты хочешь этим сказать? — вскинулся Артур. — Что хочешь уехать отсюда? Куда? Куда ты пойдешь?

Младший Уиткинс не без помощи участливых бровей принцессы, которые подпрыгнули, едва Артур взъялся на него, поборол в себе желание резко ответить отцу. Смоллу не хотелось выставлять себя грубияном.

— Отец, вот что тебе не нравится в здесь? — спокойно спросил он, уперев локти в стол и сложив ладони в замок.

— Человек должен радоваться тому, что имеет, и не заглядывать в чужую тарелку, — Артур раз шесть рубанул кривым указательным пальцем воздух.

Смолл тяжело вздохнул: другого ответа он и не ожидал.

— Артур, вам действительно все нравится в Долине? — пришла на выручку Флора. — Вы ничего не хотели бы изменить?

— Конечно хотел бы! — отозвался Артур. — Нам бы лекарей сюда хороших, школ бы дешевых для ребятишек... Но что хотеть-то, есть два сорта людей: первые должны смириться с тем, что происходит, вторые могут что-то изменить. Наша семья... да и все в Туманной Долине относятся к первым, а вот, вы, принцесса, и ваша знать — ко вторым.

Смолл фыркнул.

— При всем уважении, Артур, я совершенно с вами не согласна, — заявила принцесса. И глаза у Смолла расширились. — Вы правы, не у всех людей равные возможности от рождения, но кто мешает человеку развиваться? Вы знаете историю возникновения подземной деревни? — Смолл, как зачарованный, глядел на девушку, ему не верилось, что она на самом деле это говорит. — Ее основал житель исчезающей деревеньки Нокон. Он направился к Фондорийскому Древу без гроша в кармане и десять лет горбатился на первом ярусе, скапливая деньги на билет в Академию Королевских Летунов. Это было тяжело, но он не сдавался. Наконец, поступив туда, он быстро стал лучшим благодаря своему усердию и врожденному таланту и в конечном итоге дослужился до высокого звания. После чего вернулся в Нокон и перенес ее под землю. С тех пор появилась процветающая подземная деревня.

— Я не знал об этом, — пробормотал Артур.

— Вдохновляющая история, да? — улыбнулся Смолл принцессе.

— Да, — она улыбнулась в ответ. — История учит каждого верить в себя и стремиться к большему. Кто знает, вдруг ты второй, такой же счастливчик, как и тот парень из Нокона.

— Приятно встретить человека, разделяющего твои взгляды.

Флора хмыкнула. Этот Смолл, думала она, живет в неизвестной Туманной Долине, но говорит как вполне цивилизованный человек. Он самый не дикарь и самый не простак из всех дикарей и простаков, что принцесса встречала. Увидев Смолла на званом обеде в приемной Фондорийского Древа, Флора вряд ли отличила бы его от образованных сыновей других Лордов. При условии, что он сдерживал бы свой буйный нрав. Ведь если дать ему свободу... Принцесса представила, как Смолл поднимает руку, жестом остановив речь ее отца, и заявляет, что не намерен слушать этот бред, и, закрыв ладонью рот, тихо хихикнула.

Генри прильнул к окну и прошептал:

— Туман. Он пришел.

Еще вчера это известие пронеслось бы мимо слуха Смолла, как проносится мелкая мошкара — быстро, незаметно. Но Артур рассказал про Фила Нельсона с белыми глазами, который лез по веревке напрямиком из тумана. Это все меняло, заставляло по-новому взглянуть на поделку природы.

Смолл подскочил к окну, затянутому плотной белой дымкой. Он и сам не до конца понимал, что хотел увидеть за этим занавесом, но продолжал всматриваться в пустоту. Генри стоял рядом. Марта держала руку Артура, Флора сжимала пальцами плед, Маур сидел на полу и наблюдал за огнем в печи. Никто не решался заговорить.

Гулкий вой, разлетевшийся по округе, заставил принцессу подскочить на месте.

– Что это? — прошептала она. Сердце у нее в груди забилося чаще. Первую ночь пути она провела в трактире неподалеку от Древа Оайамо. Ночью, как и везде в Фондории, пришел туман, и местные попрятались в домах. Флора лежала на кровати и слушала стуки летающих рыб в окно, неумолкаемые разговоры пьяниц на первом этаже, перепалки подвыпивших стражей и шепот Генри за дверью. Никакого воя не было.

– Принцесса, не волнуйтесь, каждый раз одно и... — Домик трянуло. Артур резко обернулся. Дверцы настенного шкафа распахнулись и на пол попадали кастрюли, миски и чашки. Звон стоял страшный. Дом трянуло еще раз. Смолл едва не вылетел в окно, чудом успел развести руки в стороны и упереться ими в стену. Генри повезло меньше. Он плюхнулся на спину и, растопырив руки и ноги, стал изображать пятиконечную звезду.

– Так тоже бывает? — просипел он.

– Наверное, ветер... — Смолл высунулся из окна, и домик снова трянуло. Смолла подбросило, он ударился затылком об оконную раму и простонал: — А-а-а. Это точно не ветер, там спокойно.

– Тогда что? — прошептала принцесса. Она слезла со стула и прижалась спиной к стене. — Землетрясение?

Маур, сидящий возле печи, поднялся на ноги. Свет пламени делал его лицо пугающим. Сложенные сзади в хвост волосы напоминали змею. Он достал из-за пазухи нож и поднес его к плотно сжатым губам. Затем медленно провел лезвием по линии между верхней и нижней губой от одного уголка рта до другого. Кровь заструилась по подбородку и стала капать на деревянный пол. Маур с хрипом открыл рот. Принцесса в ужасе завизжала. Дом трянуло еще раз.

– Маур... — Генри не верил своим глазам.

– О...о...о ни-и... п-при... иве... вели э... эт-та, — прохрипел до этого молчавший стражник. Более жуткого зрелища Смолл в жизни не видел. На верхней губе висел кусок нижней губы. Кровь капала на пол. Маур с безумными глазами глядел то на Смолла, то на Генри, то на Артура. В его руке угрожающе трясся нож.

– Кто они? — крикнул Генри, выставив перед собой пустые руки. — Кого привели?

Артур хотел было открыть дверь и выйти глянуть, что творится снаружи, но Маур замотал головой, хрипя протяжное «Нет». Он руками показал на рот, на глаза, после чего резко вздохнул и, морщась, сжал губы в сплошную полосу.

– Сжались губы, когда увидел и вздохнул? — неуверенно перевел Смолл. Он ясно понял, что Маур старается им что-то сказать.

Маур кивал. Он жестаи показал, как выходит из дома, а они закрывают за ним дверь.

– Нет. Ты что с ума сошел? — Генри встал перед дверью.

Дом трянуло сильнее, чем прежде. Стол подпрыгнул, стул перевернулся и упал на коленку шокированной Флоре. Маур убрал за пазуху нож и достал из коричневых ножен на поясе два клинка, длинных и сверкающих. Два безумных глаза молили Генри отойти в сторону.

– Маур, я приказываю... — начала Флора, но стоило Мауру глянуть на нее, как она осеклась.

Генри колебался. Дом продолжал неустанно сотрясаться, словно снаружи колючий ствол раз за разом хватала огромная ладонь и натягивала его, как тугую веревку рогатки, готовясь к очередному выстрелу.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. — Генри отошел в сторону, не обращая внимания на причитания Флоры. Маур кивнул и бросился к двери. Отворив ее, он с клинками направленными вниз с разбегу спрыгнул с цветка. Генри, поджав губы, закрыл дверь, и поднял с пола копьё. Видно было, что в стражнике борются сомнения. — Черт! Принцесса, простите, я не могу!

– Нет! Генри! — только и успела выкрикнуть Флора, как и второй стражник, схватив в прихожей новый перламутровый зонт Марты, полетел вслед за товарищем.

Толчки прекратились. Смолл, все еще ожидавший тряски, осторожно выглянул в окно, но в таком плотном тумане не возможно было рассмотреть что-либо. Артур с Мартой молчали. Всепоглощающую ночную тишину нарушал лишь удаляющийся вой. Принцесса сидела на деревянной скамье, не мигая смотрела перед собой и дрожала.

– Они в-ведь в-вернутся? — спросила она. В ногах у не валялись перевернутые медные с опаловыми вкраплениями миски и алюмелевые кастрюли, осколки вазы и деревянные ложки плавали в луже вишневого морса.

– Нет. — Смоллу хотелось бы ее утешить, но врать он не стал. — Те, кто уходит в туман, не возвращаются. Каждый ребенок в Долине это знает.

– Принцесса, ваши стражи — хорошо обученные воины, если кому и под силу вернуться обратно, то только им. — Марта глянула на сына и мотнула головой. — Ни к чему раньше времени их хоронить. Вы, наверное, проголодались, хотите я разогрею вам мяса?

– Спасибо, М-марта. Вы так добры ко мне. Но если позволите, я сразу отправлюсь спать. Боюсь, что после... после всего этого, у меня и кусок в горло не ползет.

– Как вам будет угодно! Смолл, проводи принцессу на второй этаж, а мы с отцом приберемся.

– Флора, — сказал парень, и ступил на крутую скрипучую лестницу. — Пойдем.

Принцесса легонько кивнула, и они вместе с юношей поднялись наверх.

Чердак представлял собой небольшое чистое помещение с низким заостренным, как верхушка обелиска, потолком. К тумбе возле одной из кроватей был прибит металлический держатель, в котором стояла банка, кое-как справляющая с ролью светильника. В банке ревели светящиеся жуки. Слева от круглого окошка с деревянной створкой стоял высокий узкий шкаф, наверняка некогда доверху наполненный книгами. Сейчас толстые кожаные тома и тоненькие пожелтевшие сборники рассказов отдыхали на полу.

– Где тебе хочется лечь? — мягко спросил Смолл Флору и, опустившись на корточки, принялся бережно поднимать книги.

– Ты ведь спишь возле окна? — догадалась принцесса. Над кроватью у окна висела местами дырявая карта Фондории, а слева от нее из стены торчала скругленная в форму рога решетка, из которой выглядывали охряные свитки.

– Ага. Но если ты...

– Нет. Пусть все так и останется. Я лягу на свободную койку.

Флора попросила парня отвернуться, после чего сняла платье и повесила его на изножье кровати. Затем чуть было не позвала служанку Карен с просьбой разбудить ее пораньше, но вовремя вспомнила, что она не дома. Тут нет ни ее друзей, ни отца, ни верных поданных, а теперь нет и доблестных стражей, готовых в любую минуту отдать за нее жизнь. Она залезла в кровать и укрылась шерстяным одеялом в мягком пододеяльнике.

Смолл уложил все книги обратно на полки и поглядел на девушку. Она повернулась на бок и беззащитно поджала ноги к груди.

– Если тебе вдруг станет страшно... ну или ты просто захочешь с кем-то поболтать, можешь смело будить меня, — сказал Смолл. — Все равно думаю, что после сегодняшнего я вряд ли усну.

– Я тоже, — участливо отозвалась Флора. — Смолл...

– Чего?

– Почему ты так сильно рвешься из родного дома?

– Наверное, по той же причине, по которой ты покинула Древо.

– Этого не может быть, — уверенно заявила Флора.

– Почему?

- Я хотела повидаться с одним человеком.
- Так я тоже хочу повидаться с людьми, — усмехнулся Смолл. — А что это за человек, раз перед ним не устояла сама фондорийская принцесса?
- Тебе незачем это знать, — ответила Флора, но несколько молчаливых мгновений спустя передумала: — Ладно, один парень. Винижер.
- Дай угадаю у него чистое бледное лицо, короткие волнистые волосы, широкие плечи и неотразимая улыбка? — Принцесса лежала спиной к Смоллу, но Смолл все равно заметил, как шевельнулась ее щека в полуулыбке.
- Все мимо.
- Он узенький, как ты?
- Ничего я не узенькая! — Флора резко повернулась на другой бок. — Девушке ни к чему быть широкой, как эта кровать или как ты.
- Приятно, что сама принцесса считает меня широким.
- Флора прищурилась, и Смолл ухмыльнулся.
- Придумываешь, чем бы таким хлестким ответить?
- Нет. Смотрю на тебя и не могу понять, почему ты мне показался широким... Как там говорил Сэр Дарджер: «Глаза последнее, чему следует доверять»?
- Смолл рассмеялся, громко и легко.
- А ты забавная, — сказал он и плюхнулся в кровать. — Что ты видишь перед сном, когда закрываешь глаза?
- Флора нахмурилась, сбитая с толку резкой сменой темы разговора.
- Много всего личного, — ответила она.
- О непристойном можешь не рассказывать. Так что же ты видишь?
- Хм... когда как. Иногда просто сплошную темень. Я лежу и прокручиваю в голове последние разговоры, думаю, что могла ответить на ту или иную фразу иначе. А иногда вижу красочные балы, прекрасные платья или красивые места, которые я видела лишь на картинах. Мне нравится представлять себя взрослой леди. Не принцессой, а настоящей королевой. И еще я обожаю летать. Часто мысленно прыгаю с Древа и парю над облаками, это так здорово!
- Ты не обделена фантазией, — заметил Смолл. — Я вот, когда закрываю глаза, непременно вижу новые неизведанные уголки нашего мира. Я вижу, как взбираюсь на верхушку Фондорийского Древа и подобно летунам борозжу облака, — в этом мы с тобой похожи. Я вижу, как в маленькой лодке сплавляюсь вниз по реки Мурси напрямик в накрытую Атласным грибом деревеньку. Я вижу, как открываю новые неизведанные острова за Большим морем. Возможно там крошечные деревья, а трава едва достает до колен. Или же, вообще, эти острова находятся в огромных мыльных пузырях, которые висят над землей.
- Остров в мыльном пузыре? — Столь безумных и глупых идей Флоре не доводилось слышать. — Ты больной на всю голову!
- Может быть! — не стал возражать Смолл. — Но я ничего не хочу менять. Впереди у меня вся жизнь. Кто знает, быть может, и острова в мыльных пузырях сумею найти...
- Значит, станешь их первооткрывателем?
- А то! Обо мне будут слагать легенды. Первый житель Туманный Долины, открывший скромную деревеньку Мыльный Пузырь.
- Хотела бы я там побывать.
- Как отыщу ее — дам знать.
- Договорились! — воскликнула принцесса.
- Нужно скрепить наш договор крепким рукопожатием, — сказал Смолл, затем подошел к кровати принцессы и протянул руку.
- Это обязательно? — нахмурилась девушка.

– Не знаю, как ведутся дела у тебя на Древе, но в Долине это обязательно. — Смолл придумывал на ходу, на самом деле ему просто не терпелось подержать ладонь Флоры в своей руке.

– Ладно, — Флора наполовину выбралась из-под одеяла, и Смолл пожал ее гладкую, как кожа младенца, и холодную, как утреннее крыльцо, ладонь. Пухлые губы принцессы изогнулись в полуулыбке. Смолл разглядел очертание розоватых сосков под тонкой майкой девушки и возбуждился.

– Ну... — сказал он сбивчиво, — договор заключен...

– У тебя горячая ладонь, — Флора отпустила его руку, но прятаться под одеяло не спешила. Она чувствовала странное желание показать себя Смоллу. И дыхание у нее учащалось. — Пальцы просто огромные, а мозоли на них грубые, как кора.

– Без мозолей в Туманной Долине никуда, — Смолл сглотнул, видя, как принцесса заерзала на кровати, сдвинув одеяло ниже пупка, — они, как щиты, спасают руки от веревок.

– А они болят? — Флора, как могла, пыталась продлить этот момент, пыталась не позволить Смоллу отвернуться. Не принужденно спускала мягкую наволочку с бедер, все ниже и ниже. Тело ее горело.

– Лишь иногда, — Смолл шагнул вперед, раскрыл ладонь и медленно провел пальцем по желтовато-оранжевой мозоли. — Порой они срываются, унося с собой островки кожи. Это неприятно. Но потом ранка заживает, затягивается тонкой пленкой и долго тебя не беспокоит. Боль уходит, каждое следующее соприкосновение с веревкой доставляет удовольствие. Главное потерпеть.

– И ты уверен, что это того стоит? — тихо с придыханием спросила Флора, приоткрыв рот.

Лестница ворчливо заскрипела. Принцесса дернула плечами и бросилась на подушку, не забыв спрятаться под одеялом. Смолл тоже сел в кровать и сделал вид, что разглядывает жучков в банке на тумбе. Ожидание тянулось, никто наверх не поднимался. Наконец лестница скрипнула еще разок и все затихло.

«Мама выливали в решетку воду», — подумал Смолл и громко вздохнул.

Флора, лежа на спине, молча разглядывала сужающийся кверху потолок и остывала внутри. Ей любопытно было, что успел разглядеть Смолл и что при этом почувствовал, но спросить его прямо она ни за что не осмелилась бы. «Хватит и того, что он покраснел, — думала она. — Да и что вообще сегодня на меня нашло?».

Был вопрос, который принцесса задавала каждому мало-мальски интересному ей человеку, проверяя его. Она считала, что ответ на этот вопрос глубоко раскрывает людей.

– Смолл, ты веришь в любовь? — повернувшись лицом к парню, поинтересовалась она.

– Верю ли я в любовь? — Смолл выгнул бровь. — Что такое любовь, по-твоему?

Флора нахмурилась: обычно ей отвечали сразу.

– Это известно всем. Это чувство, возникающее между людьми. Это в какой-то мере одержимость и привязанность к кому-либо. Это тонкая связь между двумя телами и душами. — Она услышала, что Смолл усмехнулся и насупила: — А по-твоему это что?

– Любовь — это когда один человек делает вид, что не замечает всех тех гадостей, которые делает второй.

– Или он ему их прощает...

– Нет, он их именно не замечает. Причем, даже специально. — Смолл вспомнил мать. Как же часто она слепа по отношению к отцу. Сколько всего плохого он делает, а она все так же улыбается ему, все так же кормит его, все так же согревает его постель. — Любовь — это вранье, придуманное людьми, которые не выносят одиночества. И это единственное вранье, в которое я верю.

– Единственное вранье, в которое ты веришь, — повторила Флора ели слышно. Никто ей так не отвечал, все говорили красоты, пытались произвести на нее впечатление... но не Смолл. — Тихой ночи, — пожелала она, повернувшись на другой бок.

– Тихой, — отозвался Смолл, запрокинув руки за голову.

ГЛАВА 4. Просьба принцессы

Старшие Уиткинсы всю ночь провели на ногах, ожидая возвращения стражей. Артур каждый час наливал себе кружку эля со словами «Сегодня можно», а Марта пила чай с имбирем. Они не разговаривали и лишь изредка обменивались многозначительными взглядами.

«Столько лет живем здесь. Столько трудностей преодолели. Но это... — думала Марта. — Дом всегда был нашей крепостью. Неважно солнце или туман за окном, внутри этих деревянных стен мы всегда чувствовали себя в безопасности. А сейчас? А что сейчас? Я боюсь даже закрыть глаза. Хорошо хоть Монти не тут. Он бы всего этого не вынес».

«Правильно ли я поступил, что не отправился следом за стражами? — думал Артур. — Я глава семьи, защитник этого цветка, но я ничего ни сделал ради нашей безопасности. Когда дом начало трясти, я растерялся. Знал ведь, корни меня подери, что должен действовать, но застыл. У того стражника губы так плотно сжались, что он прошелся по ним лезвием, чтобы заговорить. Не хрип и не кровь напугали меня, а глаза. Знающие глаза. Тот стражник знал, что скрывается в тумане. И в его глазах отражался ужас. Так смотрит на тебя секач, осознавая краешком своего примитивного сознания, что скоро подойдет. Он признает поражение, но, следуя инстинктам, все же делает последний выпад острыми жвалами. Так поступил и тот стражник. Его напарник бросился ему на выручку, а я просто закрыл за ним дверь. Слабак! Да, я могу утешить себя мыслью, что пусть лучше погибнут двое, чем трое. Но это будет жалкая отмазка. Я струсил. Не был готов столкнуться со своими страхами».

Пока Артур занимался самобичеванием, его сын, погрузившись в раздумья, сидел на крыше возле дымовой трубы. До восхода солнца оставалось еще немало времени, но вой уже стих, а плотный туман хозяйничал ниже крыши. У Смолла не получалось расслабиться. Несколько раз он запрокидывал голову и заставлял себя разглядывать созвездие павлина, но интерес к сверкающим на небе точкам, как дремал, так и не думал просыпаться. Смолл не переставал думать о вчерашнем дне.

Маур с окровавленными губами настолько ясно врезался ему в память, что он испытывал желание художника запечатлеть на холсте овладевший им образ. «Они привели эта», — снова и снова возвращался Смолл к словам стражника, и его пробирало до мурашек. Это значит, что по туману кто-то свободно бродит? Но кто они? И кого они привели? «Не можешь ты говорить, от страха или от чего еще — не важно. Не можешь и не можешь. Зачем губы-то резать, когда легче потребовать перо и чернила? Это их на Древе так учат?»

Смолл поглядел в непроницаемый туман.

— Какие монстры прячутся в белой пустоте? — тихо спросил он у себя. — И монстры ли вообще? — Смолл сжал в ладони гладкую ручку зонта и, подавшись неожиданному порыву, немного съехал вниз по черепице. — Совсем немного... Один прыжок... Правда так близко, но увижу ли я ее? Если бы знал наверняка, прыгнул бы?

— Смолл! — услышал он голос Флоры. Попытался встать. Подошва сапога скользнула по черепице, и Смолл, падая боком на крышу, чудом успел схватиться за железную корягу, торчащую под трубой, и повис. Сердце у него в груди загромыhalo. Не готов он прыгать, не готов он, пусть даже ради правды, рисковать жизнью. — Смолл! — раздался голос принцессы.

Теперь парень полез к люку неторопливо и аккуратно, словно сам он был хищником, а люк — его добычей. Как добрался до люка, выдохнул, и по лестнице спустился на чердак.

— Уже проснулась? — спросил он.

Принцесса взволнованно теребила наволочку, а когда услышала вопрос, то быстро-быстро кивнула.

— У меня есть к тебе просьба, — не сказала она, а скорее выплюнула фразу, как одно длинное слово. — Ты можешь проводить меня домой?

– Чего? — переспросил Смолл, не потому, что не разобрал слов, а потому, что просто хотел услышать это снова. Не каждого простолюдина королевская кровь просит об одолжении, да еще и о таком.

– Ты можешь проводить меня домой? — повторила Флора, вцепившись пальцами в одеяло. — Если мои стражи не вернуться, — добавила она голосом человека, смирившегося с утратой, но не хотевшего показывать это.

– Почему ты просишь именно меня? — Смолл и сам не знал, какой ответ его бы устроил.

– Ты ведь хочешь путешествовать. Вот я и подумала, что ты, это... может быть, захочешь составить мне компанию. — Принцесса покраснела и опустила взгляд. Она привыкла приказывать, а не просить, и чувствовала себя до жути неловко. Сердце колотилось у нее в груди, как после полета на бородатом хищнике. Флора боялась, что Смолл не согласится. — Ну, так ты проводишь меня?

– Не думаю, что это хорошая идея, — честно сказал Смолл, все для себя уже решив.

– Ладно, забудь! Я не должна была просить тебя об этом. Я понимаю, что ты мне ничем не обязан. Глупо получилось.

Смолл залиvisto рассмеялся.

– Ты всегда так тараторишь, когда волнуешься?

«Ну вот почему я не могу по щелчку пальцев создать между нами бетонную стену или повернуть время вспять, чтобы избежать этого позора?», — мысленно простонала Флора.

– Это выглядит очень забавно, — Смолл так крепко сжал пальцы в кулак, что его костяшки побелели. — Я провожу тебя домой.

– Но... — опешила девушка, — ты ведь сказал, что это плохая идея.

– И не откажусь от своих слов. Идея действительно плохая. Но меня это никогда не останавливало. Только... только у меня есть условие.

– «Условие»? — Флора сглотнула, напрягшись изнутри. — Какое?

– Ты кое-что сделаешь для меня.

– «Кое-что»? — Флора задержала дыхание, боясь услышать ответ.

– Ты сможешь мне поступить в Академию Королевских Летунов, — серьезно сказал Смолл. Он понимал, что вправе просить об одолжении, но все равно испытывал скверное чувство. — Я бы и сам поступил, мне осталось накопить пятьсот серебряных, но раз нам с тобой по пути...

– Да! — облегченно воскликнула Флора. — Конечно, я тебе помогу. Я уж думала, ты попросишь...

– О чем? — перебил Смолл и нахмурился.

– Не важно, — она натянула улыбку. — Уже не важно. Смолл, у вас тут есть ванная комната?

– Нет, что ты, мы как грызуны вылизываем себя. Хочешь, научу?

– Очень смешно.

– Ладно, идем, — сказал Смолл. — Покажу где.

Принцесса попросила Смолла отвернуться и выбралась из-под одеяла. Каштановые волосы ниспадали на тонкую полупрозрачную майку, на шею висел пятиугольный медальон с опалом в центре. При тусклом, но пронизывающем чердак освещении, что создавали жуки в банке, тончайшее нижнее белье едва скрывало наготу Флоры.

Флора надела платье, и Смолл указал ей на нужную дверь. Ванная комната была пристроена к чердаку Уиткинсов подобно балкону. Небольшое прямоугольное помещение без окон с железным решетчатым полом, позволяющим воде, льющейся из бочки, прикрепленной к стене, сливаться с цветка на землю.

– Вода холодная, решетка ледяная, к телу пристают комары и мошки. А еще иногда сюда залетают мелкие рыбки, страшно кусачие. Ты от них воинственно отмахивайся, главное, и останешься целой. — Смолл улыбался во весь рот.

– Что тебя так веселит? — насупилась принцесса. — Мои будущие страдания?

– Твое выражение лица.

– А что с ним не так?

– Был у меня знакомый, у него отец торговал удобрениями. А жить с удобрениями, сама понимаешь, все равно, что стать удобрением. Так вот, сколько раз я этого знакомого не видел с девушками, выражение их лиц было в точности, как у тебя. Создать семью они хотят, но понимают, что придется жить среди дерьма. — Смолл хохотнул.

– Ничего у меня не такое выражение. Холодная вода и холодная, что я больших неудобств не встречала? — с вызовом сказала Флора. На самом деле больших неудобств она и правда не встречала, но сознаваться в этом, на радость Смоллу, принцесса бы не стала. Уж пусть лучше считает, думала она, что это для меня ерунда.

– Дальше сама разберешься? — он выгнул бровь.

– Нет, что ты, мы обычно по десять человек в ванне моемся. Как я одна-то справлюсь?

– Будешь помирать, зови.

Смолл, хмыкнув, отправился собирать вещи в дорогу, а принцесса разделась и приняла первый за два дня душ. Холодная вода, надоедливые мошки и решетчатая пропасть под ногами прилично мешали столь любимой и необходимой для девушки процедуре, но нежелание, оставаться грязной, взяло вверх.

– Смолл, тут нет полотенца! — позвала Флора, дрожа от холода, когда вымылась.

– Подожди немного! — крикнул Смолл и взял первое попавшееся под руку полотенце. — Все, возле двери. Открывай.

Флора на миг приоткрыла дверь и мокрой рукой схватила полотенце.

– Спасибо.

Полотенце приятно пахло мускатом. Принцесса представляла, как ее тело вытирают мощные мужские руки, как у Смолла. Плавно и нежно они путешествовали по изгибам тела, не обходя стороной самые чувствительные места. Вот уже три года, с тех пор, как Флоре исполнилось пятнадцать, каждое вытирание превращалось для нее в приятную игру.

Когда принцесса на цыпочках вышла из ванной, то услышала внизу голоса.

– Это даже не обсуждается! — прогремел Артур. — Пообещал он! О чем ты вообще думал? Тебе и восемнадцати нет! Ответит он принцессе, видите ли... Не смеши! Я бы и одного тебя не пустил, а с ней и тем более. Твое легкомыслие погубит ее. До Фондорийского Древа девять дней неизвестного для тебя пути.

– Артур, перестань, — взмолилась Марта.

– Я ходил в подземную деревню! — возразил Смолл. Подземная деревня была третьей остановкой в наспех придуманном маршруте к Древу.

– Но не один! Как ты вообще собираешься идти туда, где никогда не был? Дай угадаю — по карте? Это слишком опрометчиво, сын. Картографам мало платят, они выполняют свою работу, спустив рукава. Я не дам тебе погубить себя и принцессу заодно. Есть надежные люди, которые справятся с сопровождением Флоры лучше тебя.

– Да тебе просто понравилось отдышаться! — Флора осторожно спустилась по лестнице и увидела, как красный Смолл орет на отца. — Удобно, когда сын горбатится за тебя, да? Очень удобно. После этого, ой как не хочется возвращаться к работе? Или я не прав? Чьи же деньги, если не мои, ты будешь пропивать в таверне?

– Замолчи! — потребовал Артур, заметив испуганную принцессу.

Марта влезла в прореху между мужем и сыном.

– Прекратите, сейчас же! — вскричала она.

– Я скажу тебе чьи... ни чьи, — не унимался Смолл. — Не будет у тебя денег на эль, нечего будет сплавлять за игрой в камни. Как же жить тогда? Как же жить, если нет тайников сына, которые бы ты мог вскрыть? И купить себе новые кожаные сапоги. Я ведь деньги коплю не просто так. Я хочу свалить отсюда, свалить так далеко, как только смогу. Встать на ноги. Затем вернуться и изменить, корни меня подери, это место. И я тебе не позволю помешать мне, слышишь? Не позволю! Сколько бы ты не старался. — Смолл умолк, тяжело дыша.

– Накричались? — Марта грозно перевела взгляд с сына на мужа. — Мне стыдно за вас перед принцессой.

– Он первый начал, — буркнул Смолл, тыча пальцем в Артура.

– Этот «Он» — твой отец! — строго напомнила Марта, повернулась к Флоре и заговорила мягче: — Принцесса, вы уж простите их за чрезмерную вспыльчивость. Они не хотели вас напугать. С рассветом мы отправим вас к зрителям. Они проводят вас домой, обещая.

Смолл обернулся, весь красный, и поглядел на Флору. В его ореховых глазах отражалась глухая мольба. Он словно говорил: «Скажи, что ты против. Скажи, что пойдешь со мной». Но Флора не могла этого сказать. Она уже жалела о просьбе, жалела о том, что своим эгоистичным желанием нарушила гармонию в семье Уиткинсов.

– Хорошо, — прошептала она. — Простите... я не хотела, чтобы вы ссорились из-за меня.

Еще мгновение назад Смолл был зол и на мать, и на отца, и даже на согласившуюся с предложением матери принцессу, но, услышав последние слова, он тут же остыл.

– Ты тут ни при чем, — успокоил Смолл девушку. — Я во всем виноват. Не стоило мне выходить из себя.

– Наконец-то слова взрослого человека, — елеяно проговорил Артур, но Марта бросила на него такой уничтожающий взгляд, что он, прочистив горло, добавил: — Наверное, и я погорячился.

– Только из-за принцессы я не лишу вас завтрака, — заключила Марта, сложив руки на большой груди. — Флора, вам хватило бочонка для принятия ванны? У нас на чердаке стоит два запасных, если вы...

– Нет-нет, не беспокойтесь, мне всего хватило. — Губы Флора изогнулись в улыбке. — А кто такие зрители?

– Типы в дурацких шляпах, — буркнул Смолл. Смириться с тем, что его отправка к Древу снова откладывается, было нелегко.

– То, что у тебя ее нет, не значит, что она дурацкая, — сказал Артур. — Это стражи порядка Туманной Долины. Один талантливый местный художник...

– Пьяница, — поправил Смолл.

– ...нарисовал меня в компании Квортин Флюкса — важного зрителя. У нас где-то была картина. — Артур принялся метаться по первому этажу, громыхая дверцами шкафов в поиске великолепия, коим он хвастался перед каждым гостем. — Дорогая, ты не видела ее? Она же недавно лежала тут...

– В углу прихожей посмотри, — не оборачиваясь, бросила Марта. Она возилась с котелком у печи. — Вчера, во время землетрясения картина выпала из шкафа и...

– Не говори, что она треснула, — простонал Артур и упал на колени в прихожей. Ухватившись за сосновую раму, он перевернул картину и расстроено фыркнул. — Краска сошла в нескольких местах, но искусство и не такое переживет.

Старший Уиткинс положил картину на стол перед Флорой и довольно задрал рукава рубахи, готовясь к комплиментам. Смолл зевнул. Он столько раз видел этот ритуал хвастовства, что наизусть выучил, наверное, все возможные реплики восхищенных гостей. Чаще всего они говорили: «Какая красота (великолепие), Артур!» или «О, корни мои, точная копия вас!». На счет «точной копии», думал Смолл, они просто издевались. Там и о мелком сходстве речи не шло. Глаза вместо широких — узкие, губы не тонкие и бледные, а яркие и полные, горб

на носу сказочным образом исчез, брови поредели, а ямку на подбородке талантливый художник и вовсе закопал. Квортин походил на себя еще меньше, только его одежда обладала аутентичностью.

Принцесса молчала.

– Как вам? — нетерпеливо спросил Артур, и девушка вздрогнула.

– В жизни в-вы красивее, — поспешно ответила она и резко встала. — Можно дожидаться завтрака наверху?

Марта взволнованно обернулась.

– Вы себя плохо чувствуете?

– Нет-нет, мне нужно подумать. Смолл, поднимешься со мной?

Смолл нахмурился и тоже встал. Под пристальными взглядами родителей он проследовал за принцессой на второй этаж. Флора села на кровать и ладонями закрыла лицо. Плечи ее задергались. Когда она убрала руки, Смолл увидел слезы.

– В чем дело? — растерялся он. — Флора, что случилось?

– Говори тише, пожалуйста, — попросила она дрожащим голосом.

– Почему? Объясни мне...

– Я могу тебе доверять? — наивно спросила она.

– Конечно можешь, — заверил Смолл.

– Я покинула Древо Оайамо в сопровождении двенадцати стражей. Мне безумно хотелось прогуляться по окраинам, и я настояла на том, чтобы до загона бородатых хищников, что находилось в дне пути, мы шли пешком. Это было плохой идеей, отец бы ни за что такое не одобрил. Артур говорил правду, картографам платят слишком мало. Мы шли, ориентируясь по карте, и заблудились в Молчаливом Лесу. Быстро темнело, стражники волновались. Никому не хотелось оставаться на ночь в тумане. Когда мы вышли из леса, туман висел над нашими головами, а впереди простиралось ущелье. Генри увидел табличку, на которой было выбито название близлежащей таверны, и мы бегом пустились, следуя по указателю.

Флора перевела дыхание и продолжила:

– Это была ловушка. Нам устроили засаду разбойники и, защищая меня, погибли десять человек. — Флора вздрогнула и замолкла. Слезы обильно орошали ее нежные розовые щеки. Смолл не понимал, к чему она ведет, но торопить не собирался. — Все дело в разбойниках. У них были те цветочные шляпы...

Смолла передернуло.

– Ты уверена?

– Один из них прижал меня к себе, его шляпа съехала на бок и... и этот мерзкий лепесток ромашки прошелся по моему лицу. Это ваши зрители, Смолл, они напали на нас. Я боюсь твой отец, может быть...

– Нет, он на такое не способен.

– Но...

– Картина для хвастовства, не более.

– Пообещай, что вы не отдадите меня им, — Флора схватила руку Смолла.

Смолл не колебался. Он с детства испытывал неприязнь к зрителям и считал их высокомерными и алчными. Когда Квортин приходил к ним в гости, Смолл либо прятался на чердаке, либо с презрением рассматривал пузатого стража порядка, который непременно рассказывал историю, обличающую всю его важность. Парня просто тошнило от тлетворного тщеславия, буквально выходящего из тела хвастуна вместе с потом. Он не понимал, как вообще можно быть таким. Но оказалось, что Смолл судил лишь маску, в то время как за ней прятались настоящие убийцы. Сказав Флоре «обещаю», Смолл так же пообещал и себе, что первым делом, как встанет на ноги, он разберется с мерзавцами.

Сидя за столом напротив отца, Смолл мысленно прощался с домом. Наверху мать подбирала одежду Флоре; был слышен звонкий девичий смех. Котелок шипел в каменной печи, пряный аромат супа разливался по комнате. За окном висел предрассветный полумрак. Туман почти рассеялся, и от цветка к цветку летали разноцветные стайки сонных рыбешек.

Артур барабанил пальцами по столешнице и разглядывал сына.

– Ты втюхался? — наконец прервал он неловкое молчание.

Смолл поднял на отца глаза.

– Кто так вообще говорит?

– Молодежь, разве нет? — сказал Артур. — Неважно. Важно вот что. Эта юная леди смогла забраться к тебе сюда? — Он коснулся груди и ухмыльнулся. — И чуть пониже.

– Не говори глупостей.

– Я видел, как ты смотришь на нее. Она явно очаровала тебя.

– Никто меня не очаровывал, — не согласился Смолл.

– Я хотел лишь сказать, — ухмылка исчезла со смуглого лица Артура, — что не нужно дарить себе пустые надежды. Она уедет, и больше вы не увидите, будь к этому готов.

– Да я уже готов.

– Ну-ну. Найди себе кого-нибудь из местных. Столько вокруг одиноких красавиц...

– Отец, завязывай, — попросил Смолл, теряя терпение.

– Меня это беспокоит, сын. После Селии... ты перестал общаться с девушками, и... ты начал срывать на меня.

Имя «Селия» обожгло память Смолла раскаленным чугуном.

– Ты сам виноват, — сквозь зубы процедил он.

– Виноват в том, что сделал ее шлюхой?

Смолл вспомнил свой шестнадцатый день рождения. Селия Жгут ждала его возле Вечной хризантемы в темных брюках и белой легкой рубашке. Когда он окликнул ее, она бросилась ему в объятия, засыпая его щеки горячими поцелуями, а уши — забавными пожеланиями. Смолл не хотел, чтобы это прекращалось. Он тайне был влюблен в девушку с десяти лет и восхищался каждым ее движением. Смолл, как подобает кавалеру, придумал маршрут прогулки, но Селия неожиданно предложила ему пойти к ней в гости. Он отказал бы любому, кто предложил бы ему провести солнечное время в помещении, но не Селии. Она умела убеждать.

После смерти отца Селия жила с матерью, но в тот день тети Марии, как ее звал Смолл, не было дома. Смолл ясно помнил мягкую спинку скамейки и шершавую столешницу на кухне Жгутов. Помнил, как часто он шутил. Помнил, как заливисто смеялась его подруга. Помнил горьковатый и обжигающий вкус вина. Помнил засоленные грибы под закуску. Помнил, как они танцевали и пели. Помнил, как Селия села ему на колени и шепнула на ухо: «Чего ты хочешь?».

Пойло ударило Смоллу в голову, он осмелел и попросил у девушки поцелуй. Отпечаток ее мягких чувственных губ до сих пор ощущается на его губах. На этом Селия не остановилась. Смолл плохо контролировал себя, все происходило как во сне. Губы. Шея. Ключица. Смолла вернул к реальности очередной вопрос. «Чего ты хочешь?». Грудь красной от смущения Селии маячила перед лицом. Пальцами Смолл нащупал след от резинки брюк на бедрах девушки и утонул.

Шестнадцатый день рождения был лучшим днем в жизни Смолла. На следующее утро парень чувствовал себя всемогущим. Наскоро позавтракав, он побежал к Селии. Они не договаривались о встрече, Смолл хотел сделать ей сюрприз. Добравшись до ее цветка, он поднялся по веревочной лестнице на крыльцо и застыл. Из-за приоткрытой входной двери доносились приглушенные стоны и шлепки.

Смолл влетел в дом, и кровь хлынула ему в голову. Голая Селия грудью лежала на столешнице, позади нее бедрами работал зритель со спущенными штанами.

– Тварь! — взревел Смолл и бросился вперед, но Селия подняла на него блестящие от слез глаза и мотнула головой.

– Не надо, — шепнула она.

– Что? — вскричал он.

– Это моя работа, — произнесла Селия страшные слова.

Мужчина заметил Смолла и огромными ладонями вдавил девушку в стол.

– Я скоро закончу, жди, — сказал он и, кряхтя, добавил: — Снаружи, дубина.

Руки Смолла тряслись от злости, никогда еще он не хотел кого-то так сильно убить. Глаза невольно замечали предметы, которыми сподручнее проломить череп, — увесистую глиняную статуэтку трехрукого бога, тяжелый стул, кочергу, лопату; ноги, готовые взорваться, горели. Шлеп-шлеп-шлеп. Мужчина пыхтел. Шлеп-шлеп-шлеп. Мужчина ахал и охал. Шея Смолла превратилась в монолит, он не мог отвести полный ненависти взгляд от любимой девушки.

– На колени, — приказал мужчина, и Селия, повернувшись, съехала на пол. Схватив девушку за шелковистые волосы, он бросил Смоллу: — Отвернись хотя бы, корни тебя подери, — и заработал бедрами и руками еще быстрее, прижимая голову Селии к себе.

Смолл дождался, пока мужчина уйдет и кинул стыдливо сжавшейся и измазанной подружке халат. Ему было невыносимо больно смотреть на нее. Восхитительный образ Селии, создавшийся в мыслях Смолла за годы знакомства с ней, крошился, как гипсовый слепок.

– Это единственный способ выжить нам с мамой, — робко начала Селия, потупив взгляд. — До этого мама... Но она стареет и...

– То, что было вчера... — Смолл заставил одеревенелый язык двигаться.

– Твой отец, — ответила она, — он мне заплатил.

Больше Смолл ничего не хотел знать. Он убрался из дома Жгутов, ставшего теперь домом разврата, и больше в него не возвращался. Следом за лучшим в жизни Смолла днем, последовал худший.

– В этом виновата жизнь, — грустно сказал Смолл отцу. — Ты виноват лишь в том, что сделал больно мне. Если до того момента нас связывали стальные узы, то сейчас это нитки, которые вот-вот порвутся.

Артур не нашел, что ответить.

Скоро вернулись Марта с Флорой, и все сели завтракать. Смолл молча уплетал суп, наслаждаясь разговорами кухонной утвари. Ложки звенели, делясь с мисками секретами, металлические чашки стучали, обменивались мыслями со столом. Стулья изящно поскрипывали, и этот скрип казался Смоллу глубоким стихотворением.

Симфонию столовых приборов и мебели нарушил мелодичный голос Флоры:

– Марта, вы великолепно готовите! — воскликнула она, черпачком выливая к себе в металлическую чашку суп из лапок секача. — В жизни ничего вкуснее не пробовала.

– Я так рада, что вам понравилось, — отозвалась Марта, сияя. Смолл всегда в глубине души знал, что мать мечтала родить дочь, и сейчас это было особенно заметно. То, как она держалась с Флорой, было не почтенное отношение простолюдинки к ребенку королевской крови, а ласковое чувство матери к своему дитя.

– Смолл, ты долго с ним провозился? — поинтересовался Артур.

– С кем? — переспросил Смолл.

– С кем, с кем... с жуком.

– Дольше обычного. Вместе с самкой приманил самца. Пришлось побегать, от зарослей у Вечной Руты до Лужи.

– Так это ты раздобыл эти восхитительные лапки? — удивилась Флора. По ее щеке стекал жир. — Ничего себе!

– Да пустяки, — бросил Смолл. — У тебя на щеке...

Принцесса поспешно схватила первую попавшуюся тряпку и вытерлась.

– Тебе нравится охота? — быстро спросила она.

– Отчасти. Выслеживать добычу интересно, сооружать приманки весело, но вот убивать...

– Сын, ты же помнишь главное правило охоты? Выживает сильнейший.

– Думаю это правило применимо не только к охоте. Постоянно люди, по той или иной причине неспособные раздобыть пищу или найти кров, погибают. Если у тебя есть семья, ты можешь обеспечить себе достойную старость. В ином случае, последние дни своей жизни ты будешь подобно тому же секачу выживать. Ты полностью отдашься инстинктам. В Туманной Долине нет ни одного человека, чей возраст перевалил бы за полтинник. Это неспроста. Я как-то прочитал в одной книге, что нет ничего более глупого и наивного, чем считать, что этот мир создан для людей. Все говорят о гармонии природы. Но это же идиотизм. Сильные поедают тех, кто слабее. Разве это гармония? Ежегодно из других деревень приходят вести о наводнениях или ураганах. Разве это гармония? И наконец, туман. Три четверти дня нет возможности покинуть свой дом и спуститься на землю. Что творится там... внизу. Никто не знает наверняка, но все знают, что там скрывается нечто ужасное. Постоянные пропажи людей, вчерашняя тряска... Разве это гармония?

– Вечно ты навеваешь тоску своими мрачными размышлениями, — заметил Артур, поправив предплечьем светлую кудрявую шевелюру.

Флора поймала себя на мысли, что Смолл совсем не похож на своего отца. У Артура светлые волосы, горбатый нос и голубые глаза. В то время как у Смолла угольно черные волосы, прямой, как у матери, нос и ореховые глаза.

Смолл заметил пристальный взгляд девушки.

– Ну и чего ты так на меня глазеешь?

– Ты больше похож на маму, — ответила она, сосредоточив внимание на тарелке с жирным супом.

– Но силой он в меня, — поспешил сообщить Артур. — И навыки охотничьи у него тоже от меня.

– И вспыльчивый характер, — добавила Марта, хихикнув. Ее черные кудри были сложены в тройной хвост, который плеткой раскачивался, когда она ходила. Марта казалась Флоре невероятно женственной. Все, что бы Марта не делала, она делала так легко и элегантно, что принцессе невольно становилось завидно. Ведь она бы не смогла так же хозяйничать на кухне, стирать белье, мыть полы и при этом оставаться такой же привлекательной.

Флора покосилась на Смолла. Он на секунду оторвался от миски и кивнул. Пришла пора осуществлять их план.

– Смолл, — сказала она, — помнишь ты мне рассказывал про того зрителя?

– Того, который звал меня на сегодняшнюю игру в таверне? — небрежно уточнил Смолл.

– Тебя позвали на игру? — нахмурился Артур. Он считался в Долине опытным игроком, ни одной крупной партии не проходило без него.

– Да, — отмахнулся Смолл. — Гос Дум, из зрителей. Говорит, там все соберутся. Наверняка хочет обчистить меня, наивный.

– А что по ставкам? — спросила Флора, наблюдая за Артуром.

– Обещал, что они начнут с маленьких — не больше трех серебряных. Гос сказал, что можно за день с трех поднять до нескольких сотен. При должном умении, разумеется, — Смолл закинул крючок.

От внимательных глаз принцессы не ускользнула мимолетная ухмылка Артура.

«Все, как и говорил Смолл», — подумала она.

– Игры до добра не доводят, — произнесла Марта. — Даже не думай туда ходить, слышишь?

– А что мне еще делать? Снова охотиться?

– Ты можешь проводить меня, — предложила Флора. Это была заранее спланированная фраза, но принцесса все равно почувствовала неловкость. И заметила, как Артур на мгновение сжал пальцы в кулак.

– Нет, тебя отец поведет, — бросил Смолл. — По дороге на нас могут напасть, я не хочу так рисковать...

– Посмотрите на него: не хочет он рисковать! — воскликнул Артур. — До ромашки идти совсем ничего, с этим делом и ребенок управится, а уж такой детина как ты и подавно!

Флора ели слышно выдохнула: сработало.

– Нет, я ее не поведу, — сказал Смолл, и принцесса напряглась.

«Это уже не по плану», — подумала Флора.

– Смолл! — возмутилась Марта, покраснев. Несколько раз она открывала рот, намереваясь вылить на сына все, что у нее вертелось на языке, но тут же закрывала, вспоминая о принцессе. Наконец Марта взяла себя в руки: — Ты ее отведешь, — заключила она пугающе спокойным голосом. Спокойным, как спящий вулкан.

– Нет. — Смолл знал, что скоро произойдет извержение.

– Да!

– Нет.

– Если он не хочет... — начала Флора. Сердце у нее сотрясало грудную клетку.

– А ну перестань со мной спорить! — вскричала Марта, но, обернувшись к принцессе, заговорила ласковее: — Я не вам. Он вас отведет, не волнуйтесь. Я ведь права, Смолл?

– Ну...

– Смолл! — Глаза Артура смеялись, предвкушая игру, а рот выдавал недовольство.

– Ладно, — согласился Смолл, — только давайте тогда уже собираться. Не хочу весь день потратить впустую.

– Я согласна! — воскликнула Флора, боясь очередных семейных распрей. — Чем быстрее начнем, тем быстрее я буду дома.

Когда со сборами было покончено, Смолл уселся читать. Флора молча наблюдала за тем, как меняется его лицо. Когда герои книги попадали в беду, парень хмурился, но в его глазах загорался интерес. Если же случалась любовная сцена, он всячески старался не показывать никаких эмоций.

Наконец протрубили в рог, оповещающий о восходе солнца.

Смолл тут же вскочил, надел рюкзак, попутно запихнув в него книгу, и побежал по лестнице вниз. Принцесса направилась следом. Марта стояла у открытой двери и махала Артуру. Обернувшись к Флоре, она на мгновение поджала пухлые губы, но тут же заставила себя улыбнуться.

– Вы уж простите моего мужа, у него работа, а после он должен забрать Монти, — сказала Марта.

– Ничего страшного, — улыбнулась Флора. — Если Генри с Мауром придут... — она запнулась.

– Мы скажем, что вы отправились домой, — пообещала Марта.

Флора смотрела на эту добрую женщину и едва сдерживала слезы. Она никогда не видела свою мать, та умерла, когда ей было два года, но принцессе казалось, что ее мать должна была быть такой же красивой, ласковой и заботливой, как Марта. Марта приютила ее, накормила,

одела, а чем Флора ей оплатит? Уведет с собой ее старшего сына? Давящая боль в груди не давала покоя.

«Ведь она даже не знает, что завтра не увидит Смолла, — сокрушалась Флора. Она представляла, как спускается туман и представляла, как Марта обеспокоено бежит по дому, как кричит на Артура, как зовет Смолла. — Не хватит же ей глупости броситься ночью на его поиски. Смолл написал записку, но найдет ли она ее?»

Смолл не мог смотреть на мать, у него щипали глаза. Он думал, что покинуть родной дом будет проще. Собираешь вещи и в путь... дел-то. Но связь с семьей оказалась куда крепче. За годы, что он жил с семьей их сердца — особенно его и матери — соединились толстой незримой нитью. И пусть Смолл сейчас был все еще дома, рядом с Мартой, его сердце предчувствовало разлуку, и незримые нити натягивались, причиняя Смоллу боль.

– Смолл, — глухо позвала Марта.

Смолл поднял лицо, и в тот же миг Марта бросилась ему на шею и разрыдалась.

– Пообещай, что напишешь письмо сразу, как только доберешься до Древа, — потребовала она, красная, вся в слезах. — И пообещай, что будешь цел и невредим!

У Смолла по щекам побежали слезы, он ничего не мог с собой поделать. Он просто прижался к матери и заплакал. Ему было больно, но он чувствовал, что это необходимая боль.

– Как ты поняла?

– Я твоя мать...

– Я хотел оставить тебе записку...

– Знаю...

– А еще монеты, семьсот серебряных... они лежат в подушке.

– Корни святые, откуда ты столько взял?

– Корни помогли, — признался Смолл. — Пообещай, что вы справитесь без меня?

– Справимся, мы-то справимся.

– Прячь деньги от отца!

– Он хороший человек, Смолл...

– Но азартный.

Марта отпустила Смолла и поглядела на него красными глазами.

– Когда ты вернешься?

– Когда буду в силах что-то изменить, — ответил Смолл, рубашкой вытирая слезы.

Марта обернулась к заплаканной принцессе. За годы, проведенные в замке, девушка научилась плакать совершенно бесшумно.

– Простите меня, пожалуйста, — попросила Флора. — Из-за меня ваш сын...

– Вы тут не причем, — мягко сказала Марта и обняла девушку. — Он бы рано или поздно ушел, это было неизбежно. А так... раз он с вами, я буду самую чуточку, но меньше волноваться.

– Ты врешь, мам, — протянул Смолл, и Марта улыбнулась, отстраняясь от принцессы.

– Все, идите, — махнула она. — Скорее, дайте уже мне поплакать одной.

Смолл в последний раз оглядел дом. Родные деревянные стены, белая каменная печь, возле которой он грелся в непогоду, сосновый стол, гладкий сверху и шершавый снизу. Смолл вспомнил, как часто получал занозы, проводя рукой по обратной поверхности столешницы. Затем задержал внимание на промятой кровати. Как-то раз на ней он застал голых родителей, извивающихся в странных позах. Тогда они сказали ему, что занимались зарядкой. После этого у Артура два года не получалось уговорить Смолла отправиться с ним на зарядку у озера Лужи.

Смолл ненадолго закрыл глаза, запечатав знакомые образы в памяти.

– Ты готов? — осторожно спросила Флора.

Он кивнул.

– Спускалась прежде на зонте?

– Нет. — Она однажды останавливалась в таверне на цветке, откуда ее спускали с помощью неудобного сидения, прикрепленного к бечевке, три крепких стража.

Смолл снова кивнул. Достал зонт и жестом попросил принцессу встать перед ним.

– Обхвати мою шею, подпрыгни и бедрами сожми мою талию, — попросил он, и Марта хихикнула.

– Что прости?! — вырвалось у Флоры.

– Я говорю, если ты покрепче не ухватишься за меня, то упадешь и разобьешься. Бух! Запеканка из принцессы.

– Ладно. — Она сделала то, о чем просил Смолл и вся напряглась. Теперь их лица разделяла воображаемая ладонь, и девушка ощущала горячее дыхание парня. От него пахло потом, пряным супом и душистой травой. Сердце забухало в груди у Флоры.

Смолла такое положение их тел, смущало не меньше девушки. Он старался оставаться невозмутимым, но мысли то и дело возвращались к тому, что ноги принцессы цепко обхватили его талию.

– Держись крепко, — прошептал он. Принцесса вздрогнула, чуть расслабив ноги, и поползла вниз. Смолл рукой поддержал ее ягодицы и приподнял Флору вверх. — Я сказал держаться крепко!

Она знала, что должна возмутиться. Никто не имеет права безнаказанно лапать девушку. Но не могла. От этого уверенного прикосновения, тело обдало таким жаром, что принцесса едва нашла силы на то, чтобы хоть что-то ответить.

– П-прости, — прошептала она. — До свидания, Марта. Я буду скучать по вас.

– Всего хорошего, милая моя, — улыбнулась Марта, сквозь застилающие лицо слезы. — Сынок, береги себя.

– Буду. Я люблю тебя, мам.

Смолл одной рукой обхватил талию Флоры, другой поднял вверх зонт. Затем он ступил на крыльцо и, сказав «До встречи», раскрыл зонт и шагнул в пустоту.

ГЛАВА 5. Тетушка Балгани

Принцесса зажмурилась и крепкой для тонких рук хваткой вцепилась в шею Смолла.

– Тише-тише, ты меня что, задушить хочешь?

– Прости! — закричала она в ответ.

– А кричать-то зачем? Флора, открой глаза — это того стоит. Ну же! Это совсем не страшно. Ты не пожалеешь.

Она послушалась. Всего на несколько мгновений Флора почувствовала невесомость, поверила, что умеет летать. Мягко и плавно, как брошенный из окна кусочек ткани, они приближались к земле. Принцессу захватило чувство полной свободы. Под ногами не было опоры, но это не пугало, а безудержно очаровывало.

– Это удивительно! — воскликнула Флора, когда они приземлились. — Это просто невероятно! Это чувство внутри будто... будто сердце делает кульбит и внезапно куда-то проваливается. Под ногами нет ничего, и хочется кричать. Но не от страха! Земля медленно притягивает тебя к себе, но ты сопротивляешься. Ты не хочешь падать! Ты хочешь летать! Смолл, прошу, давай прыгнем снова!

– Прыгнем, — пообещал он. — Обязательно прыгнем. Но не сейчас. До тумана осталось всего ничего. Нам нужно успеть перебраться через Метеоритный лес и найти место для ночлега.

Смолл сунул зонт в рюкзак, попутно оглядев Флору. Коричневые брюки с помятым ремнем, сапоги в мелких трещинах и широкая льняная рубашка. На пышногрудой Марте рубашка сидела, как влитая, а на хрупкой принцессе — местами висела, но с виду это казалось не ошибкой модельера, а изюминкой. Каптановые волосы девушка сложила в аккуратный хвостик, оголив проколотые бриллиантовыми серьгами ушки. Выглядела она иначе.

– Мне становится не по себе, когда ты так смотришь, — призналась девушка.

– Как «так»?

– Оцениваю... будто я что-то неодушевленное.

Смолл хохотнул.

– Прости. Не привычно видеть тебя в брюках.

– Знал бы ты как неудобно в них ходить, — пожаловалась Флора и заправила рубашку в брюки. — Кожа на ногах не дышит. Нет прежней легкости в движениях. Мне кажется, что брюки — это корсет для ног.

– Корсет? Что это?

– Приспособление для фиксации талии. Некоторые девушки носят корсеты, чтобы подчеркнуть свою фигуру.

– Некоторые?

– Ну да. Мне вот корсеты не нравятся. В них теряется свобода движений, и дышать неудобно.

Смолл на секунду нахмурился, глядя куда-то внутрь себя. Запомнил новое слово, как это делал каждый раз, затем улыбнулся и сказал:

– Ладно, пойдем. Я спереди, ты — сзади. Постарайся не шуметь.

Он закрепил рюкзак и колчан со стрелами на спине, взял в руки тисовый лук и двинулся к вырубленному полю. Флора поспешила следом.

Просыпались жгучие солнечные лучи. Все тягостнее ощущался зной. О вчерашнем дожде напоминала разве что мокроватая земля, и Смолла это не радовало. Он надеялся, что сырость облегчит путь, но за ночь глубокие лужи впитала почва, капли на траве испарились, и воздух был теперь сухим и горячим, как в бане.

Оставив позади вырубленное поле, Смолл с Флорой вклинились в узкую тропинку, по обе стороны отгороженную высокой острой травой. Смолл заметно напрягся и велел девушке вести себя как можно тише. Сухие трава и ветки хрустели под ногами. Ветер посвистывал, шелестя зелеными клинками. Мошкара летела на пот, и путники справлялись с ней, кто как: парень часто наклонял голову и дул на лицо, принцесса тихо хлопала себя по шею.

Несколько раз они останавливались. Прислушивались. Делали по глотку из бурдюков. И шли дальше. За вырубленным полем на три тысячи двойных шагов тянулась зеленая равнина. Опасней места не сыскать. Из травянистой толщи в любой миг и с любой стороны могла напасть дичь. Смолл помнил первый день охоты с отцом здесь. Тогда-то он и получил свой первый из многих шрамов. Его в предплечье цапнул дымчатый змееныш. К счастью, дымчатый змееныш. Укусы его особь крупнее, не помогла бы и настойка из руты и яда травяного метателя.

В тот день неопытный Смолл ошибся, прозевал шевеление сбоку и чуть не заплатился за это жизнью. Сейчас обученный Смолл глядел в оба, глядел глазами взрослого охотника. И Флоре, шедшей следом, передавались его спокойствие и собранность.

Они проходили мимо земляного холмика, на котором рос кривой гриб с красной в белую точку шляпкой, не уступающей в размерах корпусу шхуны, когда Смолл резко затормозил, подняв вверх руку.

– Тише, — прошептал он, — не шевелись.

– Что там? — Флора сделала мягкий шажок в сторону и выглянула из-за плеча Смолла. В восьми шагах от них из травы выползло длинное с зеленой чешуей создание и зашипело. Дымчатый змей. На его спине виднелись черные размером с серебряную монету отверстия, из них валил сиреневый пар. Змей резко повернул свою изворотливую шею, и громадные желтые глаза уставились на Смолла. Флора, дрожа от ужаса, юркнула за его спину.

– Тише, — предупредил Смолл одними губами. — Не шевелись.

И аккуратно, как матери берут на руки своих детей, правой рукой потянулся за стрелой. Желтые глаза щелочки, не мигая, смотрели перед собой. Флора старалась дышать носом, но поступающего воздуха было слишком мало — словно кусочек мяса после длинного поста.

Смолл — сердце у него настойчиво стучало — наконец, дотянулся до стрелы и теперь так же плавно подносил ее к тисовому луку. «Жди, — говорил он про себя. — Жди». А тело сопротивлялось. Пальцы крепко сжимали древко лука и стрелы. Желание выстрелить буквально превращалось в зуб. Но Смолл знал: надо ждать. Поспешишь — землю для могилы разворошишь.

Чешуйчатое создание высунуло из пасти раздваивающий язык, зашипело и скрылось в острой траве.

Смолл и не думал шевелиться.

– Пронесло, — выдохнула Флора. — Что это было?

Раздался хлопок, и Смолл сбил девушку с ног. Из высокой травы справа повалил сиреневый дым.

– Не дыши!

Дым медленно оседал и распространялся во все стороны. Принцесса закрыла нос рукой и замерла. Смолл натянул тетиву и напряг слух. Тишина. Слышны лишь гулкие удары сердца в груди. Парень стал ждать. У него не было права на ошибку.

Но змей не спешил нападать.

Осознавая, что долго продержаться без воздуха они не смогут, Смолл бросился вперед и закричал:

– Ну же! Я здесь!

В то же мгновение раздалось шипение, и справа зашелестела трава. Смолл сощурил глаза. Из разросшегося на десяток двойных шагов густого кустарника выбросился, широко раскрыв

пасть, дымчатый змей. Смолл тут же пустил стрелу. Шипение исчезло и сиреневый дым, подгоняемый потоками горячего ветра, начал рассеиваться.

– Все? — сквозь руку прошептала Флора.

Вместо ответа Смолл покачнулся и бревном рухнул на землю. В двух шагах перед ним лежал чешуйчатый труп.

– Смолл! — Флора бросилась к парню.

Он не отвечал. У него были полностью белые глаза и приоткрытый рот. Что делать в таких случаях Флора не знала и просто, крича, забарабанила Смоллу по груди. Внезапно он вздрогнул, и, сказав «БУ», сел. Принцесса от испуга отскочила назад.

– Придурок! — зло закричала она. — Идиот! Болван!

– А как по мне — смешно. Видела бы ты свое лицо, — он засмеялся. — Словно кошка шерстью подавилась. Никогда не забуду.

– Вообще не смешно. — Флора, насупившись, поднялась и отряхнула брюки. — Что это было? — Она указала на труп чешуйчатого создания.

– Дымчатый змей. Их здесь немало водится. Противные создания. Хорошо хоть им ума не хватает. Прежде чем напасть, обязательно пустят дыму в глаза.

– И много здесь этих?

– «Этих»?

– Ну, созданий вроде дымчатого змея...

– Достаточно. Но не волнуйся, я о них позабочусь. Ты главное мне не мешай. Что скажу делать — делай без споров. Тут не до шуточек.

– И потому ты притворяешься мертвым?!

– Да ладно тебе, забудь.

– А вот и не забуду!

Смолл пожал плечами, и они двинулись дальше.

Путь до Метеоритного леса занял три часа, помешали непредвиденные встречи со вторым дымчатым змеем и надоедливыми секачами. Травянистые поляны резко сменились утоптанной землей. Ни травы, ни кустарников — голая местность с широкими, как вырубленное поле стволами сосен, чьи верхушки раскачиваются выше облаков. Земля под соснами была усеяна длинными, похожими на копыя, сухими хвойными иглами. На иглы то и дело со свистом и грохотом падали шишки. Одна такая шишечка могла бы запросто разнести дом Уиткинсов.

– Почему мне кажется, что мы сегодня не успеем пересечь лес? — спросила Флора, когда Смолл остановился, глядя вверх. Засвистело, и в десяти шагах от них грохнулась шишка.

– Потому что так оно и есть! По моему плану, сейчас мы должны были быть где-то в десяти тысячах двойных шагах впереди, — раздраженно ответил он. — Но я ошибся. Мы выбрали не самый удачный путь. Возможно не следовало обходить того дымчатого змея...

– Все мы правильно сделали! — подбодрила Флора.

– Ладно, не время оценивать свои поступки. У нас есть еще, — Смолл вытащил из кармана поцарапанные часы-медальон. Он их купил за сто монет у торговца в таверне и очень ими дорожил. — Полтора часа. Надо найти место для ночлега.

Они так и поступили.

В пяти тысячах двойных шагах спереди, у едва заметно протоптанной тропинки стояла прибитая к деревянному колу табличка со стрелкой. На ней были вырезаны два слова: «ЖДУ ПУТНИКОВ».

– Удача с нами, — воодушевился Смолл.

– Мне кажется... это плохая идея.

– Почему?

Флора обиженно посмотрела на него.

– Я тебе рассказывала. В последний раз, когда мы доверились табличке, погибли восемь стражников.

– Помню, — сказал Смолл. — Но жизнь... она такая... Когда угодно можно поскользнуться, приложиться затылком о косяк и подохнуть. Каждый это знает, но все равно ходит. Мне жаль, что с тобой такое приключилось. Это ужасно, нет, даже хуже... Но это еще не значит, что все остальные таблички тоже ведут в ловушки. В мире есть плохие люди. Но также есть и хорошие. И возможно, хорошие просто хотят помочь путникам вроде нас с тобой.

– А что если нет? Что если это снова проделки разбойников?

– Пока не проверим, не узнаем.

Флора заглушила бившее тревогу предчувствие и кивнула.

– Ладно... рискнем.

Они побежали в нужном направлении и уже скоро вывалились на просторную поляну. Молодые сосны — по пятьдесят двойных шагов вширь каждая — росли здесь в два ряда, образуя коридор для солнца и окошко для глаз. Смолл, прищурившись, разглядел далеко впереди золотистую полоску пустоши, а за ней белую точку — пригорок Фансового каньона.

«Если бы не приставучие жуки и змеи, мы были бы уже там», — подумал Смолл и повел Флору мимо шишек, валунами разбросанных повсюду. Иголки хрустели и крошились под ногами.

Вдруг принцесса остановилась и дернула Смолла за рукав.

– Смотри! — изумленно воскликнула она.

К одной из сосен с солнечной стороны был пристроен деревянный домик. Из дымовой трубы на крыше валил черный дым. Смолл с Флорой переглянулись.

– Извините! — закричал Смолл.

Из квадратного окошка выглянуло старое морщинистое лицо.

– Ну и чего ты так кричишь? Хочешь всех местных древоедов созвать? — Старушка сощурила глаза. — Эх! Молодые! Красивые! И гуляют посреди одиноких старых сосен в глуши Метеоритного леса. Какими судьбами вас занесло к тетушке Балгани?

Заговорила Флора:

– Мы направляемся к Фондорийскому Древу.

– И?!

– Получилось так, что мы не смогли сегодня пересечь лес. Искали место для ночлега и натолкнулись на вашу табличку.

– Табличку говоришь? — проскрипела тетушка Балгани. — Так она все еще держится? Как хорошо. Тот паренек постарался на славу! Руки просто золотые. Да и ноги, что надо. Хороший был паренек.

– Тетушка Балгани, вы позволите нам провести эту ночь в вашем домике? — спросила Флора.

– Представьтесь-ка для начала, — попросила старуха.

– Я Флора Фо...

Смолл громко кашлянул.

– Она Флора из семейства Фофа, а я Смолл Уиткинс.

– Фофа! — скрипуче рассмеялась тетушка Балгани, и принцесса одарила Смолла ядовитым взглядом. — Шо только не придумают... Фофа! Ну, как звать меня вы знаете. Сейчас я вам скину веревочную лестницу. — Она на секунду скрылась, затем отворив дверь, выскочила на крыльцо и сбросила старый дряхлый канат. — Поднимайтесь-ка и будем чай пить.

– Это же не лестница, — нахмурилась Флора.

– Чего дорогуша? Не расслышала!

– Говорю, это очень любезно с вашей стороны.

– Да ладно тебе!

Смолл забрался первым и помог залезть Флоре. Изнутри дом казался совсем древним. Грязная каменная печь, колченогий сосновый столик и стулья с кривыми спинками. В прихожей лежал продолговатый шкафчик. В него тетушка Балгани предложила сложить обувь. Смолл сразу же передумал разуваться; шкафчик полностью был забит ботинками. Потесанные кожаные сапоги, туфли с блестящими застежками, вязаные плетни и детские дышащие сандалии.

– Тетушка Балгани, здесь так много обуви... — сказал Смолл.

– Конечно. До вас у меня много гостей бывало.

– А почему они оставили тут свою обувь?

Старуха так резко повернулась к Смоллу, что принцесса вздрогнула.

– Кто тебе сказал, что это они тут ее оставили?

Зрачки старухи сузились, и она наклонила голову вправо, так, чтобы ухо лежало на плече. Флора пододвинула стул поближе к Смоллу. Тетушка Балгани молча ждала ответа. Ноздри на ее горбатом носу плавно расширялись. Она не шевелилась. Смоллу ее взгляд показался знакомым. Он видел его столько раз, что вроде бы должен был точно знать, кому он принадлежит. Но почему-то не мог этого вспомнить.

– Никто. Я просто предположил.

Пол на чердаке скрипнул. Так тихо, будто ветер залетел в окно и решил немножко пошуметь. Старуха засмеялась и вернула голову в вертикальное положение.

– Ох, как люблю я так прикалываться над гостями. Одни думают, я с ума сошла, другие хватаются за оружие, но пугаются абсолютно все. За этим интересно наблюдать. Ведь, как там говорится, именно страх раскрывает истинный лик человека. А насчет ботинок... оставили мне их, оставили, я в свободное время вяжу обувь вот и обменяла им. Хотите и вам обменяю?

– Нет, спасибо, — отмахнулся Смолл. — Вы сказали, что страх раскрывает лик человека.

И что же вы увидели в нас?

Тетушка Балгани крикнула.

– Девушка явно струсила, — ответила она. — А ты... даже не знаю. Тебе почему-то стало интересно. Эх, странный ты! Все пугаются, а ты, кажется, столкнулся с какой-то загадкой. Лицо задумчивое, а глазки... очень красивые глазки, будто бы увидели что-то знакомое. — Она поставила на стол металлические кружки. — Давайте-ка чай пить.

Старуха вытащила из печи котелок и разлила в кружки душистого чая.

– Спасибо, — сказали Смолл с Флорой в унисон.

– Пейте на здоровье, пейте, — улыбнулась старуха, показав черные редкие зубы.

– Тетушка Балгани, вы одна тут живете?

– К несчастью. Мне уже седьмой десяток идет...

– Седьмой?! — не поверил Смолл.

– Чего ты так удивляешься? Не всем же рано помирать. — Старуха отпила чаю и поправила седые волосы. — Не всем. Да. Не всем. Но вот муженек мой рано свалил на тот свет. У нас была дочь. Красивая, стройная... прям как ты, дорогуша! — она улыбнулась Флоре. — Пару лет назад она вышла замуж. У нее и сын родился, Рошей его назвали. Все как положено: счастье, достаток. Бог видит, как я была за нее рада. Но недавно и их с внуком ни стало.

– Что случилось? — спросила Флора.

– Прости, дорогуша, не хочу говорить об этом.

– И как вы справляетесь одна? — спросил Смолл.

– Кое-как. Ручеек в десяти минутах ходьбы. Каждый день ношу оттуда по два ведра. Ем, что придется. Выращиваю ягоды и грибы. Кое-как справляюсь.

Смолл отыскал глазами ведро воды, стоявшее возле печи. «Тяжелое, — подумал он. — Как эта старуха поднимает его наверх? Тем более используя тот дряхлый канат».

– Тетушка Балгани, как вам удастся поднимать ведра наверх? — Флора вслух озвучила мысли парня.

Прежде чем ответить старуха рассмеялась, так сильно, что закашлялась.

– Вы в порядке?

– Эх, здоровье у меня уже не то, — сипло отозвалась она. — На чердаке есть две койки. Можете допить чай наверху. Там же стоит второе ведро. Если нужно будет умыться или еще чего. Я, пожалуй, прилягу.

– Конечно, — сказала Флора. — Если вам что-нибудь понадобится — просто скажите.

– Спасибо, дорогуша, спасибо.

Старуха легла на скрипучую кровать и закрыла глаза. Флора встала с кружкой чая в руке и по крутой лестнице стала подниматься на чердак. Смолл продолжал сидеть на месте.

– Смолл, — шепотом позвала принцесса, — идем.

– Да.

Он схватил рюкзак и последовал за девушкой.

– Не нравится мне все это, — сказал Смолл, когда они поднялись на чердак. — Что-то тут не так.

– Да?! И что же?

– Говори тише. Старушка не смогла бы поднять два таких ведра наверх. Она что-то недоговаривает.

– И что с того? — не удивилась Флора. — Все мы имеем право на секреты.

– При чем тут это? — вскинулся Смолл. — Ты вообще меня слушаешь?!

– Сказал говорить тише, а сам кричишь.

Флора допила чай и поставила кружку на тумбочку возле кровати.

– Неужели тебя не насторожило количество обуви в том шкафу? — не унимался Смолл.

– Да какая разница сколько там обуви! — Флора от негодования стукнула кулаком себя по бедру. — Ты какую-то ерунду несешь. Оставь в покое тетушку Балгани. У нее и так недавно дочери с внуком не стало.

– Надавили на чувства и все? Попрощаемся со здравым смыслом?!

– Прекрати кричать!

– А я и не кричу! — Смолл сжал пальцы в кулак. Ему вдруг захотелось кого-нибудь ударить, и он принялся шагами поднимать пыль на чердаке. Чердак казался парню неправильным, кривым и до бешенства грязным. — Кажется, до меня дошло. Это все чай.

– Чай? Чай, говоришь?! Чем тебе чай не угодил? Возьми себя уже в руки. А-то смотреть тошно. Ведешь себя как умалишенный. — Щеки принцессы залил густой румянец, она была страшна возмущена. Походка, голос, идеи — все раздражало в Смолле.

– Флора, послушай, этот чай повлиял на наш мозг...

– Тебе самому не стыдно нести такую чушь? Ходишь туда-сюда с видом важной особы, хотя представляешь собой лохматого деревенского дикаря!

– Замолчи! — Смоллу стоило невероятных усилий сохранять власть над собой. Он подскочил к Флоре и сграбастал ее тонкие запястья в свою руку.

– Отпусти! — крикнула принцесса. — Мне больно!

– Продолжай кричать, — шепотом приказал он.

– Что ты творишь?!

Смолл свободной рукой достал из заднего кармана брюк маленький прозрачный стеклянный флакон с розовой жидкостью, снял пробку и влил немного содержимого в рот принцессе. Она сопротивлялась еще секунд десять, после чего силы оставили ее.

Смолл уложил Флору на кровать и вытащил из переднего кармана брюк флаконы с синей и зеленой жидкостями. Ему хотелось закричать. Все вокруг раздражало. Стены дома то сжимались, то расширялись. Пол, как кусок льдины посреди безбрежного океана, пытался уйти

из-под ног. Смолл глянул на безмятежное лицо принцессы и крепко сжал пальцы в кулак. Ему показалось, что она усмехается над ним.

Он снова сосредоточился на сосуде с синей жидкостью

«Яд травяного метателя, — подумал он, — только бы я был прав».

Он отпил треть синего флакона, закрыл пробкой, содрогнулся и рухнул на колени от боли. Ноги начало сводить. Стук сердца превращался в дробь. Все тяжелее было вдыхать воздух. По жилам словно растекался раскаленный чугун. Яд травяного метателя заглушал действие любого другого токсина, но убивал в течение пяти минут.

У Смолла из рук выпали оба флакона, и он стал искать их наощупь. Зрение покидало его. Вот он схватился за ножку кровати, вот вырвал половицу, вот стиснул что-то жесткое и с лапами — жук! — и в отчаянии бацнул по полу.

— Где же вы? — взмолился он. — Я не хочу умирать так бессмысленно.

Он не переставал наощупь продвигаться по полу и, наконец, нашел флаконы, гладкие и холодные. Перед невидящим Смоллом теперь стоял выбор: зеленая жидкость и мгновенное восстановление или же синяя жидкость и мучительная смерть. Он снял обе пробки и поднес флаконы к носу. Бесполезно! Яд травяного метателя пах гнилой травой, а приготовленный антидот — мочой. Но для парня все источало совершенно одинаковый пустой аромат. Его органы чувств отказали.

«Пятьдесят процентов успеха недостаточно», — так посчитал Смолл и залпом влил себе в рот содержимое обоих флаконов. Он мог только надеяться, что антидот перебьет действие яда.

И он оказался прав. Зрение мигом прояснилось, и уже через пару минут Смолл смог подняться на ноги. Голова еще кружилась, но парню все было нипочем, ведь он остался жив.

Тем временем весь Метеоритный лес заволокло непроницаемым, как стена, туманом. Темноту на чердаке развеивала лишь небольшая банка со светящимися жуками. Они наивно бились в непреодолимые для них стенки стеклянной тюрьмы. Стены дома, прикрепленного к сосне, скрипели. Внизу громко храпела тетушка Балгани.

Смолл засомневался в своих подозрениях. Он снял сапоги и босиком на цыпочках принялся расхаживать по чердаку. Он искал, но не знал, что именно. Кроме старой пыльной тумбочки тут стояли разве что две дряхлые кровати, пустой шкаф и ведро с мутной водой. По сравнению с чердаком старухи чердак Смолла был дворцом.

Смолл опустил руки в прохладную воду, ополоснул потное лицо и заметил небольшое темное пятнышко на полу. Он подошел ближе и наклонился. Пятнышко оставляло за собой тонкую, как пальцы Флоры, полоску, тянущуюся от низа шкафа. Смолл открыл сначала нижние деревянные дверцы шкафа, затем верхние. Пусто. Паутина, да пыль. Он закрыл дверцы и сел на кровать.

Флора мирно посапывала под действием успокоительного. Смолл влил ей в рот всего пятую часть флакона, очень скоро она очнется и, если он ошибся, станет буяннить. Смолл предпочел бы ошибиться. Одинокая старуха и у него вызывала жалость. Потерять мужа, дочь и внука...

Смолл резко встал. Ему послышались шаги, спокойные и тяжелые, как у палача. Подскочив к стене, он приложил ухо к гладкому дереву. За стеной кто-то был, и этот кто-то что-то передвигал. Смолл — стопы у него скользили на пыльных половицах — пошел вдоль стены, следуя за звуком. Несколько мгновений спустя перед ним вырос шкаф.

Идея ударила в голову со стремительностью солнечного луча.

Парень приготовился к худшему и толкнул шкаф.

За шкафом находился проход — темный, как ночная яма. Смерд, исходивший оттуда, поразил даже охотничье обоняние Смолла, привыкшее к запахам внутренностей дичи. Смолл

с трудом подавил дурноту. Вернулся за банкой со светящимися жуками, чтобы рассмотреть хоть что-то, рукой зажал нос и двинулся вперед, пробираемый мелкой дрожью.

Узкий проход вел в просторный склад, уставленный рядами высоких шкафов. На полу багровели засохшие следы. Смолл успел подумать, что это кровь, но потом увидел десятки банок. Они занимали почти все свободные от старого барахла полки шкафов.

– Здесь есть кто-нибудь? — Смолл крутил светильником во все стороны, никого не замечал, но его не покидало ощущение, что за ним наблюдают. — Покажитесь, я не причиню вам вреда.

Сзади раздались шебаршение и звук, напоминающий хмыканье. Смолл в ужасе обернулся, схватив с полки первую попавшуюся банку. Из-под шкафа выскочил крошечный темный силуэт с хвостом и, шумно топая, юркнул в трещину в полу. Мышь. Тихо выдохнув, Смолл поставил банку на место и прищурился. Банку обтягивала белая подписанная лента. Смолл смахнул пыль с ленты и прочитал:

– Роша. — Название то ли овоща, то ли фрукта, то ли ягоды для варения казалось ему знакомым, но он не мог вспомнить, где его слышал.

В конце склада стоял стол, а рядом с ним сидел низкий продолговатый шкаф. Точно такой же ютился в прихожей тетушки Балгани, в нем она хранила обувь. Смолл осторожно заглянул внутрь и, вскрикнув, отпрянул назад. Снизу доверху шкаф был забит человеческими костями.

– Флора! — закричал Смолл. Тут же его рот зажала плотная мясистая ладонь. Банка выпала у него из рук, разбилась, и десятки светящихся жуков разлетелись по складу.

– Не кричи. Мясо испуганной дичи отвратительно.

Смолл с размаху зарядил локтем в ребра мужчине сзади. Не помогло. Здоровяк волосатым предплечьем надавил ему на шею и стал душить. Смолл задыхался. Он вцепился в руку громилы, пытаясь выбраться из душащего крюка. Ничего не получалось. Он со всей силой бил пятками по коленям и ступням мужчины, но тот и не думал ослабевать хватку.

Все поплыло перед глазами у Смолла. Почему-то именно сейчас он вспомнил, где слышал «Роша». Рошей звали внука Балгани, внука, скелет которого теперь лежал в шкафу, а внутренности покоились в банке для варения. Угораздило же их с Флорой попасть к каннибалам! Смолл продолжал бороться. Это походило на попытки человека взобраться по канату, привязанному к облакам. Точно так же, как нельзя ступить по скоплению водяных паров в воздухе, спасение Смолла от удушения, не ознаменовала бы успех. Ведь он, обессилев, не выстоял бы в рукопашной схватке с громилой.

Когда Смолл это осознал, то сдался.

Но тело воспротивилось решению. Не для того оно росло, не для того становилось сильнее. Смолл почувствовал яростный позыв. Само естество молило о том, чтобы он не прекращал бороться. У парня открылось второе дыхание. Он чуть присел и мощно оттолкнулся ногами от пола. Здоровяк врзался в шкаф, со звоном разбились банки с вареньем.

– Ты мне надоел, — пробурчал басом мужчина, еще крепче сжал шею Смолла и начал колошматить его левой рукой по лицу. — Еда должна выглядеть хорошо? И сам знаю. Но ради тебя я сделаю исключение.

Вновь послышался звон разбитого стекла. Хватка здоровяка ослабла, и он, потянув за собой Смолла, с жутким грохотом рухнул на пол.

– Смолл! — воскликнула Флора, упав на колени. — Боже! Ты цел?

Она, вся запачканная вареньем, протянула руку Смоллу. Он, часто и громко дыша, выбрался из объятий громилы и с помощью девушки поднялся на ноги, но тут же сел на пол, спиной прижавшись к шкафу, и горько прошептал:

– На миг я сдался...

– Ничего страшного, главное ты жив и...

– Нет. Умирать не страшно. Страшно остаться в живых, когда ты хотел умереть.

– Но... — растерялась Флора. Она чувствовала, что должна что-то сказать, что-то очень важное, но не могла найти слов.

– Прости, — извинился Смолл, заметив, как напугана принцесса. Он поднялся, отыскал толстую веревку и связал здоровяку руки. — Нам нужно убираться отсюда. Эта парочка годами отравляла, а затем съедала путников.

– С чего ты взял?

– Банки.

– При чем тут банки с вареньем? — нахмурилась Флора.

– Я тоже сначала подумал, что это варенье. Но тот шкаф доверху наполнен костями, а на одной банке было написано... — Смолл замолк, решив не говорить девушке про мальчика. — И запах тут какой... Ты разве сама не чувствуешь? Хуже внутренностей секача. Не веришь? Посмотри, что лежит справа от твоей ноги.

Принцесса повернула голову и вскрикнула. На деревянном полу в луже крови плавали человеческие глаза. В слабом мерцании разлетевшихся по складу жуков, могло казаться, что глаза шевелятся.

– Да, выглядит неважно, — сказал Смолл. — Я пойду за старухой, а ты посторожи этого.

– Нет! Я пойду с тобой.

Флора дрожала, а кончики ногтей сжатых в кулак пальцев оставляли на ее ладони красные следы.

– Главное не шуми, — попросил Смолл и, морщась, босиком пошел по деревянному полу, усеянному осколками разбитых банок.

Принцесса не отставала. Перед тем, как спуститься с чердака, Смолл сел на койку и вытащил из стопы несколько стекляшек. Затем взял колчан с луком, и они бесшумно спустились по лестнице. Кровать, на которой спала старуха, пустовала. Смолл заметил, что входная дверь не заперта и тут же толкнул ее. Плотный туман начал проникать внутрь дома. Смолл не решался ступить на крыльцо.

– Слышишь? — шепотом спросила Флора.

Легкое поскрипывание пола на чердаке сменилось страшным звоном разбитого стекла, когда на крыльцо перед Смоллом рухнуло сорванное с петель окошко. Осколки полетели во все стороны.

– Почти попала! — раздался сверху голос тетушки Балгани. И Смолла рванул по лестнице на чердак.

Тетушка Балгани со здоровяком на плечах пыталась пролезть в оконный проем. Она кряхтела и шептала себе что-то под нос. Смолл велел ей остановиться, но старуха, словно не услышала его.

– Вечно мне с тобой приходится возиться. Ты как дитя, весящее, как пять полных бочек. Ни стыда, ни совести. Вечно вырубаетесь по пустякам. А я говорила тебе: нечего привередничать. Надо было сразу прикончить того паренька. Мясо испуганной дичи отвратительно... Сам ты отвратительный. Но я тебя люблю, дорогой. Ничего. Я справлюсь. Ты тяжелый, но и я сильна. Да! И хороша собой.

– Не двигайся! — крикнул Смолл. — Клянусь своим зонтом, я выстрелю! Эй! Я тебе говорю!

Смоллу не впервой было целиться в человека: руки его не дрожали. Он приказал старухе не двигаться, но не знал зачем. Он лишь помнил, что так говорят книжные рыцари, которые поймали бандита и собираются сдать его королевским стражам.

– Не, паренек, ты не выстрелишь, — сказала Балгани и неуклюже вылетела в окно.

Серая плотная дымка, проникающая на чердак, мгновенно проглотила горбатое тело старухи и ее здорового муженька. Тишина сменилась странным, напоминающим отрывку, рыча-

нием. Смолл, натянув тетиву, продолжал смотреть перед собой. Туман окружил его. Ему при-
виделось, что за этой мистической завесой, скрываются причудливые тени, напоминающие
силуэты людей. Они манили его к себе.

Вдруг туман вокруг Смолла рассеялся, как дым на ветру, и Смолл услышал голоса. Вна-
чале они казались ему непонятными, неизвестными, но вскоре он стал их понимать.

– Здесь такой приятный воздух, — сказал первый голос.

– И не говори. Здесь все лучше, — поддержал второй.

Голова у Смолла закружилась, пол по дуге скользнул вверх и вбок. Кривая ножка кровати
замаячила перед глазами, как дубинка надзирателя. Прежде чем потерять сознание, Смолл
Уиткинс осознал, что голоса доносили с земли.

ГЛАВА 6. Черная Лощина

Мяукающим пением сыча ознаменовался восход солнца. Туман рассеялся, и принцесса облегченно выдохнула. Всю ночь она просидела возле Смолла, пребывавшего в небытие. Он нес бред, брыкался, как недовольный ребенок, дважды у него случался приступ сомнамбулизма, и Флора силой возвращала его в кровать. Лишь когда рассвет зашекотал темноту, Смолл успокоился, и девушка смогла застирать свою рубашку. От пятен крови избавиться не удалось, но носить ее стало приятнее.

Флора отыскала в рюкзаке вяленое мясо секача и тихо заработала челюстями. Канат, который им скидывала тетушка Балгани, лежал у ее ног. Она время от времени поглядывала на него, словно опасаясь, что он обернется змеей и выскочит в окно к хозяйке. «Из тумана никто не возвращается», — уйму раз твердил Флоре Смолл, но сейчас, пока он спал, и принцесса сидела одна в чужом доме в десятках тысяч двойных шагов от родного Древа, ей казалось, что старуха непременно вернется, если уже не вернулась и не прячется в каком-нибудь потайном проходе.

Не смотря на то, что ей было страшно, будить Смолла она не собиралась. По крайней мере, без повода. Ведь как только он зашевелился, позевывая, Флора нетерпеливо воскликнула:

– Доброе утро! Как себя чувствуешь?

Тонкий голосок взрезал тишину, как сукно.

– Можно тише? — пробормотал Смолл, морщась. — Голова трещит. Как я тут...

– Вчера, когда я поднялась наверх, весь чердак заполонил туман. Ты лежал на полу без сознания. Я жутко напугалась, подумала, что тот громила уже очнулся и навалил тебе. Но потом вспомнила, что тетушка Балгани вместе с ним выпрыгнула в окно. До сих пор помню: два тучных тела, камнем падающих вниз... — Флора не договорила. Смолл глядел на нее, как на какое-то недоразумение. — Прости, немного отвлеклась. Короче, я спустила тебя вниз и уложила на кровать.

Смолл приподнялся и сел.

– Мои ноги...

– Да, прости. Ты очень тяжелый. Мне пришлось волочить тебя по лестнице.

– Вообще-то я имел в виду порезы, — Смолл улыбнулся.

– Ну, там было так много крови... и я подумала, что может быть заражение и промыла их водой!

– Ты по-прежнему тараторишь, когда волнуешься.

– Ничего я не волнуюсь! — выпалила она.

– Ну да, сделаю вид, что мне показалось. — Он надел сапоги и встал. — Так значительно лучше. Спасибо, Флора.

– Не за что.

Не прошло и часу, как путники покинули домик в сосне. Метеоритный лес — удивительное место, если ты никуда не спешишь. Тишину изредка нарушает свист падающих шишек, сухие иглы хрустят под ногами, а пение хищных птиц, расслабляет не хуже мелодии свирели. Не зачем прислушиваться к шорохам, лесные создания шумны, как никто другой. Муравьи клацают жвалами похлеще секачей и держатся кучками; если они поблизости — не сомневайся, узнаешь. Дымчатые змеи и секачи предпочитают жить среди травы и цветов. Ос, пчел и шершней после дня травли — сто лет назад люди распылили повсюду яд, убивающий опасных жалящих созданий, — осталось слишком мало. Встретить их все равно, что найти на дороге бочонок серебра. Клещи медлительные и неповоротливые, а древоеды, черви, гусеницы и бабочки совсем не опасны.

– Здесь такой свежий воздух, — воскликнула Флора, и Смолл вздрогнул. — Прямо как на балконе в моих покоях. Знаешь, когда...

– Флора, я должен кое-что тебе рассказать.

Принцесса резко остановилась.

– Что?

– Нет, давай не будем тормозить. Не хочу впустую тратить время.

Она кивнула и пошла дальше.

– Вчера, когда на чердак стал проникать туман, перед тем, как потерял сознание, я кое-что услышал. — Смолл замолк и огляделся, будто кто-то мог подслушать. — Это были голоса людей... людей снизу.

– Угу.

– Что «угу»? — насутился Смолл. — Ты мне не веришь?

– Не то что бы я тебе не верила, — мягко объяснила Флора. — Просто ты всю ночь бредил.

– Это было до того, как я вырубился! — убежденно воскликнул Смолл, почесав затылок. — Сначала голоса казались мне непонятными со странными акцентами, потом я стал их понимать. И как только это произошло, туман передо мной внезапно исчез. Так внезапно, словно его там и не было вовсе.

– «Туман исчез»? Тебе точно это привиделось. Ты в бреду нес что-то про туман и про...

– ... то что-то про свежий воздух и что здесь все лучше?

– Так ты сам все помнишь? — нахмурилась Флора, смахнув со лба непослушную каштановую прядь. На рукавах ее белой рубашки после вчерашнего остались пятна крови, вокруг которых расплылись розоватые от стирки круги.

Смолл снова покрутил головой, выискивая невидимого преследователя.

– Нет. Это то, о чем говорили люди снизу. Даже если мне все привиделось, почему я потерял сознание?

– Может это тот горький раствор, что ты влил мне в рот, подействовал?

– Тебя я угостил успокоительным. — Смолл достал из рюкзака бурдюк с водой и сделал пару глотков. — Себя — ядом и противоядием. Может противоядие и могло так подействовать... Но мне не хочется в это верить.

– Почему?

– Так не интересно.

Флора ждала подробных объяснений, но Смолл больше не возвращался к этой теме.

Вскоре Метеоритный лес остался позади. Путники по старому виссячему мосту пересекли Фансовый каньон и спустились в Черную Лощину. Смолл не видел более жуткого и завораживающего пейзажа. Черная по колено трава, такие же черные грибы, темно-серые листья деревьев и темно-фиолетовые цветы. Здесь не росли даже Вечные растения. Лощина находилась в окружении перекошенных горных хребтов, и солнечные лучи так неохотно пробивались сквозь заостренные каменные преграды, что в народе это место стали называть проклятым. С высоты птичьего полета горные хребты напоминали приоткрытую пасть.

– Добро пожаловать в пасть к дьяволу, — сказал Смолл, когда они остановились на развилке узкой дорожки.

– Ты религиозен? — спросила Флора. Любой человек в Древе счел бы такой вопрос оскорбительным, но Смоллу, думала Флора, можно его задать.

– Не настолько, чтобы молиться по утрам, — Смолл хмыкнул. — Но мне хочется верить, что существуют высшие силы. Вот как, по-твоему, появились люди?

– Нас создал Бог.

– И как он это сделал?

– При помощи алхимии.

– Заметь, ты даже не подумала: сразу ответила. Это печально. Знания нужны для того, чтобы размышлять над ними. Предположим, что Бог создал нас при помощи алхимии. Тогда кто создал Бога?

– Не знаю. Наверное, он был всегда. — Флора нахмурилась и пнула попавшую под ноги черную ветку. Ветка попала в изогнутый ствол тонкого дерева, с десятью светлыми следами от когтей, и зашелестела в мрачных кустах. — Зачем ты все это спрашиваешь?

– Просто любопытно. — Смолл присел на корточки и извлек из рюкзака пожелтевшую карту. — Вход в подземную деревню должен быть где-то здесь. Черт! На карте нет никаких развилочек. Не помню, по какой мы в тот раз шли. Придется гадать.

– Смолл, дай я гляну.

Он фыркнул:

– Прошу!

Несколько молчаливых мгновений спустя принцесса вернула юноше карту, со словами: «Чья это работа?».

– Отца.

– Наверное, он рисовал не рабочей ногой, — предположила Флора. — Совсем ничего не разобрать. Линии. Точки. Каляки-маляки.

– Это он еще старался. Ты не видела, как он... Тш-ш... — Смолл приложил палец к губам и напряг слух. Взгляд его устремился за спину принцессе. Среди черных листьев кустарника, в который совсем недавно отскочила ветка, он различил два горящих желтым кругом. Они, не мигая, следили за Флорой.

– Смолл я не...

– Левая тропинка! — крикнул он. — Беги, Флора!

Едва принцесса сдвинулась с места, как из кустарника с рыком выпрыгнуло угольно-черное создание на четырех лапах. Смолл тут же запустил в него стрелу, и та угодила в шею клыкастой твари. Но хищник не замедлился и за три прыжка достиг жертву. Парень отскочил в сторону, вытащил из рюкзака мешочек с молотым перцем и приготовился. Хищник не спешил нападать. Он ходил кругами, медленно подбираясь к Смоллу.

Смолл от отца узнал, что лучшая оборона в схватке с диким зверем — это быстрая атака. И, улучив подходящий момент, он с зычным криком сделал два стремительных шага и сыпанул молотый перец в морду животного. Ослепленная тварь взвыла. Смолл бросился вслед за Флорой.

Дыхание клокотало в груди, кровь стучала в висках. Каждый шаг, словно резал стопу, но Смолл и не думал останавливаться. Уж чего-чего, а боль он сможет вытерпеть ради спасения жизни.

Вой будоражил Лощину недолго, на смену ему пришло рычание. Хищники так просто не отпускают добычу.

– Ты в порядке? — Флора сидела на пеньке возле высокого кустарника, с листьями, по форме напоминающими ладони.

– Я же сказал тебе... бежать... — Смолл схватил девушку за руку и потащил за собой.

Они обогнули громадный каменный валун и побежали по усеянной темно-фиолетовыми цветами поляне. Под ноги то и дело попадались выступающие из земли корни деревьев, с сочным хрустом рвались сорняки. Смолл с Флорой перескочили через овражек и увидели спереди человека в плаще.

– Эй! — закричал Смолл, задыхаясь. — Подождите!

– Пожалуйста! — завопила Флора.

Человек обернулся, ни то пригрозил, ни то подбодрил ребят вверх поднятым кулаком и исчез. Провалился сквозь землю. Когда путники подбежали к месту, где стоял неизвестный,

то обнаружили металлический люк. Смолл ухватился за ручку-кольцо и дернул на себя. Плечо пронзила боль. Круглая дверь не поддавалась. Он попробовал снова — безуспешно.

– Эй, там внизу! Прошу, откройте люк! — закричал Смолл. — За нами гонится хищник!
– Пожалуйста! Мы вам заплатим!

Рычание заглушило их голоса. Сминая черную траву и темно-фиолетовые цветы, на них несся хищник. Смолл ногой барабанил по люку. Принцесса кричала. Темная, загадочная природа Лощины наполнилась хаосом. Вороны с беспокойным карканьем покидали полюбившиеся им ветки деревьев, а редко залетающие в Черную Лощину рыбы с гулом уносились прочь.

Хищник находился в двадцати прыжках от добычи, когда люк резко открылся, и сильные грубые руки утащили вниз сначала Флору, а затем и Смолла. Круглая дверь с грохотом закрылась, оставив плотоядное создание ни с чем.

Человек, утащивший путников в люк, не позаботился об их приземлении. Флора при падении подвернула ногу, а Смолл и вовсе плюхнулся плашмя. В груди у него закололо. Он попытался встать на ноги, но получил мощный удар в солнечное сплетение и рухнул на металлический пол. Сплошная темень. Смолл наощупь продвинулся вперед, наткнулся на что-то жесткое. И кожаное. Это что-то зашевелилось и заехало ему по лицу.

– А ну отцепись! — раздался хриплый голос, словно бы издалека, и сын Артура Уиткинса второй раз за день потерял сознание.

— Очнись! Очнись, кому говорят! Вздумал поиграть со мной, мразь?!

– Он без сознания! — взмолилась Флора. — Прошу! Прекратите!

– Прекратить пинать это животное? Девчуля, — он выплеснул ведро на лицо Смолла.
— Ты за кого меня принимаешь?

Смолл зашевелился и открыл глаз. Левый. Правый опух. Перед ним стояли два мужика в темно-коричневых, пропитанных потом рубахах. Неаккуратные бородки, с одной стороны лица растительности куда больше, засаленные волосы и черные зубы. Эти двое так сильно походили друг на друга, что парень усомнился: не двойится ли у него в глазах. Лишь когда ему на лицо вылили второе ведро с грязной, отдающей ржавчиной водой, он понял, что перед ним один человек.

– Ку-ку! — Мужик дважды шлепнул ему ладонью по щеке. — Очнулся?

– Очнулся.

Смолл попытался расправить плечи, но туго затянутая на запястьях за спиной веревка не позволила. Из носа по губам и подбородку стекала алая, отдаленно напоминающая ручейки на карте, кровь. Проверив целостность зубов, он ощутил противный металлический привкус и сплюнул. Окаменевшее, опухшее лицо мешало говорить.

Мужик с размаху зарядил кулаком Смоллу в живот.

– Я тебя предупредил! — Он плюнул на пол, словно пометив территорию. — Чтоб больше не плевал! Понял?!

Смолл промолчал.

– Кто вы такие?!

– Я же вам уже... — начала Флора.

– Заткнись! Заткнись! Заткнись, кому сказал! Ты поняла?! — Он вытащил из-за пазухи нож с длинным лезвием и приставил острие к шеи принцессы. — Вечно, ты лезешь со своим противным милым голоском... Заткнись! Заткнись! Поняла?!

Флора от страха не могла сказать ни слова.

– Ты поняла?!

– Она поняла. Прошу, остынь.

– Просит он! Ха-ха! Попрошайка! — Он отошел от Флоры, кашлянул и снова плюнул на пол. — Запомни, чел, мужик не просит, а берет.

— Запомнил! Ты вроде хотел, чтобы я тебе все на раз-два выложил? Верно говорю?!
— Смолл попытался уподобить свою речь речи мужика.

— Верно!

— Короче, — он сплюнул кровь, но тут же спохватился и вставил: — Извини, старая привычка. Так вот, меня звать Смолл Уиткинс, я родом из Туманной Долины. А это Флора Фофа, моя девушка. Мы направляемся в подземную деревеньку. Думаем там закупиться всякой всячины. Говорят там товар хороший, да и цены что надо.

— Да! Верно говорят! Цены что надо! Я недавно там такой элек купил... — Он цокнул, криво ухмыляясь. — С двух кружек пробирает.

— С двух? — Смолл сделал вид, что удивился.

— Да я сам сначала не поверил. Я мужик крепкий, а тут на те, с двух кружек...

— Угостишь? Мне с трудом что-то верится, что две кружки способны справиться с таким как ты.

— Слышь, ты мне зубы не заговаривай! Думаешь, я тупой как косяк?! — Он плюнул и подошел вплотную к Смоллу. От него пахло потом и перегаром. — Свободы хочешь? А знаешь, что? — Мужик с размаху зарядил ему кулаком в живот. — Хрен тебе, а не свободы!

— Что тебе от нас надо? — глухо спросила Флора.

— Что мне от вас надо? Девчуля, ты со своим парнем окажешь мне одну услугу. — Он улыбнулся, обнажив черные зубы. При тусклом освещении, что создавали жуки в банке, его лицо с невероятно непропорциональными чертами, казалось Флоре вовсе нечеловеческим. «Существуй на свете демоны, — думала она, — они выглядели бы именно так».

— Какую услугу?

В люк застучали. Не бешено, как стучали Смолл с Флорой, а спокойно и ритмично. Мужик переменялся в лице. Прежняя уверенность проиграла растерянности. Он подбежал к лестнице, ведущей наверх, поднялся и открыл люк.

— Чего так долго?! Вылезай, Диего, разговор есть! — сказал кто-то низким голосом.

— Маньерто... рад тебя...

— Мне дважды повторить?!

— Нет. Дай мне несколько секунд. — Диего вылез наружу и с грохотом опустил крышку люка.

— Смолл, ты как? — тут же спросила принцесса.

— Говорить неудобно, но жить буду. — Он посмотрел на Флору, привязанную к стулу слева, и улыбнулся. — Ты милая, когда волнуешься.

— Нашел время для комплиментов. Что делать будем?

— Не знаю...

— Я думаю, у меня скоро получится избавиться от веревки, — сказала Флора. — Теперь, кажется, я знаю, для чего нужны длинные ногти.

Парень тихо хохотнул. Они привязаны к стульям в подземном никому неизвестном бункере в пасте дьявола, но принцесса находит повод для шутки. Принцесса, привыкшая к удобству и защищенности, принцесса, которая по идеи должна кричать, вопить и жаловаться.

— Ты удивительная, — вырвалось у него.

— Тебе, видимо, сильно по голове досталось...

— Да не... это тоже конечно, но не только, — Смолл прокашлялся. Перед глазом по-прежнему время от времени двоилось. — Ты очень смелая.

— Смеешься? — горько спросила Флора, изо всех сил пытавшаяся разобраться с веревкой. Она чувствовала себя никчемной. — Я убежала... оставила на тебя того хищника. А до этого был еще дымчатый змей... он чуть не налетел на тебя, когда ты спасал меня. В одиночку ты наверняка сумел бы убежать и от хищника. И тогда тебе не пришлось бы терпеть все эти побои... Я обуза. Я тяну тебя вниз.

На щеках принцессы заблестели слезы.

– Ты тянешь меня вниз? Отчасти, ты права. Ведь благодаря тебе я наконец-то покинул цветок, спустился так сказать вниз. Ха-ха. — Он хмыкнул. — Но это стало вторым по грандиозности событием в моей жизни после рождения. Говоришь, что ты обуза — да без тебя я был бы уже на том свете! В домике той жуткой старухи, когда громила начал душить меня, я был готов сдаться, умереть. Но ты, подобно утреннему лучику света, разогнала тьму перед моими глазами. Ты спасла мне жизнь, Флора. Нет. Даже больше! Помогла мне вернуть веру в себя! Так что не смей называть себя обузой! Поняла?

По телу принцессы пробежали приятные мурашки. Ей вдруг захотелось обнять Смолла, крепко-крепко, и не отпускать.

– Поняла, — отозвалась она.

У Смолла резко закружилась голова, словно он сидел не на стуле в бункере, а дрейфовал на хлюпком ботике посреди моря и попал в водоворот. Картина перед видящим глазом начала рябеть.

– Обещаю, — просипел он. — Мы выберемся отсюда.

Еще до того, как принцесса успела сказать что-то в ответ, стул накренился вправо, и Смолл с грохотом упал на пол. Флора закричала, зовя Диего. Ей почудилось, что Смолл при падении свернул себе шею.

ГЛАВА 7. Рабы Маньерто

Смолла разбудили тряска, приглушенный вопль, кашель и стук копыт. Он со связанными за спиной руками лежал на сыром дне переполненной грязными людьми крытой повозки. Тут были старики, женщины и дети — все худущие. У ребенка с перевязанной головой совсем не было жира: открытые ребра, впалые щеки и тонкие, как веточки кустарника в Черной Лощине, руки. На его фоне даже костлявые старики выглядели крупными. Две молодые девушки в разорванных платьях тихо плакали, а дамы постарше всячески их успокаивали.

— Потом станет проще, — говорили они. — Вы главное будьте покладистыми.

Смолл приподнялся и сел. Правый глаз снова стал видеть, заметно спала опухлость лица, но в висках по-прежнему пульсировала боль. Во рту пересохло, и он огляделся в поисках бурдюка с водой.

Повозка подскочила, Смолл подлетел и неприятно плюхнулся на копчик.

— Смотрите, крепыш очнулся, — послышалось справа.

Смолл обернулся. Медленно. Слово его шея была свинцовой.

— Где я? — спросил он и сморщился: слова необструганной дощечкой царапали горло.

— Где-где — повозке! — последовал ответ.

Смолл раздраженно скрипнул зубами, подавил желание закричать.

— Как я тут оказался?

— Тебя это... пг'итащили к нам вчег'а ночью. Ты был весь в кг'ови и это... без сознания.

— А Флора?!

— Флог'а? — картаво переспросил старик, приподняв единственную бровь; от второй подпаленной осталась несколько волосков.

— Девушка, которая была со мной.

— Нет, паг'енек, ты это... что-то путаешь. Когда тебя пг'итащили сюда, ты был один одишешенек.

— Но... — Боль в висках мешала думать. — Нас держал в подземном бункере Диего, потом к нему пришел какой-то Манерто.

— Маньег'то, — мрачно поправил старик. — Пг'о Диего не слышал, но пг'о втог'ого — кто пг'о него не знает? Алчный тог'говец людьми, душа от дьявола. Нет на свете людей хуже.

— Твоя Флора... она красивая? — поинтересовалась тенором плотная женщина с неестественно красными щеками то ли от вечных пощечин, то ли от средств прихорашивания.

Смолл кивнул. Медленно. Слово шея нуждалась в смазке.

— Тогда она сейчас у Маньерто, — просто сказала женщина. — Развлекает его и евошних ребят.

— Она не такая! — вскинулся Смолл.

— Думаешь, я или вот эти бедные девушки такие? Жизнь порой бывает очень зла. Сегодня ты невинна, как младенец, а уже завтра тебя пускают по кругу.

Мысль о том, что Флора может пройти через такое унижение привела Смолла в ярость. Он попытался разорвать веревку, сковывающую руки. Не получилось. Злость внутри росла. От бессилия ему хотелось закричать. Селия стала торговать телом сама, чтобы выжить, но Смолл все равно винил себя за это. Но если надругаются над принцессой...

Парень рывком поднялся с намерением выбраться наружу сквозь небольшое отверстие в ткани, накрывающей повозку.

— Стой! — Возчик дернул за поводья, остановив лошадей.

Смолл не устоял и налетел на деда, больно ударившись локтем о жесткий край повозки.

— Аккуг'атно, паг'енек, так это... и зашибить не сложно.

— Простите.

– Ну что, успокоился? — спросила краснощекая женщина. Цветастое платье по бокам у нее разошлось, а снизу было подрезано, оголяя пышные бедра.

– Мне нужно выбраться отсюда, — сказал Смолл.

– Всем нужно, но рабы Маньерто могут сбежать от него только на тот свет. — По повозке расползлись согласные обреченные вздохи и кивки. — Смирись, что теперь твоя жизнь среди нас. Ты крепкий и не уродливый, мож продадут тебя в слуги какой-нить важной бабе. Будешь бедрами да языком работать — все лучше, чем ковыряться в дерьме и подыхать с голодухи. — Женщина развела руками.

Смолл только сейчас заметил, что ее руки, как и руки всех остальных рабов в повозке свободны от пут.

– Помогите мне избавиться от веревки, — прошептал он.

– Маньерто предупреждал, что ты попросишь, и велел этого не делать, — отозвалась молодая костлявая девушка с опухшими губами и кровоподтеком под левым глазом. — Сказал, кто ослушается, будет закопан заживо.

– Повогачивайся, паг'енек, — старик махнул водянистой рукой, — я г'азвяжу.

– Диори, — прошипела краснощекая. — Что ты делаешь?

– Сама не видишь?

Старик повозился минуту, под осуждающими взглядами бабенок.

– Готово. Без вег'евки куда лучше, да?

– Я твой должник, — сердечно поблагодарил Смолл.

– Да ладно тебе...

– Ну и зачем ты это сделал, Диори? Черт бы тебя побрал, — глухо ругалась краснощекая женщина. — Теперь и нам может влететь.

– Я сознаюсь, если пг'идет надобность, — пообещал Диори.

– А она придет.

– Пойми Маг'ия, захотелось мне в последний г'аз сделать что-нибудь хог'ошее... человеческое. Я свое это... уже отжил. А у паг'енька-то вся жизнь впег'еди. Глядишь, и сумеет сбежать.

– Ага! Повозку со всех сторон охраняют люди Маньерто...

– Обычно — да, но не сегодня.

– О чем это ты?

– Пг'ислушайся?

– Я ничего не слышу, — рассерженно шепнула Мария.

– Ну... а я о чем тебе говогу?

Смолл выглянул наружу. Лошади, привязанные к тонкому деревцу, беспокойно топтались на месте. Их седла пустовали.

– Удачи, паг'енек, — сказал Диори.

Смолл кивнул и скользнул наружу.

Небо заволокло стеною туч. По обе стороны от повозки шелестела редкая острая трава. Удивительно, но прямо посреди нее росли невысокие густые кустарники с крошечными листьями и красными ягодками и тонкоствольные березы. Смолл поднял с земли увесистый камень и обогнул повозку. Облучок пустовал, под ним валялся недокуренный сверток сигареты.

Спереди послышались голоса, и Смолл юркнул за ближайший кустарник, вовремя увернувшись от оказавшейся на пути шеи острой травинки. У повозки напротив остановились два бородатых мужика в серых потрепанных куртках.

– Эт еще повезло, что мы легко отделались! — бросил первый.

– Хрень все это! — не согласился второй. У него был звонкий девичий голос. — Их восемь, нас двенадцать.

– А ты что, хотел бы выступить против разукрашенных?

– Их восемь, нас двенадцать, — уклончиво сказал он.

– Да хоть двадцать! Маньерто лучше тебя знает, как нам поступать. — Мужик запрыгнул на облучок. — Моя очередь! Иди товар проверь! Может, подох кто.

– Да наверняка!

Смолл дождался, когда мужик заглянет в повозку, вынырнул из-за кустов и с размаху зарядил камнем ему по затылку. Бандит бы громко рухнул на землю, но Смолл его поймал и мягко уложил. После чего снял со спины колчан со стрелами и поднял с земли лук.

– Эй! Ну чего ты так долго? — крикнул второй. — Я сейчас... — Крик утонул в груди, из которой торчала стрела.

Спереди стояли еще три повозки, и Смолл, преодолевая усилившуюся боль в ступнях, крался вперед. Одна за другой стрелы достигали цели, и бандиты безжизненно валились на землю. Сердце парня колотилось как никогда прежде. Каждый удар будто разрушал Смолла изнутри. Он пытался представить, что охотится, а бандиты — это дичь, но легче не становилось. Он убивал, пусть и плохих, но людей.

В повозках Флоры не было. В одной Смолл отыскал съестные запасы, одежды, сундуки и оружие, а в другой лежали три серых тела — мальчик, девочка и бабушка. У мальчика от удара нос вошел в череп, у девочки была сломана шея, а бабушку исхудала настолько, что превратилась в скелет.

Гнев помогал Смоллу натягивать тетиву. Люди оказались легкой добычей. Ни панциря секача, ни верткости дымчатого змея, ни слуха травяного метателя — у них не было ничего. Вскоре Смолл настиг Маньерто. Коренастый, загорелый, с пустым властным взглядом, — главарь бандитов и глазом не повел, увидев направленный на себя лук. Он курил сигарету с видом художника, выпуская изо рта дым в виде причудливых фигур.

– Где Флора?! — вскричал Смолл.

– Милая девушка, правда? — спокойно сказал Маньерто.

– Ты поиграть хочешь?!

– Очень может быть.

Смолл, не колеблясь, всадил стрелу в ногу Маньерто. Он убил уже десятерых прихвостней, ничего с его душой не станет, если убьет и одиннадцатого — их главаря. Бандит стиснул зубы, сжав сигарету, но не проронил ни звука.

– Вижу, ты не шутишь.

– Повторяю в последний раз. Где Флора?!

– Она ушла. Буквально пятнадцать минут назад. За ней приехала королевская стража. Ты еще можешь их догнать, уверяю. Они пошли во-он в ту сторону, — Маньерто указал себе за спину.

– Думаешь, я в это поверю?

– Мне все равно.

– Она бы... — Смоллу вдруг стало дурно.

– Не оставила тебя тут? — Маньерто усмехнулся. — Ты уверен, что хорошо ее знаешь? Черт. А ты неплохо попал. — Он сморщился от боли. — Принцессы используют таких людей, как ты, для своей выгоды. Дай угадаю, она пообещала тебе себя и горы монет в придачу?

Сзади хрустнула ветка. Смолл обернулся и отпустил тетиву. Одиннадцатый бандит отправился на тот свет вслед за своими приятелями.

– Так ему и надо, — сказал Маньерто. — Он у меня подворовывал, я бы сам его грохнул в свое время, если бы не ты. Только помучил бы сначала.

Смолл его не слушал.

– Сколько было королевских стражей?

– Восемь, — Маньерто бросил на землю докуренную сигару и, придавив сапогом, растоптал.

«Он сказал правду», — подумал Смолл, вспомнив разговор двух бандитов у облучка.

Это означало, что принцесса действительно спаслась, но легче ему не стало. Он чувствовал пустоту внутри себя, тягостную и разъедающую. Такую же пустоту, какую чувствовал в тот день, когда узнал, что Селия переспала с ним из-за денег отца.

– Скоро спустится туман, — Маньерто пожал плечами. — Без меня тебе не выжить.

– Я не боюсь тумана, — сказал Смолл.

– Люди боятся не тумана, а того, что в нем скрывается.

Смолл опустил лук, и Маньерто заметно расслабился.

– Пойдем, — сказал он. — Возьмем самых быстрых лошадей и поскачем в ближайшее...

– Зачем ты все это делаешь?

– Ты о чем?

– Люди в повозке, — Смолл смотрел на коренастого главаря бандитов пустым взглядом.

– И что? Тех безвольных созданий в повозке едва ли можно назвать людьми. Сравни их хотя бы с собой. Ты там и дня в сознании не провел. Ты свободолюбивый человек. Жизнь взаперти для тебя хуже смерти. А они... а что они?

– Там есть девушки и дети...

– Ребенка мы случайно у матери забрали. Потом куда-нить сплавим его. Он совсем бесполезен. А девушки... они рождены для удовлетворения мужских потребностей. В борделях с одной красавицы можно иметь триста серебряных в месяц. — Маньерто, как ему казалось, незаметно вытащил из ножен кинжал с деревянной рукояткой.

Смолл снова поднял на него лук.

– Ты опять за свое? — вздохнул Маньерто.

– Знаешь что? Всегда думал, что убивать животных проще, — тихо сказал Смолл. Маньерто в его тоне уловил угрозу и тут же метнул кинжал. Смолл увернулся и отпустил тетиву. — Я ошибался. Есть люди, чьи души и сердца прогнили настолько... Не люблю убивать, никогда не любил. Но если это спасет сотни невинных душ...

Тело Маньерто грузно повалилось на землю. Из его лба торчала стрела.

Смолл развернулся и побежал к повозке.

Когда освобожденные им люди осыпали его благодарностями, он не слушал. Перед глазами маячили лица бандитов. Они молчали, но их безжизненные широко открытые глаза будто следили за растущей в груди у Смолла невидимой для человеческих глаз дырой, которую и так расширяли нежные, холодные, удаляющиеся руки принцессы.

Обследовав повозки, люди отыскали карту и сообщили Смоллу, что ближайшее поселение в трех часах езды.

– Сколько у нас времени?

– Час... это максимум, — ответил Диори. — В такую погоду, паг'енек, точнее не опг'еделить.

– Этого должно хватить, — тихо сказал Смолл. Он предпочел бы точно определить время по часам, но те вместе с рюкзаком, видно, прикарманил Диего. — Диори, сможешь управлять повозкой?

– Обижает!

– Собери всех в одной и ежайте следом за мной.

– Что ты задумал?

– Перед тем как остановиться, повозка на что-то наскочила. Я думаю это корень Вечного растения. Отыщем его, появится возможность укрыться от тумана.

Диори ободрился и резво, для своих лет, принялся созывать всех к повозке. Когда Смолл нашел корень, все, кроме одной молодой девушки, решившей на лошади добраться до поселения, заняли места в повозке.

– Выдвигайся за мной! — скомандовал Смолл.

Очень скоро показался высоченный Вечный древовидный пион с малиновыми лепестками. Он рос на поляне, заросшей плющом, и его верхушка находилась так высоко, что Диори тут же понял несостоятельность затеи Смолла.

– Вот же! Не меньше пятнадцати двойных шагов.

– Что там, Диори? — спросил кто-то из повозки.

– Ничего хог'ошего, — гаркнул он. — Сами гляньте!

Смолл добрался до колючего основания пиона, достал найденный в повозке с припасами веревочный гарпун, раскрутил его и запустил вверх. Крюк зацепился за толстый лепесток. Смолл натянул веревку, проверил. «Должна выдержать», — решил он. Затем подпрыгнул и принялся карабкаться вверх. Без узелков подниматься было сложнее, но он справился и закричал остальным:

– Хватайтесь по очереди. Постараюсь поднять вас сюда.

Диаметр пиона не превышал ширины повозки. Все двадцать три человека не могли на нем уместиться, но вслух об этом никто не говорил. Первым Смолл поднял костлявого ребенка. Следом молодых девушек. Сильные руки парня горели, кожа охотна слезала с потных мозолистых ладоней. Когда за веревку ухватилась толстая Мария, Смолл сумел поднять ее лишь с помощью других.

Он тяжело дышал. Мокрая рубаха липла к телу, сковывая движения. В поясе стреляло, предплечья ломили. Но Смолл продолжал поднимать людей на цветок. Он не мог оставить их на земле, не мог бросить после того, как спас. Он чувствовал ответственность за них. Ему помогали женщины, путался под ногами норвящий не быть бесполезным мальчуган.

Под пионом ждали своей очереди четыре старика и пять женщин, когда ребенок, сидящий за спиной Смолла, закричал:

– Туман!

Облако, висящее над их головами, поплыло к земле. Смолл впервые видел такое. Раньше для него туман спускался лишь за вырубленным полем, в сотнях двойных шагов от его цветка, а затем уже неся в его сторону, охватывая все на пути. Сейчас же Смолл находился в самом эпицентре, и туман угрожал его макушке.

– Паг'енек, мы укг'оемся в повозке! — крикнул Диори.

Смолл спорить не стал: другого выбора у них не было.

– Плотно закройте ткань повозки и постарайтесь не шуметь!

– Хог'ошо! — отозвался старик. — Бег'егите себя!

Смоллу было гадко глядеть на то, как люди, так и не дождавшиеся своей очереди, обреченно ныряли в дряблую повозку, кое-как залатанную тканью. «Это их не спасет, — думал он. — Они просто оттягивают неизбежное. Надо было мне тянуть резче...»

Мягкая увесистая ладонь шлепнулась ему плечо.

– Ты сделал больше, чем мог, — прошептала Мария.

– Но этого не хватило.

– Жизнь сурова...

– Нет, она лишь показывает, что мы недостаточно сильны.

Туман одеялом накрыл землю под пионом, и все вокруг погрузилось в знакомую, загадочную тишину. Мария впихнула свое грузное тело в кучку женщин, поджавших колени к груди и молча озиравшихся по сторонам, и тяжело вздохнула. Ребенок дрожал неподалеку и с восхищением глядел на Смолла, ведь тот был единственным, кто еще стоял на ногах.

– Попробуйте заснуть, — сказал Смолл, руками отмахиваясь от красноглазых летающих рыб. У них было плотное, размером с человеческую ладонь тело, покрытое чешуей, серебристая спинка, черненькое брюшко и прозрачные веерообразные крылья, позволяющие амфибиям летать со скоростью до десяти двойных шагов в секунду. Питались эти создания кровью. Проколов кожицу маленькими заостренными зубиками, они впрыскивали обезболивающий токсин, останавливающий свертывание крови, и зачастую незаметно присасывались к жертве.

– Заговоривший в тумане будет проклят, — прошептала Мария.

– Да пожалуйста! — бросил Смолл. Он беспокоился за людей, укрывшихся в повозке, до суеверий ему не было дела. — К тому же, не я один заговорил.

– Мне можно. Повторно не проклиняют.

Внизу раздался крик. Дикий. Душераздирающий. Ребенок руками закрыл уши и прижался к пышной даме в рваном платье с глубоким декольте. Рыбы тут же улетели прочь, голодные, но желавшие уцелеть. Стихло, словно перед бурей. И снова крик. Вместе с воплем послышалось протяжное «Не-еет!...».

– О боже... — прошептала Мария. — Это Диори...

Смолл неподвижно стоял на краю раскачивающегося лепестка, глядя в пугающий, наполненный неизвестностью туман. Его руки дрожали, сердце стучало, как после бега, а по телу носился хоровод леденящих душу мурашек. Вопль усиливался. Смолл коснулся зонта, прикрепленного к рюкзаку, которой он стащил у Маньерто, но тут же отдернулся руку, словно его ударили током. Парень сжал пальцы в кулак.

«Люди из тумана не возвращаются, — эхом гуляло у него в голове, под вопль Диори. — Люди из тумана не возвращаются. Никогда».

– К черту! — яростно воскликнул Смолл и, раскрыв зонт, махнул с пиона.

Голоса сверху удалялись, крики снизу становились громче, пока вмиг все не затихло. Смолл летел с цветка на землю, погружаясь в непроницаемую белую дымку. Он напрягся, готовясь к приземлению. Учитывая высоту пиона, спуск должен был занять всего несколько секунд, но Смолл продолжал лететь.

Ветер усиливался, туман становился гуще. Смоллу даже показалось, что резко похолодало. Он ясно ощущал, что движется вниз, но земля не появлялась под ногами. Смолл словно находился посреди белого ничего. И этим ничего был бесконечный туман. Парень вдруг закричал, пытаясь вырваться из замкнутого круга. Ему ответило зловещее раскатистое эхо.

Нацепленная на каркас зонта воздухопроницаемая паутина летающего паука натянута до такой степени, что зонт начало трясти. Смолл запаниковал и выпустил из левой руки лук. Но тот будто завис в воздухе, и Смолл, пролетая мимо, схватил его снова, коснувшись предплечьем нечто, отдаленно напоминающее ветку дерева.

Внезапно под ногами возникло что-то твердое. И неровное. Смолл потерял равновесие и упал на землю, больно ударившись локтем о выступающий корень.

Мертвая, пугающая тишина. Ни ветра, ни жужжание насекомых, ни криков Диори, — парню даже показалось, что из-за перепада давления он потерял слух. Однако приближающиеся глухие шаги быстро развеяли это предположение. Смолл вскочил и огляделся, насколько позволяло притупившееся зрение. Белая, неподвижная пелена тумана. Мутные силуэты кустов и деревьев. Больше ничего.

Смолл достал из колчана стрелу и натянул тетиву. Шаги слышались отчетливее, но где их источник? Ему хотелось закричать. Вот значит, каково оказаться в тумане? Он точно попал в ночной кошмар. Ему не могли помочь даже органы чувств. Слепший, оглохший, потерявшийся в пространстве, — для охотника нет ничего страшнее.

Туман зашевелился, как дым на ветру. Смолл крепче сжал древко лука и различил спереди ни то тень, ни то силуэт человека. Это что-то вынырнуло из тумана, и двинулось на Смолла.

– Стой! — крикнул Смолл.

Человек поднял вверх правую руку и замахал, так, словно рука была механической и совершала маятникообразные движения, толкаясь о пружину.

Смолл попятился.

– Еще шаг и я пушу стрелу! — предупредил Смолл дрожащим голосом и боковым зрением уловил шевеление слева от себя. Резко обернулся и застыл, как стебель Вечного растения. Перед ним, подергиваясь, стоял Диори. У него были бездонно белые, как туман, глаза.

– Д-диори?

Старик, широко растопырив пальцы, вытянул руку перед собой.

– Диори, где остальные?

Старик молча двинулся на него, и Смолл отскочил в сторону. Из тумана один за другим начали выходить люди. Женщины, мужчины, дети — все с бездонными белыми глазами и тянущимися к Смоллу руками. Смолл развернулся и помчался прочь. Хватит с него! К черту остальных! Он из тумана вернется, неважно как, но вернется!

Изрезанные стопы давали о себе знать: каждый шаг сопровождался острой болью. Раз за разом он валился на землю, споткнувшись о невидимое препятствие, но тут же поднимался и продолжал путь. Туманные люди наверняка уже остались далеко позади, но Смолл и не думал останавливаться. Он задыхался, заставлял налитые кровью ноги двигаться, пока его не подкосила стрелой вогнавшаяся в голову боль.

Смолл упал и закричал, руками обхватив голову. Глаза горели. В висках словно ковыряли зубчатым клинком, а макушку клевали вороны. Смолл вытащил из ножен кинжал и от греха выбросил его в сторону, боясь поддаться желанию прервать свои мучения. Он извивался в судорогах, колошматил землю, корни и пни.

Но внезапно боль отступила. Смолл открыл глаза. Туман, окружающий его со всех сторон, медленно исчезал. На темном небе, пробиваясь сквозь облака, горел лунный диск. Смолл, недоумевая, осторожно встал и огляделся. Вокруг него росли небольшие кустарники, неподалеку высились деревья с маленькими в форме ромба листьями и отдыхал валун, величиной с Вечный гриб. Следов Вечного пиона не было и в помине.

«Далеко я убежал», — подумал Смолл.

Он перешагнул через пенек, не представляя куда бежать и что делать, и застыл, услышав голоса. Они исходили из-за кустарников.

– Тш-ш...

– Клянусь своей кожей, я слышал чей-то крик!

– Заткнись. Хочешь, чтобы нас заметили?

Сзади хрустнула ветка. Смолл обернулся. Огибая деревья и сминая траву, в его сторону рвано шагали десятки темных силуэтов. Человек, находившийся спереди, издал напоминающий отрывку крик, и люди с бездонными белыми глазами с нечеловеческой скоростью рванули вперед. Смолл схватил с земли лук и побежал.

Плотное облако закрыло луну. На смену пропавшему туману, пришел мрак.

Протаранив куст, из-за которого доносились голоса, Смолл сбил с ног мужчину, в странном, полностью окутывающем тело одеянии.

– Сзади! — закричал Смолл прямо ему в лицо. — Они...

– Вот, зараза! — Мужик с одного удара вырубил Смолла.

– На хрена ты это сделал, Джордж?

– У него были белые глаза!

– Ты когда-нибудь видел, чтобы туманные говорили?!

– Сам посмотри...

– Тш-ш... там кто-то есть.

– Все равно ни черта не видно. Нас не заметят.

- Молодец, Джордж. Сегодня нам придется спасти зад и этому парню.
- А как же охота?
- Ты уже неплохо постарался. Смотри какая туша лежит у твоих ног.

ГЛАВА 8. Возвращение домой

Подлетая к Фондорийскому Древу, принцесса Флора не испытывала облегчения. Она, обхватив талию Роджера Баркалинстера — командира королевских летунов, парила верхом на бородатом хищнике. Снизу царил туман. С высоты птичьего полета белая завеса походила на чистый лист бумаги, холст самого Господа Бога, на котором Он нарисовал наш мир.

Спереди виднелось крупнейшее в Фондории Древо, чья верхушка раскачивалась над облаками. Ствол Древа был шириной в несколько сотен двойных шагов, и вдоль него с четырех сторон висели мощные тросы, нагруженные лифтами. Ветви располагались почти параллельно земле, на них строили небольшие деревянные домики. Однако большинство фондорийцев жили в углублениях коры. Придав напоминающему вход в пещеру отверстие определенную форму, они застраивали его деревянной стеной с окном и дверью. И не беспокоились о бушующих ветрах, донимавших поселенцев на ветвях.

Принцессу всегда раньше восхищал вид одиноко возвышающегося над миром Древа, но только не сегодня. Сегодня она не любовалась даже красотами звездного неба, в ее мыслях был только Смолл. Его лицо, покрытое ссадинами и синяками, искренняя улыбка, его слова о том, какая она смелая... У Флоры щипало в глазах вовсе не от колющего ветра, и боль сдавливала ее грудь совсем не от страха высоты

– Принцесса, держитесь крепче, мы заходим на посадку! — предупредил Роджер. Его мускулистые руки крепко держали ремень, обвитый вокруг пернатой шеи бородатого хищника. Флора и не подумала ответить.

Когда они приземлились, Флора в сопровождении королевских летунов направилась в покои отца. Завидевший принцессу простой люд низко кланялся, а стражи в коричневых кожаных доспехах с фондорийским знаменем в виде лабриса на груди звонко били сапогом о пол.

Они на лифте поднялись на третий уровень Древа. На толстом — в двойной шаг — выступе в коре стояли, не шевелясь, два вооруженных луками стражника, за их спинами прятались стальные ворота. Королевские летуны дождались, пока лифт остановится, затем Роджер Баркалинстер сошел на выступ и протянул руку принцессе. Флора проигнорировала жест командира королевских летунов и спрыгнула сама.

Стражники отворили ворота.

– Принцесса, вы до сих пор сердитесь на меня? — спросил Роджер, когда они шли по тускло освещенному коридору замка.

– Я вам никогда этого не прощу, — бросила принцесса, стиснув зубы.

– У меня был четкий приказ Его Величества: доставить вас на Древо живой и невредимой.

– И вы с ним справились. Bravo!

– Принцесса, я не мог поступить иначе...

– Не могли? Довольно, Роджер! — вскипела Флора. — Вы обманом увели меня оттуда, пообещав, что вернетесь за Смоллом сразу, как только отведете меня на безопасное расстояние!

– Но принцесса! — возразил Роджер. Эхом разлетались по замку твердые шаги королевских летунов. — Возвращение туда было бы настоящим вздором. Бандиты...

– Теперь вы называете мою просьбу нелепой?!

– Нет! Бандиты наверняка были бы готовы к нашему повторному визиту...

– Довольно, Роджер! Не хочу тратить на вас свой воздух.

Несколько поворотов они молчали, затем Роджер заговорил:

– Если Его Величество позволит, я немедленно отправлюсь за вашим другом. — Он остановился возле двери, ведущей в покои короля Грегори, и приложил к серым командирским доспехам на груди сжатый кулак. Он дал клятву.

– После случая в лесу, я не уверена, что могу верить вашему слову.

– Я дал клятву! — воскликнул он.

– Клятва — ничто. Людей судят не по словам, а по поступкам. — Она смерила Баркалинстера холодным взглядом. — А теперь я хочу повидаться с отцом.

– Конечно, принцесса. — Роджер открыл дверь, и они вошли.

Король сидел за столом в библиотеке и держал в руках раскрытый фолиант.

Роджер церемонно опустился на колено.

– Ваше Величество, я выполнил ваше поручение. Принцесса Флора доставлена в замок в целостности и невредимости.

Король Грегори поднял глаза. Усы, спускающиеся по уголкам рта и переходящие в бородку, зашевелились. Он широко улыбнулся.

– Моя малышка вернулась домой!

Флора бросилась ему навстречу. Еще минуту назад холодная принцесса растаяла в объятиях отца. Она крепко прижалась к его груди, ощущая знакомый с детства сладкий аромат.

– Роджер, оставь нас! — велел король.

Командир королевских летунов поклонился и покинул покои.

– Они оставили там Смолла! — начала Флора. — Чтобы я не говорила, они не возвращались за ним... Пробовала угрожать... Пробовала...

– погоди-погоди, кто такой Смолл?

– Друг, он провожал меня домой. Мы убегали от хищника, попали в плен к разбойникам, а потом за мной пришел Роджер... Но Смолл остался там, связанный и избитый!

– Мы позаботимся о твоём друге, обещаю. Дай мне только сначала на тебя наглядеться. Дочка, я тебя больше пера не видел. — Он взглядом прошёлся по дочери. — Ты стала ещё женственней. Но, — король Грегори расхохотался, — никогда не видел тебя в подобном наряде.

– Это одежда мамы Смолла... — Флора запнулась.

Король различил на её лице отпечаток беспокойства и грусти.

– Рассказывай, — сказал он. — Я хочу знать все.

Принцесса вкратце поведала отцу о своих приключениях. Дослушав, он крепко обнял дочь и пообещал, что тотчас пошлет Роджера за её другом. Флора знала, что отец всегда сдерживает свое слово, и чуть успокоилась. Ходили слухи, что однажды, ещё в юности, Грегори поспорил с другом, что переиграет его в шахматы. На кону стоял мизинец левой руки. Грегори проиграл и, не колеблясь, отрубил себе палец. Друг был ошарашен и восхищен, он прозвал будущего короля «человеком слова». История разлеталась по Фондорю и сослужила для Грегори отличной репутацией. После того спора отец Флоры не раз лишался пальцев, но вовремя пришивал их. И теперь его руки были усеяны молочными шрамами.

Грегори Не Отсеченный — так звали короля в народе.

Проходя мимо Роджера, Флора холодно произнесла:

– Отец, ждет вас. Молитесь, чтобы со Смоллом ничего не случилось.

Роджер поклонился принцессе и вошел в покои короля. Грегори Фондорийский Седьмой стоял на балконе с бокалом черничного вина. Когда Роджер оповестил короля о своем приходе, тот даже не повернулся.

– Проходи. — Он поставил бокал на перила и затянул пояс бордового халата. — Встань рядом со мной.

Роджер выполнил приказ.

– Что ты видишь? — спросил король.

– Мир, покрытый туманом. Он лежит как на ладони, Ваше Величество.

- И чей этот мир?
- Ваш, — не колеблясь, ответил Роджер.
- Верно. А чьим он станет после моей смерти? — Король махом опустошил бокал.
- Земли, принадлежащие вам, Ваше Величество, отойдут вашим детям, носителям вашей крови.
- Почему?
- Таков закон о престолонаследии, — отчеканил Роджер. Он стоял прямо и глядел на полотно тумана, накрывающее землю.
- Отчасти, верно. Законы это официальное закрепление истинного положения вещей. Кровь моих предков чиста, как душа младенца. Веками наш род старается сохранить чистоту крови, заключая браки с представителями благородных семейств. Именно поэтому Фондория до сих пор процветает. — Король наполнил бокал вином и отпил. — Невозможно представить, что может сотворить ребенок, рожденный путем смешения королевской крови с кровью простого люда, если ему придется править государством. Милая чистокровная девушка и грязный простолюдин... — Лицо Грегори искривилось. — Нельзя такое допустить.
- Ваше Величество, я все понял, — Роджер поклонился, — разрешите вас покинуть.
- Ты должен отправиться на поиски друга моей дочери...
- Но не должен его найти, — закончил командир королевских летунов.

ГЛАВА 9. Город на горном плато

Прогремел рог. Трос натянулся и медленно начал поднимать вверх каплеобразную сеть. Снаружи к ней прицепились семь мужиков, краснощеких и уставших, в рубашках с капюшонами и в кожаных перчатках. Внутри сети лежали туша оленя и лохматый парень в грязной некогда светло-коричневой рубахе. Этим парнем был Смолл Уиткинс.

Трос скрипел и раскачивал сеть, да так сильно раскачивал, что она то и дело шмякалась в каменный отвес, вдоль которого они поднимались. После очередного глухого удара, сопровождавшегося руганью, Смолл зашевелился, приоткрыл глаза и чихнул. Мягкая и теплая шерсть оленя превосходно заменяла матрас. Смолл не сразу понял, где находится, потянулся, широко зевнул. Мужики захохотали. Чужой смех привел в чувства лучше любой пощечины. Вечный Пион. Крики. Прыжок. Туман. Люди с белыми глазами. Два типа в капюшонах... Воспоминания лавиной обрушились на Смолла. Страх сковал грудь. Взгляд заметался по сторонам, как мышь, забравшаяся в сундук с гладкими стенками. Смолл схватился руками за сеть и попытался встать, но уперся макушкой в жесткую бечевку.

— Где я? — крикнул он и заметил, что они скользят вдоль огромной каменной стены. Снизу, на доступные человеческому глазу дали тянулся плотный туман, и разглядеть что-либо за ним не получалось. — Уа-а! Что за... — Никогда в жизни он не находился так высоко над землей. Десять Вечных цветков... Нет, одиннадцать. И они продолжали ползти ввысь.

— Ты на трупе туманного оленя, — хохотнул кто-то сзади.

Смолл резко обернулся. Мужик с жидким светлым хвостом охотно демонстрировал щербинки на передних зубах.

— Ты так сладко спал, — шепелявя, сказал он, — что не посмели тебя будить. Похрапываешь, дышишь, прям, как пердят девки, а еще поглаживаешь брюхо рогатого. Я все ждал, когда ты ухватишься за другой его рог, тот, что пониже.

— Не ты один...

— Лохматый должен был дергануть разок...

— А если бы он его поцеловал...

Мужики снова расхохотались.

Смолл посмотрел под ноги, вскинул брови. Он и не знал, что такие твари водятся в фондорийских лесах. Не меньше хищника, с рогами в форме Древа — до полного сходства им не хватало листьев и мелких веточек — и с крупными, как кулаки подростка, белыми глазами. Чтобы они не собирались с оленем делать, думал Смолл, на их месте есть зверюгу он бы не стал.

А нелепые остроты продолжали осыпаться уши Смолла. Мужики соревновались в глупости и извращенности. Один пошутил про бесконечно открытый задний проход, другой сравнил ветвистые рога с членом, третий с особенным драматизмом сообщил, что у бедного оленя уже никогда не встанет.

От хохота тряслась сеть, от хохота трещала голова у Смолла. Когда один из мужиков, главный весельчак, предложил ему «по-братски поддержать оленю», Смолл нахмурился, но мгновение спустя бросился вперед. Он узнал голос.

— Это ты, падла! — воскликнул Смолл. — Зачем ты меня ударил?

Он ясно помнил, как, убегая от белоглазых людей, перемахнул через кустарник и вывалился на тропинку, собираясь предупредить бедолаг о приближающейся опасности. Но бедолаги и рта не дали ему открыть: сразу в подбородок.

— Джордж обозался, — вступился за Джорджа товарищ — костлявый и с густыми, как мох, бакенбардами. — Ты вылетел на нас и давай орать. Он трухнул и...

— Ничего я не... — начал покрасневший Джордж.

— Трухнул он, не слушай его, туман любого вынудит. Поспешил, подумал туманный.

– «Туманный»? — не понял Смолл.

– Да, туманный.

– Ты нам всю ржаку запорол! — уныло воскликнул кто-то. — Теперь до девок скукота будет.

Внезапно каменная стена справа закончилась. Сеть поднялась вверх еще немного, затем рычаг, к которому был прикреплен трос, повернулся влево и со скрипом опустил сеть на землю.

Смолл сразу выбрался наружу, не до конца понимая: заложник он или гость? В сотне двойных шагах от него возвышалась стена из серого камня, в высоте не уступавшая цветку Уиткинсов. Она тянулась в обе стороны, и границ ее видно не было. Что бы за стеной не находилось, защищали это как надо. Смолл разглядел громадные металлические ворота, которые вряд ли вообще возможно протаранить, и десятки лучников над ними.

«Где это я?» — подумал Смолл.

Пока мужики обменивались впечатлениями с управляющими подъемной установкой, растерянный Смолл подошел к краю неизвестного плато и осмотрелся. Ему стало не по себе. Как бы далеко от пиона он не убежал, с такой-то высоты Фондорийское Древо должно было быть видно, но Смолл не нашел и намека на город-Древо. Руки у него затряслись. Над линией горизонта показался оранжевый солнечный диск. Диск пополз вверх и несколько мгновений спустя заставил Смолла сощуриться. Когда парень немного привык к свету и поглядел вниз, то оцепенел от страха. Солнце встало, но туман так и не исчез.

Один из мужиков незаметно подошел к Смоллу и хлопнул ему по плечу жесткой, как черенок лопаты, ладонью.

– Эй, ты в порядке?

– Туман... — прошептал Смолл, тыча дрожащим пальцем вниз. — Он не рассеивается.

– Нашел чему удивляться! Туман никогда не исчезает.

– Но он всегда исчезал! Каждый день от восхода до захода солнца... на шесть часов.

Ганс Патрон, так звали мужика, хмурясь, посмотрел на Смолла.

– Мы не в сказке живем! — твердо сказал он. — Оустрейс это тебе не Фондория!

– Не Фондория... — тупо повторил Смолл. — В смысле «не Фондория»?! Ты издеваешься? И что вообще за Оустрейс?

Мужики со всех сторон обступили Смолла.

– Очередной впечатленьш?

– Верит в сказки прапрадеда нашего короля?

– Отвечай, — спокойно повторил Смолл. Образовавшийся вокруг него тесный круг из мужчин прилично раздражал, но Смолл старался держать себя в руках. — Что за хрень ты несешь?

– Это город...

– Город?

– Ганс, серьезно? — вскинулся Джордж. — Он же издевается!

– Оустрейс — это город на горном плато. Наш дом. А твоя Фондория — выдуманная страна.

Теперь захохотал Смолл. Он и не представлял, что кто-то может сказать чушь с таким убежденным видом. Все семеро глядели на него, не мигая.

– Bravo! — воскликнул Смолл, хлопнув в ладоши. — Вы хороши. Серьезно. Почти поверил. И глазом не моргнули. Вот игра!

– Перестань ржать, — бросил Ганс и придержал, шагнувшего было вперед, Джорджа.

– Да и вам уже можно. Раскрыли вас. Выходите из роли.

– Джордж, ты сильно его ударил? — прошепелявил светлородый.

– Прилично, — отозвался Джордж. — Думаешь, я того?..

– Говорят иногда надо дважды ударить, чтоб башка на место встало. Исправишься?

– Эт пожалуйста...

– Замолкните! — не выдержал Смолл. — Где я? Почему отсюда не видно Древо? Почему туман не исчез? Почему на вас это странная одежда? И где, черт возьми, ваши зонты?

– Расходимся, — заключил Джордж. — Он больной на всю бошку. Лень даже руки марать. Надо было там его оставить. От него пользы, как...

– А от тебя сегодня что, много пользы было? — пристыдил его Ганс и направился в сторону огромных железных ворот. Мужики, переглянувшись, поспешили за ним. — Ты можешь отправиться в туман на поиски своей Фондории, — бросил Ганс Смоллу через плечо, — или топай за нами в бар с отличным хавчиком и женщинами горячее солнца. Решать тебе.

Смолл пребывал в смятении. Мужики несли несусветную чушь. «Фондория выдуманная страна? — думал Смолл. — Серьезно? Скажите еще, что и меня прежде не существовало! Или что я псих, который выдумал свою жизнь!» От последней мысли ему стало не по себе. Смолл нагнал мужиков, часть его отчего-то верила, что за стеной он докопается до истины.

Мужики затормозили у ворот.

– Ночная вылазка прошла успешно! — закричал Ганс зычным голосом. — Потерь нет!

Ворота со скрежетом отворились, подняв облако пыли. К ним навстречу вышел седовласый мужчина в серых кожаных доспехах с эмблемой в виде череды гор на груди. Он поприветствовал Ганса Патрона рукопожатием. Затем его холодные серые глаза обследовали остальных мужиков и наконец остановились на Смолле.

– Этот юноша не отправлялся с вами в ночную вылазку. Кто он?

– Мы наткнулись на него внизу. Он предупредил нас о приближении туманных, — ответил Ганс. — Один из наших по ошибке вырубил его. Мы засуетились. Нельзя было оставлять его там. Вот мы и притащили его сюда. Аверлин я готов...

– Тише! — Аверлин подошел почти вплотную к Смоллу. Внимательно оглядел его, ища признаки болезни. Лицо в синяках и ссадинах, левый глаз заплыл, на висках поблескивают капли пота, руки скрещены на груди. Аверлин Гедон шлепнул ладонью по щеке Смолла.

– Я и ответить могу, — вскинулся Смолл, невольно выпятив подбородок.

– Не сомневаюсь. Какая глупость занесла тебя в туман одного?

– Он говорит, что родом с Фондории...

– Вопрос был адресован не тебе! — властно прервал его Аверлин и брезгливо поглядел на Смолла. — Это правда?

Смолл сглотнул, прежде чем кивнуть.

– Правда.

– Ты жил в...

– ...Туманной Долине. Это небольшое поселение восточнее Метеоритного леса.

– Метеоритного леса? Как интересно. Король непременно захочет видеть тебя. — Аверлин круто развернулся, собираясь уйти. — Но учти, если король сочтет тебя за безумца, — он фыркнул. — Его приговор будет последним, что ты услышишь.

– Что? Почему?

– Потому что ты умрешь.

– Я понял, что типа умру, но к чему все это? — Смолл развел руками и посмотрел на Ганса. — Зачем он мне угрожает?

Едва Аверлин скрылся за воротами, Ганс захохотал. Его смех подхватили остальные.

– Зачем он тебе угрожает? — переспросил Ганс, утирая блестящие от слез глаза.

– Да, зачем?

– Да затем, что может.

– Это не ответ. Что я ему сделал?

— «Что я ему сделал»? — сотрясаясь от хохота, повторил Джордж. — Знаешь что, ты мне нравишься. Если доведется толкаться с палачом на краю плато, не забудь спросить у него, что ты ему сделал. Вот умора будет. Или...

— Посмеялись над парнем, и хватит, — заключил Ганс и коснулся плеча Смолла. — Слышал притчу про скорпиона и щуку?

— Суку? — пореспросил Смолл.

— Нет, щуку! Рыба такая есть, длинная и зубастая. Слушай, короче. Как-то раз скорпиону нужно было перебраться на другой берег озера. Плавать он, понятное дело, не может, а потому: давай кричать. Кричит и кричит, прям как ты, когда очнулся в сети. На крик приплыла щука. Спрашивает: на кой черт кричишь? А он: помоги, ты быстрая вмиг меня перевезешь. Щука отказалась, мол, скорпион ее ужалит. Тогда скорпион пообещал, что не станет жалить, ну прям честное слово. Щука, наконец, согласилась. Плывут они, значит, плывут. Пол озера уже позади. И тут на тебе — скорпион жалит щуку. Оба начинают идти ко дну. И щука кричит, как полоумная: что ты наделал, теперь ведь и ты помрешь. А скорпион, захлебываясь: такова уж моя природа.

— Уловил смысл? — спросил Джордж.

— Он не дурак, — сказал Ганс. — Идемте.

На пути в бар Смоллу постоянно попадались на глаза худые, костлявые дети в слишком просторных рваных одеждах. Они носились по извилистым улочкам Оустрейса и выпрашивали еду. Сухари, червивые яблоки, хрящи — любая съедобность тотчас исчезала в маленьких голодных ртах. Город был огромен. Редкие черные башни перемежались с серыми домами, с которых крошился камень, и дряблыми деревянными публичными заведениями. Бордели встречались тут чуть ли не на каждом шагу. Нагие девушки развратными речами зазывали мужиков, но те с хохотом проходили мимо. Ганс говорил, что останавливаться здесь — себя не уважать, и что только в «Черной могиле» есть достойные ласк особы.

Тушу оленя Смолл с мужиками занесли мяснику, работающему в пропахшем гнилью и мертвечиной домике. Он согласился разделить мясо на семь равных частей, запросив за работу скромную плату, — бедро животного.

В «Черной могиле» было людно. Четырехэтажное здание из серого камня; два первых этажа заставлены столами и барными стойками, третий и четвертый — десятками комнат с мягкими, пропитанными потом и гарью кроватями. У Смолла не получалось прогнать дурноту. От шума давило в висках, от спертого воздуха выворачивало наизнанку. Повсюду сновали голые женщины всех форм и возрастов. Худые и гибкие, как змеи, тучные, с грудью под стать двум свернувшимся в клубок младенцам, и горячие, как их называл Ганс, стройные девушки с фигурой в виде песочных часов.

— Попав к ним внутрь, ты поймешь, что такое истинное наслаждение, — говорил Ганс.

Они со Смоллом сидели за самым дальним от барной стойки столиком. Остальные мужики давно взяли по женщине и отправились наверх. Ганс пил пиво медленно, как гурман. На его сухом изможденном морщинами лице изредка проскальзывала ухмылка. Смолл, перебарывая тошноту, пережевывал недожаренное белое мясо рыбы.

— Что у тебя с лицом, парень? — Ганс на миг оторвал взгляд от кружки.

— А что с ним не так?

— На нем словно отпечаток дерьма. Неужели хавчик недостойный тебя?

— Мясо хорошее, — соврал Смолл и оттянул ворот прилипшей к телу рубахи. — Жарко здесь.

— Как и всегда. В чем дело?

Смолл махнул рукой.

— Не бери в голову.

— Ты можешь сказать.

– Спасибо, знаю.

– Так говори!

– Все в порядке!

– Ну, дело твое! Бр-ррр... — Ганс рыгнул, допил пиво и поднялся на ноги. — Я тудысь!

– Ганс, — позвал Смолл.

– А, передумал?

– Ты серьезно считаешь, что Фондория выдуманная страна? — Смолл обошел всю «Черную могилу», опрашивая постояльцев. Все как один округляли глаза и прыскали от смеха, называя его тронутым.

– Не считаю, а знаю. Там внизу, — Ганс покачался и пальцем показал себе за спину, — там внизу сплошной туман. Один черт знает, как далеко он тянется. Да что я тебе говорю, ты и сам все видел! Там нет людей. Та земля принадлежит туманным. Не нам! Им! Наше же место здесь, черт возьми! Если ты действительно родом с этой Фондории... скажи, где она? Где эта Фондория, черт бы тебя подрал!? — Из его рта полетела слюна. Он покраснел, и непонятно было от чего больше: от хмеля или от злости? На лбу выступили вены. — Почему дети должны умирать с голоду, а девушки торговать своим телом?! Скажи мне, а? Почему мы должны каждые два дня рисковать своими шкурами? Ведь Фондория существует, да? Парень, если ты еще хоть раз спросишь меня о чем-то подобном... Клянусь, я выколю тебе глаза и пинком под зад отправлю тебя прямиком с плато в туман! И полетишь ты в свою долбанную Фондорию, понял?

Ганс, пошатываясь, направился вверх по лестнице. Смолл молча смотрел ему вслед. Молоденькая девушка с фигуркой в виде песочных часов встала на пути у Ганса, игриво улыбаясь. Он грубо отодвинул ее рукой в сторону и прошел мимо.

Смолл чувствовал, что Ганс сказал правду, но это только все усложняло. Если Фондория выдуманная страна, то где он провел предыдущие восемнадцать лет?

Подняв голову к потолку, в красных пятнах от вина, Смолл спросил:

– Быть может, это сон?

Стены промолчали, а лестница отозвалась протяжным скрипом. В этом переполненном запахами алкоголя и пота месте, Смоллу показалось, что лестница над ним насмехается.

ГЛАВА 10. Старшая сестра

Стены родного замка отталкивали взгляд Флоры не хуже жалких настилов в повозке Маньерто. Все казалось таким холодным и чужим. А ведь еще перо назад, до поездки к Винсенту, Флора беспечно летала по тускло освещенным коридорам, задирала стражников и без стука вваливалась в покои отца. Отец сердился, но не долго. Он вообще не умел долго сердиться. Тем более на Флору. Она всегда говорила ему, что он самый добрый.

– Дочка, — отвечал Грегори. — Я так добр только по отношению к тебе.

Король Грегори не любил похвалу. Ходили слухи, что однажды он приказал отрезать язык мужику, сказавшему, что король — честнейший из видимых им людей. Флора этому не верила. Про ее отца ходило много слухов — одни отвратительнее других, — но такова уж участь королей.

Коридор по периметру огибал весь замок. Принцесса шагала по выложенному мраморной плиткой полу и неохотно рассматривала знакомые узорчатые барельефы на серых каменных стенах. Виноградные лозы, цветы, вихри, геометрические фигуры. Разнообразие барельефов нарушал узор, напоминающий череду прописных галочек. Он, скучный и невзрачный, повторялся каждые восемь шагов и сейчас как никогда раздражал Флору. Раньше она представляла, что это стая птиц, парящих высоко-высоко, но теперь видела лишь стрелки, навязчиво тыкающие в землю и словно указывающие Флоре на то, где она бросила Смолла.

Флора свернула влево, прошла под сводчатым потолком и услышала шаги. Ровное постукивание подошв туфель по мрамору. Цок-цок-цок!

– Диана! — воскликнула Флора прежде, чем из-за угла показалась ее старшая сестра, и развела руки для объятий. — Боже, я так соскучилась...

– Это правда, что Фиталл сделал тебе предложение? — резко спросила Диана.

Руки Флоры повисли вдоль тела.

– Правда.

Едва Флора приняла горячую ванну, к ней заявился знатный Лорд Фиталл с предложением руки, сердца и приличного наследства. Ему было чуть больше тридцати. Высокий, широкоплечий, с небольшим пивным животиком, — видный кавалер. Много молодых девушек строили ему глазки, но он выбрал Флору.

– Ты ведь согласилась, правда? — Диана широко улыбнулась. Флора столько раз видела эту улыбку, что говорить об искренности сестры не приходилось.

– Нет.

– Как «нет»?

– Да вот так, не захотела.

– Но он Лорд Древа Фиталл, — протянула Диана. — Этот великолепный союз укрепит Фондорию. Если Древо Фиталл будет на нашей стороне...

– Мне все равно.

– А еще: видела какой он мужчина?

– Видела, — холодно отозвалась Флора. — До сих пор в глазах режет, словно на солнце поглядела! Диана, меня не было дома целое перо, и тебя интересует только моя партия с пузатым Лордом?

Диана отрешенно поглядела на нее. Высокая, стройная, с небольшой, но видной грудью и с такими же, как у Флоры, глазами цвета ряски в солнечную погоду — она была красивой. Ее рыжеватые волосы ниспадали на расшитую бисером пелерину, сидящую поверх стального атласного платья с пояском, а ножки ютились в блестящих туфельках.

– Прости, — наконец, сказала Диана. — Ты так изменилась и похорошела. Свежий воздух и путешествие пошли тебе на пользу. А еще... скажи, слухи о том, что ты влюбилась в простолюдина, верны?

Щеки Флоры вспыхнули. На мгновение ей хватило достоинства изобразить удивление.

– Я влюбилась в простолюдина? Что за нелепость!

– Влюбилась все-таки, — вздохнула Диана.

– Все совсем не так! — взволнованно воскликнула Флора. — Смолл просто мой друг.

Он сопровождал меня домой, ну и спас мне жизнь там... пару раз.

– Да, подумашь... Каждый день тебе кто-то жизнь спасает. А где были стражники?

– Погибли. Сначала мы попали в засаду разбойников. А потом... туман.

Диана вздрогнула, услышав последнее слово, и схватила Флору за руку.

– Ты была в тумане? — Бровь над ее левым глазом легонько задергалась.

Флора покачала головой.

– Боже, ты вся дрожишь. Что тебя так напугало?

– Флора, прошу, ты должна выйти за Фиталла, — взмолилась Диана.

– Я не испытываю к нему НИКАКИХ чувств.

– Сегодня не испытываешь, а завтра...

– Ты вообще себя слышишь?

– Говори тише, прошу, — зашептала Диана.

– Я тебя не понимаю, сестра. Последний год ты, как чокнутая сваха, носишься вокруг меня, расхваливая одного кавалера за другим. Этот хорош, тот хорош... Отчего ты так сильно хочешь моей свадьбы?!

– Ты должна покинуть Фондорийское Древо.

Флору и раньше посещали мысли о том, что сестра просто хочет избавиться от нее. Даяна и Катия слишком юны, чтобы претендовать на внимание благородных кавалеров Фондории. Но она... возможно вся забота, которой ее баловала старшая сестра, была не из искренних побуждений. За последний год Флора получила двадцать два предложения о свадьбе. Диану замуж не звал никто. Она была и красива, и умна, и женственна, и обаятельна, но все почему-то предпочитали ей младшую сестру.

– Фло, прошу, поверь мне, ты должна покинуть Древо, — повторила Диана.

Флора вырвала ладонь из рук сестры.

– Я не думала, что когда-то скажу тебе это прямо в лицо. Зависть ни к чему хорошему не приведет. Ты должна смириться с тем, что выбирают меня, а не тебя. Я в этом не виновата. Не нужны мне все те десятки предложений, совсем не нужны. Да, они приятно греют мне душу и...

– Дело не в зависти! Тебе опасно тут оста... — Диана оборвалась на полуслове. Послышались тяжелые шаги. Из-за угла вышел высокий стражник. Он остановился возле принцесс и ретиво ударил себе грудь.

– Принцесса Флора, Его Величество желает вас видеть.

– Передай ему, что я скоро буду.

Флора молча ждала, пока стражник оставит их с сестрой наедине.

– Почему ты все еще здесь?

– Его Величество приказал сопровождать вас.

Флора заметила, как напряглась Диана.

– Тогда веди нас. Сестра, не желаешь составить мне компанию?

– С радостью, — отозвалась Диана.

Возле двери, ведущей в покои короля Грегори, стоял небольшой отряд королевских летунов. Флора мгновенно поняла, почему отец захотел ее видеть. Не было сомнений: Роджер вернулся. Королевские летуны с коротким поклоном отступили в сторону, приглашая принцесс

войти. Стражник открыл металлическую дверь, и Флора вбежала внутрь. Диана, крепко сжав пальцы в кулак, последовала за ней.

Король сидел за столом в гостиной, за его спиной висел причудливый гобелен, напоминающий о временах создания Фондории. На нем было изображено переселение людей с земли на Вечное Древо.

Роджер Баркалинстер, преклонив колено, стоял перед королем.

– Вы вернулись! — воодушевленно воскликнула Флора и оглядела гостиную. — Где он? Где Смолл?

– Принцесса, я не смог отыскать вашего друга, — не поднимая головы, сообщил Роджер.

– Что значит «не смог»?!

– Дочка, выслушай его, — терпеливо попросил Грегори.

Слезы подступили к глазам. Флора, поджав губы, коротко кивнула.

– Принцесса, когда мы с отрядом прибыли в нужное место, повозки, в которых еще вчера были люди, пустовали. Со всех сторон от них мы обнаружили лужи засохшей крови. Мы продолжили искать, и вышли к основанию Вечного пиона. На его верхушке сидели люди. Эти люди поведали нам, что сбежать им помог некий Смолл. Он разобрался с разбойниками и помог женщинам и детям забраться на цветок до прихода тумана. Но он не успел поднять всех. Внизу остались несколько человек. Когда спустился туман, снизу послышались крики. По словам одной женщины, ничего ужаснее она не слышала. — Роджер замолк и поглядел на короля. Тот кивнул. — Ваш друг не смог бездействовать. Он прыгнул с цветка в туман, и так и не вернулся.

Флора, не говоря ни слова, села на пол. По ее щекам покатались слезы.

– Нет... Он не мог... Он не стал бы...

– Люди порой совершают смелые и необдуманные поступки, — сказал Грегори. — Твой друг — герой.

– Я не должна была его там оставлять... Если бы я вернулась раньше...

– Нужно продолжить поиски, — решительно заявила Диана. Никто никак не отреагировал. Тогда она повторила громче: — Нужно продолжить поиски Смолла. Нет гарантий, что он мертв. Роджер, вы возьметесь за это дело?

– Только с разрешения Его Величества.

– Отец? — Диана выдержала взгляд холодных серых глаз короля.

– Отец, пожалуйста, — взмолилась Флора. Она увидела выступ, спасающий ее от падения в море горя и печали, и крепко ухватилась за него. — Он не мог умереть. Я бы это почувствовала.

Король стиснул ручку кресла.

– Роджер, ты слышал моих дочерей. Проводи Флору в ее покои и отправляйся на поиски юноши.

– Спасибо, — прошептала Флора Диане, когда та помогала ей подняться.

– Чего не сделаешь ради младшей сестренки.

– Ты говорила, что мне нужно...

– Давай не сейчас, — шепотом перебила ее Диана. — Пойдем к тебе, расскажешь мне о своих приключениях.

– Диана, а ты останься. — Король поднялся на ноги и затянул пояс бархатного халата, к воротнику которого крепились две металлические бляхи с эмблемой в виде лабриса.

– Ваше Величество, принцесса Диана обещала дать мне рецепт своего превосходного пирога! — воскликнул Роджер.

– Это подождет.

– Но Ваше...

– Роджер, как вернетесь с поисков, так и дам вам тот рецепт. — Только принцесса Диана заметила, как побелели костяшки Роджера. Она поймала его взгляд и натянула улыбку.

– Как вам будет угодно, — сухо сообщил командир.

– Отец, не задерживай ее слишком долго, — попросила Флора. Нам есть что обсудить.

— И они с Роджером покинули покои короля.

Принцесса Диана вышла на балкон. Отсюда открывался прекрасный вид. Мир казался игрушечным; крошечные едва различимые домики на верхушках Вечных цветков, голубые узоры рек и трезубец гор вдали. На ветру рыжие волосы принцессы развевались как парусам.

Диана вздрогнула, ощутив на плече, тяжелую руку отца.

– Ну и зачем ты предложила отправиться на поиски того Смолла? — спросил он.

– Кому как не тебе знать, что люди порой возвращаются из тумана?

Отец крепко сжал плечо дочери. Она сморщилась от боли.

– Ты ведь не собираешься ничего рассказывать Флоре?

– Нет. У нас был уговор.

– Тогда хорошо. — Король Грегори аккуратно развязал пояс на стальном атласном платье принцессы. Она задрожала. — Прекрати трястись. Сколько сегодня пришло? — Он ухватился за лямки платья и медленно спустил его с дочери. На пол упали три конверта. Диана дрожала, но не сопротивлялась.

– Целых три? Когда они уже поймут, что им ничего не светит?

Грегори тапкой отпихнул конверты в угол балкона, и Диана ощутила горячие ладони отца на своем теле. Они прошлись по холмистым изгибам, остановились на поясице и уверенно надавили вперед. Принцесса повиновалась: отступила на пару шагов назад и наклонилась, руками хватаясь за перила балкона. Король поставил стопу между ее стопами и, скользя по полу, сдвинул правую ногу Дианы в сторону. Затем развязал пояс бархатного халата.

Диана услышала звон металлической бляхи и зажмурилась.

ГЛАВА 11. Я буду прыгать

Покинув «Черную могилу», Смолл еще час шатался по улицам и расспрашивал людей о том, где находится. Все в один голос твердили, что их город именуют Оустрейсом, и что Фондория — выдуманная дедом нынешнего короля страна. Такой масштаб заговора против Смолла был просто невозможен. Уставший и запутавшийся Уиткинс заснул на лавочке в тени заброшенного сарая, надеясь на то, что, вновь открыв глаза, он очутится в другом месте. И там, в другом месте, Фондория больше не будет выдуманной страной.

Над Оустрейсом висело солнце. Беспризорники в поисках еды носились по узким улочкам города, проверяли ржавые ведра с помоями, заглядывали в бары и бордели, а самые наглые из них ныряли в мясные лавки и с хохотом вылетали оттуда с куском оленины или костью в хрящах. Куртизанки — в чем на свет появились — стояли на каждом шагу. Одни скромно смотрели в землю и ждали, другие охотно себя продавали, третьи же, те, что пострашнее, чуть ли не бросались на проходящих мимо мужиков. Несмотря на различия, было у обреченных на распутную жизнь женщин кое-что общее. Все они, едва мужчины выбирали их, улыбались так, будто выиграли поездку в другую жизнь. Наверное, каждая куртизанка в душе мечтала, что следующий холостяк, с которым она разделит койку, возьмет ее в жены. И не придется ей больше торговать телом, чтобы не помереть с голоду. Ведь замужние женщины и старухи, в большинстве своем, занимались стряпней да рукоделием.

Суета Оустрейса не беспокоила Смолла. Мальчуганы трижды пытались обчистить его и без того пустые карманы, прялки дважды пытались его разбудить, крича «Это наше место», к нему даже пьянчуга пристал и разок ткнул сапогом в бок, попытавшись разбудить, но Смолл не отозвался. Он спал, словно сном мертвеца. Его трясло, щеки горели, лоб блестел от пота. Он громко бредил, нес что-то про хрустящее мясо и дымчатого змея. Одна перепуганная бабка закричала, что им завладел Дьявол. Дошло до того, что люди и вовсе стали обходить сарай стороной.

Лишь, когда солнце нырнуло за горизонт, Смолл проснулся. И проснулся не потому, что выпался. Ему было холодно, так холодно, как никогда прежде. Сердце сотрясало грудную клетку, воздух будто резал ноздри, а редкая слюна во рту отдавала железом. Смолл руками оттолкнулся от лавочки и сел. Неприятная дрожь проползлась по позвонку и стрельнула в копчик. Смолл попробовал встать, но зад, словно прилип к лавке.

– Что за...

Он опустил взгляд. Стопы боком лежали на истоптанной земле, но земли он не чувствовал. Смолл попытался пошевелить пальцами ног, и с ужасом понял, что не может. Он совсем не ощущал ног ниже колен.

Страх парализовал тело, но не горло.

– Кто-нибудь! — закричал Смолл. — Помогите!

Ветер подхватил его голос и понес вдоль улиц.

Из-за угла дома выскочили три паренька лет двенадцати и замерли.

– Эй, Марл! Чо забыл, чо та старая сказала? — Один из них схватил другого за плечо. — Им завладел Дьявол!

– Да клал я на твоего Дьявола! — Марл смахнул руку с плеча. — Если сыкотно, ждите там, трусишки!

Подбежав к Смоллу, мальчуган воскликнул:

– Ну и разорался ты! Чем помочь?

– Я ног не чувствую, — ответил Смолл с отдышкой, неуклюже развязывая шнурки на сапогах. Голова у него закружилась, и он схватился за спинку лавочки, чтобы не свалиться. — Все плывет перед глазами... Надо их снять...

– В такую холодрыгу и я ног не чувствую...

– Я не могу ими пошевелить! — закричал Смолл, и Марл испуганно отпрянул. — Совсем!

Прошу, корни подери, помоги снять сапоги!

– Сказал бы сразу, а то «их надо снять». Нет бы нормально изъясняться. — Марл присел на корточки, стянул кожаные сапоги и прилипшие к бинтам на стопе Смола носки. — Фу-у! Гадость какая! Ты что в капкан наступил?

– Нет. Развяжи бинты.

– Мерзко-то как...

– Прошу!

– А заплатишь?

– Сколько захочешь — только не сейчас!

– По рукам. — Марл взялся за бинты. Бинты чуть ли не вросли в ногу Смолла, и мальчик не переставал предупреждать: «Будет больно!», «Зараза к коже прилипла, щас дерну!». Но что бы Марл там не творил, Смолл не морщился и не кричал от боли, он ничего не чувствовал.

– Вот дерьмо! — воскликнул Марл, закончив. — Вот дерьмо!

– Что там? — тихо спросил Смолл, его вдруг стало клонить в сон. На глаза, словно опала мутная пленка, и он видел не ясно.

– Да сам посмотри!

Смолл — ему это стоило немалых усилий — подался вперед и глянул. Посеревшие ступни были усеяны кроваво-черными язвами, из которых сочился гной. Жилы на ногах почернели и корнями Вечных цветков тянулись к бедрам.

– Конечно, — пробормотал Смолл, вспомнив, как прошелся по стеклам в доме тетушки Балгани. — Осколки были пропитаны трупной гнилью... Где у вас лекари?

– Лекари? — тупо повторил Марл.

– Дяди и тети! — не выдержал Смолл. — Те, что лечат!

– В трех улицах от...

– Помоги мне подняться и веди.

– Но ты не можешь...

– Смогу! Должен смочь! Быстрее! — Смолл протянул дрожащую ладонь: Марл схватил и дернул на себя. На мгновение Смолл — и без того темная улица стала тонуть для него во мраке — приподнялся, но устоять на непослушных стопах было невозможно, и он срубленным деревом полетел прямо на мальчика. Тот увернулся, и Смолл распластался на земле.

– Эй, ты цел? Эй! Эй, ты чего? — Смолл не отзывался, и Марл, обернувшись, закричал: — Парни! Нужна ваша помощь!

Последнее, что уловило угасающее сознание Смолла: его поволокли по земле.

Вновь открыв глаза, он увидел над собой два лица, неясных, но очевидно мужских. Даже страшная лихорадка не помешала понять, что они спорят. Мужики перекрикивали друг друга, размахивая руками. Смоллу их движения казались странными, они словно писали в воздухе.

– Он очнулся!

– Парень, твоя нога...

Смолл не дослушал. Его снова унесло в небытие.

Бредовые и долгие ему снились сны, в них он непременно чего-то лишался. Ему снилась Флора и то, как он не смог спасти ей жизнь. Он видел свое рождение в домике лекаря Аркадио; ветер снес крышу, дождь полил на его крохотное тельце, а молния убила родителей. Смолл страдал и плакал, но когда очнулся, все ушло. Пережитое во сне испарилось подобно пару от дыхания в холодную погоду. И пришла боль. Его ноги горели.

Стоял яркий день. Лучи солнца пробивались сквозь полуоткрытые оконные ставни, делая видным, обычно скрытый от глаз хаотичный танец пыли. Смолл лежал на кровати. Тяжелое

тело ныло и отказывалось двигаться. Он сжал пальцы рук в кулак. Уже что-то! Затем попробовал пошевелить пальцами ног. Правая неохотно подалась, но левая... Ужас закрался в душу Смолла. Перебарывая жуткую боль, он сел. И его затрясло. Левая нога была отрезана выше колена.

Воздуха в комнате резко стало меньше. Смолл вцепился руками в то, что осталось от ноги, и завыл. Взгляд прыгал с правой ноги на культю и обратно. И так снова и снова. Сердцу было тесно в груди, мысли разрывали голову.

– Нет! Нет! Нет! — Смолл изо всех сил ударил кулаком в левое ребро — бинты вокруг культы покраснели — и его ослепила боль. Он и не знал, что бывает такая боль. Горела не только отрубленная конечность, сама душа словно плавилась. Он бацнул по ноге еще раз и еще.

В комнату вбежали лекари. Один из них отвесил Смоллу сочную оплеуху.

– Возьми себя в руки! — воскликнул он и одним выверенным движением руки прижал Смолла к кровати, а другим влил ему в рот горькую смесь. Лицо парня скривилось. — Знаю, мерзкая вещь, но тебе станет лучше.

Он не соврал. В голове у Смолла заметно прояснилась, а по телу расплзлась прохлада, самую малость, но притупляющая агонию.

– Что вы сделали со мной?

– Что мы сделали? — переспросил худой, рыжебородый мужик с впалыми щеками. — Шкуру твою спасли — вот что!

– Вы отняли у меня ногу.

– Скажи спасибо, что одну.

– Ты был плох, — мягко сказал второй лекарь — крепкий, с приятным лицом и теплыми карими глазами, — трупный яд распространился слишком далеко, еще пару дней и ты бы умер. Если бы ты пришел к нам раньше, сразу, как отказали ноги, все могло бы сложиться иначе. Зачем ты терпел?

– Я не терпел. Очнулся на лавочке ночью, а ногами пошевелить не могу. Стал кричать. Прибежали мальчишки. Один из них снял мне сапоги. Дальше не помню.

Лекари переглянулись.

– Нет, ты что-то путаешь, — сказал крепкий. — С такими ногами, как у тебя, ты дней двадцать должен был, как овощ на месте сидеть.

– Такого не было. Еще вчера я бегал.

– Бред! — воскликнул худой хриплым голосом. — Этого не может быть.

Смысла переубеждать лекаря Смолл не видел. Плевать! Его волновало и пугало другое.

– Почему я чувствую ее? — спросил он, мягко обхватив культю. — Почему я чувствую продолжение ноги? Пальцы зудят и ломают, а стопа болит... Но там нет ничего. Там нет ничего, но нога... она будто все еще здесь.

– Это нормально, парень, — сказал крепкий. — После ампутации конечности такое случается порой. Фантомной болезнью зовется.

– И это пройдет?

– А ты того хочешь? — спросил худой.

Смолл промолчал. То ли на него так подействовало успокоительное, то ли шок сыграл свою роль, но Смоллу почему-то казалось, что если он ответит «да», нога уже точно никогда не вырастет. А потерять эту безумную и наивную мысль он не посмел бы.

– Рано или поздно все проходит, — заверил крепкий.

– Но ты вряд ли доживешь до этого дня, — подхватил худой. — А ведь я предлагал Джозу остановить твои мучения. Кусочек черной смерти в рот, и ты безболезненно отправляешься на тот свет. Но, как видишь, Джоз был против.

– Мы не боги, Коган, чтобы решать, кому жить, а кому умирать.

– Ты прав, мы не боги. Но люди отчаянно доверяют свои жизни нам. И как думаешь почему? Они знают, что мы те, кто может подарить им счастливую жизнь или удачную смерть. — Коган ополоснул руки в мыльном растворе и присел на стул возле Смолла. — Давай-ка глянем как там твоя нога. Ах да, прости! То, что от нее осталось.

– Парень, не обращай внимания, у Когана злой язык...

– ...но руки золотые.

– Ты серьезно считаешь, что мне стоило умереть? — спросил вдруг Смолл, и Коган вздрогнул. Голос прозвучал слишком громко и слишком уверенно.

– Считаю, — тут же отозвался Коган. — Ты на всю жизнь остался калекой. Куда ты пойдешь? Ночные вылазки для тебя закрыты, родни тут у тебя, как я понял, нет, может быть получится телом заработать, но разве это нормальная жизнь? У тебя нет ничего.

– У меня есть вторая нога!

– И что она тебе даст, эта твоя вторая нога? Ты и ходить толком не сможешь!

– Коган, хватит! — крикнул Джоз.

– Что хватит-то? Все по делу говорю! Жизнь парня сломана! Он не сможет даже ходить...

– Да задрал ты со своим «Он не сможет ходить»! — заорал Смолл, рывком вытащил из-под головы подушку и бросил в ошарашенного Когана. — Я и сам знаю, что не смогу, корни тебя подери. Но тогда я буду прыгать!

– На одной ноге, да?

– Да. И буду прыгать быстрее, чем бегают.

– Кто? Такие же немощные, как ты?

– Нет, такие немощные как ты.

– Хочешь поспорить?

– Хочу. Дай мне только время восстановиться...

– Восстановиться? — Коган грустно улыбнулся. — Ты так и не понял? Ты уже никогда не восстановишься.

– Клянусь! — воскликнул Смолл. — Больше всего на свете мне сейчас хочется зарядить тебе левой ногой по лицу!

– Первая шутка в статусе калеки? — Коган расхохотался. Джоз подхватил его смех. — Торопить не стану. Будешь готов посоревноваться, дай знать. — Коган начал разматывать бинты. — А сейчас мы глянем, как там поживает твоя культя.

Коган промыл культю Смолла и наложил чистые бинты. С правой ногой он возиться не стал, сказал, что язвы заживут в течение десяти дней. Джоз принес тазик с водой и кусок мяса. Смолл умылся и через силу поел.

– Спасибо, — сказал он, когда они остались наедине с Джозом.

Джоз поправил закатанные рукава свободной рубахи и грустно улыбнулся.

– Ты не обращай внимания на Когана, у него есть причины хмуриться. Когда ему было восемь, его отец, славный мужчины и надежный лазутчик, подхватил какую-то болячку. С роду таких не видывал. Его нога покрылась красноватыми пузырями, которые лопались, оставляя после себя гнойные дырки. А там где гной и открытые раны — не далеко и гангрена. В общем, чтобы он не помер, ему пришлось отрезать правую ногу. С потерями каждый справляется по-своему, отец Когана налег алкашку. Напивался, кричал, проклинал весь свет. Напивался, кричал, проклинал весь свет. Коган, как мог, пытался вернуть отца в нормальное состояние. Подбадривал, кормил, помогал мыться. Он даже устроился на работу, чтобы содержать отца, ведь после смерти матери тот был единственным его родственником. Он верил, что отец оправится, снова станет жизнерадостным и смелым. Но... Однажды Коган вернулся домой и нашел отца мертвым. Он лежал в кровати, запрокинув голову, и у него был черный язык. Он принял яд — черную смерть — и оставил сыну жалкую короткую записку: «Мне незачем жить таким».

– Он не должен был так поступать, — Смолл покачал головой. — Он не должен был бросать сына.

– Я это знаю, ты это знаешь, когда-то и Коган это знал. Но те времена далеки, Коган так сильно восхищался отцом, что принял его решение. И даже больше, стал считать верным. Теперь его не переубедить.

Смолл опустил глаза на культу. Может отец Когана все-таки был прав? Может и ему стоит проглотить черную пилюлю и лишиться себя страданий? Нет. Смолл мотнул головой, прогоняя дурные мысли.

– Джоз, — обратился он, — если я оступлюсь, расскажи мне это снова. А если не стану слушать — через силу.

– Сомневаюсь, что в этом будет надобность, парень.

– Зови меня Смоллом. А то парень, парень...

– Смолл, — произнес Джоз, словно пробуя имя на вкус, — хорошее имя. Ты очень сильный человек, Смолл. Ты справишься.

Смолл не нашел, что ответить, и лишь коротко кивнул.

Джоз пообещал зайти ближе к вечеру и ушел.

С улицы доносились голоса людей. Тихие и громкие. Низкие и высокие. В окне мелькали силуэты беспризорников, юрких и быстрых. Кто бы мог подумать еще вчера, что он будет завидовать этим несчастным ребятам? И не только им, а вообще всем людям на своих двоих. Смолл стиснул зубы, — он не станет таким, как отец Когана! — напряг все тело и сел. Культура горела так, словно ее прижгли не вчера ночью, а только что и посыпали, издевательства ради, солью. Смолл руками ухватился за бедро, ясно ощущая невидимое глазу продолжение ноги.

– Призрачная нога, — прошептал он и тихо заплакал.

ГЛАВА 12. Безликий король

Ранний час и густые серые тучи не помешали жителям Оустрейса собраться на заставленной скамьями площади. Сотни суровых мужчин, полуобнаженных женщин и одетых в тряпье детей терпеливо ждали поединка. Некогда на этом месте проходили бои. Муж вступал в диалог на мечях с обидчиком жены или же просто два пьянчуги-бунтаря выясняли кто сильнее. Но те времена прошли. Старые традиции редко приживались в Оустрейсе, и эта не исключение. Сегодня народ ждал забег.

Толпа расступилась, и на пыльную дорожку вышел худой рыжебородый мужчина с впалыми щеками. Он хмурым взглядом оббежал присутствующих и фыркнул. Следом за ним, опираясь на костыли, двигался одноногий противник. Жители Оустрейса взорвались криками и аплодисментами.

– Ты сможешь! — завизжал кто-то.

– Уделай его! — подхватили забравшиеся на лавку беспризорники.

– Почему-то мне кажется, что им нет разницы, победишь ты или нет... в их глазах ты уже победитель, — пробормотал Коган, подворачивая рукава холщовой рубахи.

– Ты соревнуешься со мной, — напомнил ему Смолл, — мне есть разница. — Он отбросил костыли в сторону, почесал козлиную бородку и крепко завязал тонкой красной веревкой отросшие за восемьдесят дней угольно-черные волосы. Его левая ладонь неприятно покалывала, но это не шло ни в какое сравнение с ноющей болью в культе.

– Выглядишь бодро, — сказал Коган. Смолл через плечо посмотрел на него. — Нет, правда! Молодой, крепкий, сильный... Ты главное меня не жалея. Беги во всю силу! — Он расхохотался.

– Ты тоже! — улыбнулся Смолл. Он знал, что этот ответ взбесит лекаря, и с удовольствием наблюдал за его реакцией. Но Коган, надо отдать ему должное, умело замаскировал свое недовольство.

Джоз закончил чертить линии старта и финиша и подбежал к ним.

– Готовы к забегу? — спросил он, пытаясь.

– К прыжку, — поправил Смолл. Он заметил в толпе Ганса Патрона и кивнул ему. Рубцы на культе затянулись, но странное чувство, что нога все еще при нем никуда не делось.

– От старта до финиша сто шагов, — сообщил Джоз. Его карие глаза блестели, а большое добродушное лицо выражало беспокойство. Последние десять дней он только и делал, что пытался отговорить Смолла от дебильной, по его словам, затеи. Но Смолл был непреклонен. — Ты главное не перенапрягайся, Смолл.

– У него и так шансов нет, а ты еще просишь его мне поддаться?

– Не поддаться, — возразил Джоз, — а побережь силы. Он всего ничего стоит на ногах.

– Ноге, — с ухмылкой поправил Коган.

– Джоз, все обойдется, ты же знаешь, — пообещал Смолл. — Я уделаю старичка одной правой, и мы пойдем выпьем по стаканчику.

– Сильное заявление... для калеки. — Коган опустил на корточки и туго затянул ремешки на потесанных сапогах из крокодильей кожи. — Теперь мы готовы.

Смолл встал на линию старта и сжал пальцы в кулак. Он предвкушал начало забега, как давно не предвкушал что-либо, но вместе с тем и боялся того, что будет после. С тех пор как он потерял ногу, лишь мысль о сегодняшнем поединке заставляла его не отчаиваться, толкала вперед. Смолл упорно трудился, чтобы оказаться здесь. И вот цель достигнута. Но порой достижение цели удручает нас не меньше, а то и больше неудачи.

– Мы начинаем! — крикнул Джоз в толпу.

– А как же дамы и господа?

– Да заткнись ты уже, Коган! — Джоз отошел в сторону и кивнул Марлу, стоящему сбоку от финишной линии. — Приготовьтесь! На счет три! Три! Два! Один! Погнали!

Смолл реагировал быстрее. Один прыжок, другой... Культя горела, но Смолл уже не чувствовал желания наступить на вторую ногу. Ветер приятно щекотал лицо, земля и зрители прыгали перед глазами. Он снова был на ходу, он снова был живым. И он на полкорпуса опережал противника, когда тот вдруг рванул вперед, точно его с силой толкнули, и оторвался. Зрители недовольно засвистели. Смолл финишировал, глядя в узкую спину Когана.

– Слишком предсказуемо. — Рыжебородый тяжело дышал.

– Сколько? — По вискам Смолла стекал пот.

– Шагов пять, — ответил Марл, — не больше.

Лицо Смолла осветила улыбка. Он развернулся и на большей для одноногого человека скорости попрыгал обратно к линии старта. И так раз десять: от старта до финиша и обратно. В груди у него гулко стучало. Марл бежал рядом и хохотал. Площадь медленно пустела. Люди насмотрелись на старания калеки и вернулись к своим делам. Остались только дети, им нравилось наблюдать за Смоллом, для них он был сродни герою.

Раздался гром, небо окрасили оранжевые, желтые и перламутровые вспышки.

– Небесные вены! — воскликнул Марл. Набегавшись, они со Смоллом присели на лавочку, и Марл вытащил из просторного кармана брюк сладкий корень неуверенного дерева. «Неуверенным» дерево называлось из-за того, что не могло подолгу стоять на одном месте и вечно передвигалось.

– Ты запомнил? — изумился Смолл.

Марл задрал рукава пожелтевшей рубахи, больше напоминающей тунику, и улыбнулся.

– Небо тренирует мышцы. Подход за подходом. На небесном теле выступают вены, словно молнии. Небо потеет, и льется дождь. Я все запоминаю. — Он разломил корень напополам и протянул Смоллу. — Не благодари.

– Спасибо, Марл.

Паренек смутился. Он всегда смущался, когда его хвалили или благодарили.

– Этот за тобой до сих пор следит, — тихо сказал Марл, прикрыв ладонью рот.

– Знаю, — выдохнул Смолл. — Аверлин выходи! Хватит прятаться!

Мгновение природа наслаждалась тишиной, затем прогремел гром, и из-за угла каменного дома с трещиной на всю боковую стену уверенной походкой вышел человек в черном плаще. Он остановился перед Смоллом и скинул капюшон.

– Что меня выдало?

– Ганс. Он бы просто так не пришел.

– А еще бабы, — добавил Марг, — они больно часто за угол заходили и больно часто возвращались оттуда ни с чем. Даже самые красивые из них. Простаки их бы не заинтересовали, а нормальные мужики... они бы красивых баб не прогнали бы, как это сделал ты.

– Зачем ты прятался? — спросил Смолл.

– Король велел не спускать с тебя глаз. Это лучше делать невзначай, больше узнаешь.

– И что же ты узнал?

– Потеря ноги не сломила тебя.

– Без обид Аверлин, но Марл бы узнал гораздо больше за каких-нибудь пять минут.

– В этом разница между профессионалом и любителем. Любитель узнает столько о тебе, что ты будешь шокирован, профессионал же разочарует тебя, но будет знать абсолютно все.

– Чего-то я не догнал... — начал Марл.

– Король хочет встретиться со мной?

– Он больше не будет ждать, — подтвердил Аверлин.

– А если я откажусь идти?

– Мне кажется, ты дорожишь своей правой ногой. Или я ошибаюсь?

Рот Смолла напрягся. Теперь вес каждой угрозы для него увеличился вдвое.

– Ты умеешь убеждать, — холодно сказал он.

Аверлин кивком головы велел ему следовать за ним.

Смолл взъерошил кучерявые волосы недовольного Марла и пообещал, что скоро вернется.

Темнело. Крупные капли дождя звонко бились о крыши домов. Аверлин шел широким шагом, Смолл едва поспевал за ним. Он насквозь промок, но не жаловался.

ХЛЮП-ХЛЮП!

Смолл прыгал по лужам, брызги летели во все стороны. Он тяжело дышал, борясь с желанием остановиться. В окнах домов горели огни, издали напоминающие звезды. А ведь Смолл раньше любил сидеть на крыше домика на своем цветке и глядеть в ночное небо. Как же он скучал по созвездию павлина, без него здешний небосвод казался таким плоским и таким пустым... Он вспоминал беззаботные времена, когда мог целыми днями рыскать на двух ногах по округе в поисках приключений, вспоминал о родителях и о Флоре. Смоллу не хватало улыбки принцессы, ее наивных вопросов. Сопровождая девушку на пути к Фондорийскому Древу, он чувствовал себя особенным, от его поступков зависела судьба другого человека. Но теперь он снова сам по себе.

...Смолл не заметил, что Аверлин остановился, и налетел на него.

– Твоя гордость тебя погубит, — сказал Аверлин.

– Не гордость, а седой человек в плаще, который забывает, что ведет в замок калеку.

— Смолл сел на мокрую лавочку и отдышался.

– Справедливое замечание, — согласился Аверлин.

Очень скоро они снова двинулись в путь. Улицы Оустрейса пустовали. На горном плато и в солнечный день было прохладно, а сейчас уж тем более. Нога Смолла невыносимо ныла, он с трудом отрывал стопу от земли. Наконец, показался замок. Замок стоял на пологом холме и состоял из череды едва ли не сливающихся с чернотой ночи башен, чьи круглые окошки горели пугающим зеленым светом.

Смолла поразило, что замок не огражден стеной.

Они подошли к огромной железной двери, Аверлин постучал, и стражники пустили их внутрь.

– Король у себя? — спросил Аверлин твердым, непоколебимым голосом.

– Он не покидал своих покоев. — Стражник, высоко подняв подбородок, смотрел вперед.

— Вас сопроводить?

Аверлин кинул взгляд на Смолла. Смолл сначала пожал плечами, затем до него дошло, что Аверлин спрашивает «Нужна ли тебе помощь, чтобы подняться?», и ретиво покачал головой.

– Тогда нет, — сказал Аверлин.

– Как скажете, — отозвался стражник. — Разрешите вернуться к своим обязанностям?

– Ступай.

Аверлин повел Смолла вдоль широкого тускло освещенного коридора. На мраморных стенах изображались причудливые фрески объемных фигур, на полу — эмблемы Оустрейса. Они по винтовой лестнице поднялись на третий этаж. От контраста у Смолла перехватило дыхание. Великолепие первых двух этажей сменилось практичностью. Блеклый серый камень пришел на смену изящному мрамору.

– Это точно этаж короля? — спросил Смолл. — Больше походит на темницу.

– Король не нуждается в показном великолепии, — холодно ответил Аверлин. — Какая разница, какого цвета стены и есть ли на них картины? На что это повлияет?

– На настроение. Приятнее смотреть на...

— Как можно любоваться красотой стен, когда твои подданные голодают? — Аверлин остановился возле черной двери. — Мы пришли. — Он достал ключ и отворил дверь. — Пройди.

В центре гостиной стояли круглый столик с двумя гладкими стульями, пару узких шкафов и бесцветная ширма. Смолл слышал, что король никому не показывает свое лицо, но считал это нелепым слухом.

— Почему король...

— Присаживайся. Я сообщу королю о твоём визите. — Аверлин не дослушал и скрылся за ширмой. Смолл сел на стул и потер уставшую ногу. С мокрых волос капала вода. Пыльный налет на ковре превращался в грязь.

— Здесь вообще убираются? — вслух подумал Смолл. Он поднялся со стула и попрыгал к ширме. Заглянув за нее, он увидел темный проход, которому не было конца. Смолл прислушался; тишину пререзал низкий голос, эхом гуляющий по стенам коридора.

— Убираются. Хотя я и прошу их не делать этого. Такова королевская учесь — людям так и норовит тебе угодить.

— Смолл, ты ведь слышал о том, что происходит с людьми, увидевшими короля? — спросил Аверлину.

— Прощу тебя, Аверий, не пугай юношу.

Смолл услышал шаги и попрыгал обратно. Он сел на стул и сжал пальцы в кулак, стараясь подавить нарастающую в теле дрожь. Низкий, громоподобный голос короля до сих пор звучал у него в голове. «Этот голос не может принадлежать человеку», — думал Смолл.

— Присаживайтесь, — сказал Аверлин. Недостаточно высокая ширма не скрывала его седой макушки. — Мне Вас покинуть?

— Нет, останься, — ответил король. — Итак, Смолл, Аверий сказал мне, что ты родом с Фондории. Это так?

Смоллу захотелось соврать. «После визита к королю впечатленьши не возвращаются, — говорил ему Ганс. — Что ты там будешь говорить — дело твое, но имей в виду, тебе нужно быть чертовски убедительным». Он наполнил легкие воздухом и утвердительно кивнул. Потом вспомнил, что его не видят, и ответил «Да».

— Как ты попал сюда? Расскажи, что помнишь.

— Ну... я прыгнул с цветка в туман. Обычно полет вниз занимал несколько секунд, но в тот раз я летел вниз, наверное, минут пять, пока не приземлился здесь.

— Что было дальше?

— Я увидел целое полчище белоглазых людей и побежал. Ноги... — Смолл запнулся на этом слове. — Ноги несли меня прочь. Я спотыкался, врезался в деревья, но поднимался и продолжал бежать. Я тогда впервые встретил туманных и был в ужасе. Жуткие пустые глаза, неестественные движения — все это я до сих пор вижу в ночных кошмарах. Наверное, я уже прилично от них оторвался, когда у меня буквально взорвался мозг. Страшная головная боль сковала все тело. Не помню, что произошло дальше, помню лишь, что когда боль отступила, туман вокруг бесследно исчез...

— Как это исчез? — Голос короля повысился настолько, что Смолл ни сразу понял, кому он принадлежит. — Этот туман никогда не исчезает.

— Ты знаешь, что мы делаем с лжецами? — подал голос Аверлин.

— Я не лжец! Туман исчез. Не знаю, как и почему это произошло. Я говорю, что видел!

— Король не прощает лжецов.

— Значит он не прощает себе подобных? — Смолл, не выдержав, вскочил на ногу. Он знал, что этого говорить не стоит, но уже не мог остановиться. — Король, которого никто не видел в лицо, — лжец. Он прячется за ширмой, пока храбрые мужи, рискуя жизнями, отправляются в ночные вылазки ради общего блага. Мне хватило восьмидесяти дней жизни

здесь, чтобы понять, что Оустрейс существует только благодаря вылазкам. На горном плато едва ли растут фрукты, пшеница гниет, кукуруза безвкусна... из скота у вас есть только полсотни коз. Этого недостаточно! Народу нужна поддержка, но король-лжец не может ее дать!

Смолл достал из-за пазухи кинжал, готовясь отражать возможную атаку Аверлина. Но ее не последовало. Король молчал. В воздухе повисло напряжение.

– Ты знаешь, почему король скрывает свое лицо? — в голосе Аверлина одновременно слышались вызов и печаль.

– Аверий, я сам, — сказал король. — В четырнадцатый год моей жизни не стало десятых наследников престола. Все началось со смерти отца. Ранним утром состоялось его выступление на площади Ангинго. Ребенок в толпе попросился к нему на руки. Отец очень любил детей. Он взял малыша на руки... и упал замертво. Малыш поцарапал его покрытым ядом стеклышкам. Затем на престол взошел мой дядя. Он правил ровно семь дней. После публичного выступления на площади Ангинго дядю нашли мертвым в своих покоях. Его глаза вылезли из орбит, шея чудовищно распухла, а кожа на животе натянулась струной и лопнула, окрасив потолок омерзительными черными внутренностями. Настал черед моих братьев и сестер. Больно терять родных, но еще больнее осознавать свою беспомощность. Поочередно они взбирались на престол и неизменно погибали. Площадь Ангинго стали называть проклятой, ее застроили кладбищем. Но выступления на новой площади не принесли изменений. Едва народ узнавал в лицо своего правителя, как того неизменно убивали. Когда очередь дошла до меня, я решил, что народ никогда не увидит в лицо своего правителя.

Смолл подумал, прежде чем ответить.

– Зачем людям правитель, которого они не знают?

– Правитель заслуживает доверие не лицом, а принятием верных решений. Кому есть дело до того как выглядит Бог? В него верят, ему молятся, на него надеются, но никто не видит его в лицо.

– Скромное сравнение, — заметил Смолл. — Так вы верите в Бога?

– Бог есть. Только ему давно нет дела до того, что происходит на земле. Народ гибнет, число туманных растет...

– Откуда они взялись?

– Туманные? Сколько я знаю, они были всегда. Дед правда рассказывал, что когда-то давным-давно еще до появления Оустрейса в мире нашем не было тумана. Под горным плато тянулся длинный хвойный лес, уставленный деревянными избами. По лесу носились дети, собирали красные в белую точку ягоды, кисло-сладкие на вкус... — Король зашелся кашлем. — В те времена мир делился на шесть крупных государств. Все жили в достатке, и лишь редкие войны за власть приносили горе и разруху. Но потом пришел туман. Он спустился словно бы из не откуда, и появились проклятые туманные. Одного их прикосновения было достаточно, для того чтобы обратить человека. За считанные дни пали все шесть крупных государств, в живых остались лишь те, кто укрылся в горах.

– Туманные боятся высоты?

– Им тяжело забираться так высоко.

– Но такое случается?

– Случается. Ты видел стену вокруг города, она стоит там не красоты ради.

– Но как им это удастся? Плато гладкое, там не за что уцепиться!

– Туманные прилетают верхом на птераксах.

Смолл так привык к голосу короля, что высокий женский голос заставил его подпрыгнуть. Дверь со скрипом отворилась, в покои короля вошла девушка в синем атласном платье. Она посмотрела на Смолла, затем на ширму и громко вздохнула.

– Простите, что подслушала, — сказала она. — Отец, с Гири Эльдмунтом покончено.

Смолл с опаской покосился на девушку. «С виду хрупкая, — подумал он. — Неужели она способна на такое?» Девушка заметила его взгляд и с улыбкой добавила:

– Всю душу из него высосала.

– Эрен, как будешь готова, приступай к следующей, — сказал король. Контраст между их голосами околдовывал Смолла. — Смолл, последний вопрос. Как звали твоих родителей?

– Какая разница?

– Как их звали? — повторил король.

– Ну, Артур и Марта.

– Марта? — переспросил король изменившимся голосом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.